

ВЕСТНИК
РГГУ

Экономика
Управление
Право

Academic Journal
RSUH / RGGU Bulletin

Economics •
Management • Law

3 2025

ISSN 2073-6304

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Экономика.
Управление. Право»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Economics.
Management. Law”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

3
2025

RSUH/RGGU BULLETIN. “Economics. Management. Law” Series

Academic Journal

There are 4 issues of the printed version of the journal a year.

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. “Economics. Management. Law” Series is included in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings. Peer-reviewed publications fall within the following research area:

Economics

5.2.1. Economic theory

5.2.4. Finance

5.2.5. World economy

5.2.6. Management

Jurisprudence

5.1.3. Private law (Civilistic) Sciences

Objectives and scope

The purpose of the journal is the dissemination and popularization of modern economic and legal knowledge, the publication of the results of relevant scientific research in the field of management, economics and law.

The main task of the journal is to become an effective means of communication between university and academic science, education and the professional community on a wide range of the most important socio-economic and legal problems of the development of regions, the country and the world.

The journal is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61880 of 25.05.2015.

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – reg. No. FS77-73407 of 03.08.2018

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047

tel: +7 (499) 973-40-96

e-mail: ynic2010@mail.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

Экономика

5.2.1. Экономическая теория

5.2.4. Финансы

5.2.5. Мировая экономика

5.2.6. Менеджмент

Юриспруденция

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Цели и область

Цель журнала – распространение и популяризация современных экономических и юридических знаний, публикация результатов актуальных научных исследований в области управления, экономики и права.

Главная задача журнала – стать эффективным средством коммуникации между университетской и академической наукой, образованием и профессиональным сообществом по широкому кругу важнейших социально-экономических и правовых проблем развития регионов, страны и мира.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61880 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73407 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6

Тел.: +7 (499) 973-40-96

Электронный адрес: unic2010@mail.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

D.V. Bobrov, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

N.Yu. Sopilko, Dr. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*the first deputy editor-in-chief*)

A.A. Shulus, Dr. of Sci. (Economics), professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.L. Abaev, Dr. of Sci. (Economics), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S.N. Bolshakov, Dr. of Sci. (Economics), professor, Komi Republican Academy of Public Administration, Komi Republic, Syktyvkar, Russian Federation

A.B. Il'in, Dr. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.V. Matraeva, Dr. of Sci. (Economics), associate professor, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

N.A. Navrotskaya, Dr. of Sci. (Economics), professor, Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation

Nur Abd Ehl' Vadud Nada Salem, professor, Sadat Academy for Management Sciences, Cairo, Arab Republic of Egypt

O.S. Sukharev, Dr. of Sci. (Economics), professor, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

L.A. Talimova, Dr. of Sci. (Economics), professor, Karaganda University of Kazpotreboysyuz, Karaganda, Republic of Kazakhstan

T.M. Alieva, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary of the series*)

Executive editors

N.Yu. Sopilko, Dr. of Sci. (Economics), associate professor, RSUH

A.B. Il'in, Dr. of Sci. (Economics), associate professor, RSUH

T.M. Alieva, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Д.В. Бобров, кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Н.Ю. Сопилко, доктор экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
(*заместитель главного редактора*)

А.А. Шулу, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.Л. Абаев, доктор экономических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С.Н. Большаков, доктор экономических наук, профессор, Коми республиканская академия государственной службы, Республика Коми, Сыктывкар, Российская Федерация

А.Б. Ильин, доктор экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.В. Матраева, доктор экономических наук, доцент, Российский технологический университет («МИРЭА – Российский технологический университет»), Москва, Российская Федерация

Н.А. Навроцкая, доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Нур Абд Эль Вадуд Нада Салем, профессор, Академия административных наук им. Садата, Арабская Республика Египет

О.С. Сухарев, доктор экономических наук, профессор, Институт экономики РАН, Москва, Российская Федерация

Л.А. Талимова, доктор экономических наук, профессор, Карагандинский университет Казпотребсоюза, Караганда, Республика Казахстан

Т.М. Алиева, кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
(*ответственный секретарь серии*)

Ответственные за выпуск

Н.Ю. Сопилко, доктор экономических наук, доцент, РГГУ

А.Б. Ильин, доктор экономических наук, доцент, РГГУ

Т.М. Алиева, кандидат экономических наук, доцент, РГГУ

Contests

Selected materials of the international scientific conference “Chayanov Readings at RSUH – 2025: Russia on the way to a sovereign social economy”

Aleksey A. Shulus

Introductory remarks. Concept and goals of the Chayanov Readings – 2025.	10
--	----

Dmitry V. Bobrov

Scientific school “Theory and practice of sovereign social economy”: Prerequisites for formation and implementation mechanisms	12
---	----

Zhan T. Toshchenko

Social contract: What and who determines the face of socio-economic development of modern Russia	40
---	----

Oleg S. Sukharev

Sovereign economic policy of Russia and structural dynamics of the economy	52
---	----

Management

Agamali K. Mamedov, Nino Z. Gogokhia, Arzu A. Gurbanova

Sociocultural optics of metropolis research	75
---	----

Irina V. Pavlova

Opportunities for AI integration by Russian corporations	93
--	----

Elena I. Kubasova, Andrey N. Kiselev

Intellectual capital management of enterprises in the era of digital business transformation	114
---	-----

Svyatoslav V. Nazaikinskiy

Personnel relocation in the context of business scaling: issues and solutions	128
--	-----

Economy

Irina P. Salmanova, Marina V. Samoshkina, Natalya V. Babina

Analysis of modern trends of financial markets development in the context of the digital transformation of world economy	143
---	-----

<i>Evgeny V. Vasiliev, Elena A. Isaeva, Irina A. Lukashova</i>	
Priorities of trade and economic cooperation between Russia and India	159
<i>Tatyana I. Kuzmina, Mariya A. Chavykina, Daniil A. Potapov</i>	
China as the driver for transregional economic processes in Eurasia	171
<i>Georgy A. Kuznetsov, Aleksandr Yu. Anisimov</i>	
The impact of the digital transformation of the economy on the financial policy of banks	191

Law

<i>Boris A. Antonov</i>	
Specifics of legal thinking in Germany (1930–1940s): Carl Schmitt's and Carl Larenz's reflections on values	207
<i>Irina A. Belyaeva</i>	
Issues of concluding of the inheritance contract	225

Содержание

Избранные материалы международной научной конференции «Чаяновские чтения в РГГУ – 2025: Россия на пути к суверенной социальной экономике»

Алексей А. Шулу

Вступительное слово. Концепция и цели Чаяновских чтений – 2025 10

Дмитрий В. Бобров

Научная школа «Теория и практика суверенной социальной экономики»: предпосылки формирования и механизмы реализации. 12

Жан Т. Тощенко

Общественный договор: что и кто определяет лицо социально-экономического развития современной России? 40

Олег С. Сухарев

Суверенная экономическая политика России и структурная динамика хозяйства 52

Управление

Агамали К. Мамедов, Нино З. Гогохия, Арзу А. Гурбанов

Социокультурная оптика исследования мегаполиса 75

Ирина В. Павлова

Возможности интеграции ИИ российскими корпорациями 93

Елена И. Кубасова, Андрей Н. Киселев

Управление интеллектуальным капиталом предприятий в эпоху цифровой трансформации бизнеса 114

Святослав В. Назайкинский

Релокация персонала в условиях масштабирования бизнеса: проблемы и решения 128

Экономика

Ирина П. Салманова, Марина В. Самошкина, Наталья В. Бабина

Анализ современных направлений развития финансовых рынков в условиях цифровой трансформации мировой экономики 143

<i>Евгений В. Васильев, Елена А. Исаева, Ирина А. Лукашова</i>	
Основные направления торгового-экономического сотрудничества между Россией и Индией	159
<i>Татьяна И. Кузьмина, Мария А. Чавыкина, Даниил А. Потапов</i>	
Китай как драйвер трансрегиональных экономических процессов на Евразийском пространстве	171
<i>Георгий А. Кузнецов, Александр Ю. Анисимов</i>	
Влияние цифровой трансформации экономики на финансовую политику банка	191

Право

<i>Борис А. Антонов</i>	
Особенности правового мышления в Германии 1930–1940-х гг.: представление о ценностях с позиции Карла Шмитта и Карла Ларенца	207
<i>Ирина А. Беляева</i>	
Проблемы заключения наследственного договора	225

**Избранные материалы
международной научной конференции
Чаяновские чтения в РГГУ – 2025
«Россия на пути к суверенной
социальной экономике»**

Вступительное слово
Концепция и цели Чаяновских чтений – 2025

Алексей А. Шулус

*д-р экон. наук, профессор
Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия*

С 2001 г. для экономического факультета РГГУ стало традицией ежегодно проводить Чаяновские чтения – научную конференцию, посвященную обсуждению актуальных проблем развития экономики России.

28 апреля 2025 г. состоялись Чаяновские чтения в РГГУ – 2025 «Россия на пути к суверенной социальной экономике», организатором которых стал Институт социально-экономических наук (ИСЭН) РГГУ.

Позвольте сказать несколько слов о концепции Чаяновских чтений – 2025 и проделанной подготовительной работе.

Во-первых, уже в процессе подготовки к чтениям был создан ИСЭН, на базе которого и проводится сегодняшнее мероприятие. Главной целью руководства РГГУ стало достижение синергетического эффекта от взаимодействия представителей различных наук в преподавательской и научно-исследовательской сфере. И сегодня перед вами выступают и экономисты, и социологи, и управленцы, и историки.

Во-вторых, ИСЭН создавали на базе наших предшественников, которые инициировали Чаяновские чтения – сегодня это уже 25-е.

Но диалектика жизни заключается не в простом повторении созданного до нас, а в движении вперед и вверх, в рамках которого главным становится развитие уже апробированного, его дополнение новыми элементами.

Так поступим и мы, предложив новые измерения для наших дискуссий – а именно становление в современной России экономической системы, которую мы предлагаем трактовать как суверенную социальную экономику (именно об этом будет подробно представлено в статье Дмитрия Викторовича Боброва).

Вместе с тем не забыто и творческое наследие А. Чаянова – один из ракурсов которого представлен в исследовании Петра Николаевича Клюкина.

В-третьих, резюмируя вышесказанное, хочу акцентировать следующий момент – главную задачу сегодняшних чтений мы в оргкомитете сформулировали как презентацию концепции новой научной школы – *Теория и практика суверенной социальной экономики*, разработка которой станет главным направлением научно-исследовательской школы ИСЭН. Эти разработки будут внедряться в учебный процесс, делая наши образовательные программы узнаваемыми, оригинальными, авторскими.

Научная школа «Теория и практика суверенной социальной экономики»: предпосылки формирования и механизмы реализации

Дмитрий В. Бобров

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, 212@rggu.ru*

Аннотация. В статье исследуются ключевые предпосылки становления научной школы «Теория и практика суверенной социальной экономики», обусловленные историческим опытом формирования элементов суверенных и социально ориентированных систем. Выделены этапы эволюции экономического знания в российской экономической истории, оказавшие решающее влияние на теорию и практику. Раскрыты основные причины демонтажа открытой экономики сырьевого типа, главным результатом которой стало формирование модели «роста без развития», выделены критериальные черты становящейся модели экономики современной России, которая и задает контуры новой парадигмы экономического знания.

Проведен анализ предшествующих теоретико-методологических работ, сформировавшихся в рамках различных научных школ.

Общий результат сводится к обоснованию того, что учитывая сложность современных глобальных процессов и вызовы, стоящие перед национальными экономиками, становится очевидной необходимость перехода от фрагментарных решений к целостной концепции суверенной социальной экономики, отражающей логику построения архитектуры, четкое определение целей и задач.

Цели построения и реализации суверенной социальной экономики как концепции заключаются в системном обеспечении национального развития, устойчивого к внешним и внутренним вызовам, посредством формирования сбалансированной модели социально-экономических отношений, в которой приоритет отдается как укреплению экономического суверенитета, так и достижению высокого уровня социальной справедливости и общественного благополучия.

Концепция ориентирована на создание экономической среды, способной эффективно мобилизовать внутренние ресурсы, стимулировать развитие отечественного производства, науки и технологий, снижать зависимость от внешних экономических и политических факторов, а также обеспечивать институциональную поддержку базовых отраслей, критически важных для национальной безопасности.

Ключевые слова: экономическая система, суверенная социальная экономика, социальное партнерство, эволюции экономического знания, научная школа, экономический суверенитет, социальное рыночное хозяйство

Для цитирования: Бобров Д.В. Научная школа «Теория и практика суверенной социальной экономики»: предпосылки формирования и механизмы реализации // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2025. № 3. С. 12–39. DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-12-39

Scientific school “Theory and practice of sovereign social economy”: Prerequisites for formation and implementation mechanisms

Dmitry V. Bobrov

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, 212@rggu.ru*

Abstract. The article studies the key prerequisites for the formation of the scientific school “Theory and practice of sovereign social economy”, conditioned by the historical experience in the formation of elements of sovereign and socially oriented systems. It highlights the stages of the evolution of economic knowledge in Russian economic history, which had a decisive influence on theory and practice. It also reveals the main reasons for the dismantling of an open raw materials-based economy and identifies the main result of which was the formation of a model of “growth without development”, the criterion features of the emerging model of the economy of modern Russia, which sets the contours of a new paradigm of economic knowledge.

There is an analysis of previous theoretical and methodological developments formed within the framework of various scientific schools. The overall result boils down to the justification that, given the complexity of modern global processes and the challenges facing national economies, it becomes obvious that there is a need to move from fragmented solutions to a holistic concept of a sovereign social economy that reflects the logic of building an architecture and a clear definition of goals and objectives.

The goals of building and implementing a sovereign social economy as a concept are aimed at systematically ensuring national development that is sustainable to external and internal challenges by forming a balanced model of socio-economic relations that prioritizes both strengthening economic sovereignty and achieving a high level of social justice and public welfare.

The concept focuses on creating an economic environment that can effectively mobilize internal resources, stimulate the development of domestic production, science and technology, reduce dependence on external economic and political factors, and provide institutional support for basic industries that are critical to national security.

Keywords: economic system, sovereign social economy, social partnership, evolution of economic knowledge, scientific school, economic sovereignty, social market economy

For citation: Bobrov, D.V. (2025), "Theory and practice of sovereign social economy": Prerequisites for formation and implementation mechanisms", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 3, pp. 12-39, DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-12-39

Введение

Система экономического знания выступает отражением объективной экономической реальности, ядром которого становятся различные научные школы. Ключевая задача научных школ заключается в открытии новых законов, закономерностей, тенденций экономической жизни и разработке на этой основе практических рекомендаций для органов власти и хозяйствующих субъектов.

Каждый исторический период характеризуется доминирующей научной доктриной, определяемой ведущей экономической школой (так называемый *mainstream*), что оказывает решающее влияние на теорию и практику. В российской экономической истории за последние 100 лет можно выделить три крупных исторических этапа эволюции экономического знания (рис. 1).

Рис. 1. Этапы эволюции экономического знания в СССР и России

На первом этапе эволюции экономической мысли эпохе советской плановой экономики соответствовала марксистско-ленинская экономическая наука.

На втором этапе (в постсоветский период с начала 90-х гг. XX в. по начало 10-х гг. XXI в.) в рамках открытой экономики преимущественно сырьевого типа и западной ориентации ведущая роль принадлежала различным вариантам школы «Экономикс».

На третьем этапе (с середины 2010-х гг. по наши дни) происходит демонтаж вышеуказанной модели и становление новой национальной экономической системы с соответствующей парадигмой экономического знания.

Для определения содержательной характеристики новой парадигмы экономического знания следует обратиться к современным экономическим реалиям. В данном контексте возникают следующие вопросы: каковы критериальные черты становящейся экономики современной России, и какая система научного знания будет ей соответствовать?

Сформулированным выше вопросам предшествует ключевой вопрос о причинах демонтажа открытой экономики сырьевого типа, просуществовавшей в России более 30 лет (рис. 2).

Первая группа причин – это исчерпание потенциала рассматриваемой модели, невозможность решения на ее основе важнейших народнохозяйственных задач.

Исчерпание потенциала данной модели и невозможность решения на ее основе важнейших народнохозяйственных задач:

- ☐ экономическая диверсификация
- ☐ экологические стандарты
- ☐ социальная справедливость и перераспределение доходов
- ☐ инновационное развитие

Необходимость поиска нового вектора внешнеэкономической деятельности вследствие изменившегося соотношения сил:

- ☐ геополитические факторы
- ☐ изменение структуры спроса на мировом рынке
- ☐ политика экономической безопасности
- ☐ отношение к бывшим республикам СССР

Рис. 2. Основные причины демонтажа открытой экономики сырьевого типа

1. Экономическая диверсификация. Одной из основных причин может стать стремление государства уйти от зависимости экспорта природных ресурсов, особенно нефти и газа. Диверсификация экономики позволяет снизить риски, связанные с колебаниями мировых цен на сырье, и развивать другие секторы – промышленность, высокие технологии, сельское хозяйство и услуги.

2. Экологические соображения. Экологическая повестка дня становится все более значимой на глобальном уровне. Ведущие страны мира переходят к низкоуглеродной экономике, внедряя альтернативные источники энергии. Отказ от сырьевой модели может быть вызван стремлением соответствовать международным экологическим стандартам и сохранить позиции на мировом рынке в долгосрочной перспективе.

3. Социальная справедливость и перераспределение доходов. Сырьевые доходы часто концентрируются в руках узкого круга лиц и компаний, что ведет к социальному неравенству, к расслоению населения. Демонтаж сырьевой экономики может сопровождаться реформами, направленными на перераспределение богатств и улучшение социальной инфраструктуры. Это включает развитие образования, здравоохранения, культуры и создание новых рабочих мест в несырьевых секторах экономики.

4. Инновационное развитие. Экономика, основанная на экспорте сырья, страдает от снижения конкурентоспособности обрабатывающей промышленности. Переход к инновационной экономике предполагает инвестиции в научные исследования, образование и технологическое обновление. Это позволит стране перейти от роли поставщика сырья к производителю высокотехнологичной продукции.

С.Ю. Глазьев отмечает, что

...экономическая катастрофа 1990-х годов и последовавшее за ней десятилетие роста без развития на основе притока нефтедолларов сменились длительной стагнацией, выхода из которой макроэкономические ведомства не предвидят до конца жизни последнего советского поколения. Нам предлагается согласиться с «новой реальностью», в которой уровень экономического развития России будет ниже советского, технологическое отставание продолжит нарастать, человеческий потенциал – деградировать, а природные ресурсы – использоваться в интересах иностранного капитала¹.

¹ Глазьев С. В поисках утраченного роста // Коммерсант. 2016. 29 ноября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3156195> (дата обращения 10 февраля 2025).

Таким образом, результатами модели «роста без развития» становятся:

- расслоение населения, негативные тенденции в воспроизводстве человеческого потенциала общества;
- «проедание» основных фондов, отсутствие действенных стимулов для инновационного развития;
- «оффшоризация» экономики.

Вторая группа причин связана с необходимостью поиска нового вектора внешнеэкономической деятельности вследствие изменившегося соотношения сил и обострившихся противоречий между мировыми центрами глобальной экономики.

Геополитические факторы. Санкционная политика западных стран против России послужила ограничением доступа к западным рынкам и технологиям, что в свою очередь создало стимулы для развития внутреннего производства и импортозамещения. В условиях геополитической нестабильности страна стремится обеспечить собственную экономическую независимость и минимизировать уязвимость перед внешними угрозами.

Изменение структуры спроса на мировом рынке. Процессы роста в мировой экономике спроса на возобновляемые источники энергии, цифровизацию и автоматизацию производств значительно снижают значимость традиционных сырьевых товаров. Если Россия не адаптируется к этим изменениям, она рискует потерять свои позиции на международных рынках и столкнуться с экономическими трудностями.

Политика экономической безопасности. Важность обеспечения экономической независимости и стабильности требует разработки стратегий, направленных на снижение рисков, связанных с внешней зависимостью. Развитие внутренней производственной базы и укрепление экономических связей внутри страны помогают уменьшить влияние внешних факторов на национальную экономику.

Отношение к бывшим республикам СССР. В условиях усиливающихся центробежных тенденций на постсоветском пространстве в полной мере выявилась бесперспективность продолжения оказания «братской помощи» бывшим республикам СССР. Существовавшие еще с времен СССР патерналистские отношения во многом перестали соответствовать национальным интересам современной России.

Казавшиеся еще недавно незыблемыми позиции глобального Запада сегодня уже не представляются таковыми. Демонстрирующие гораздо более высокие темпы развития Китай, Индия и другие страны БРИКС+ все увереннее заявляют о себе на

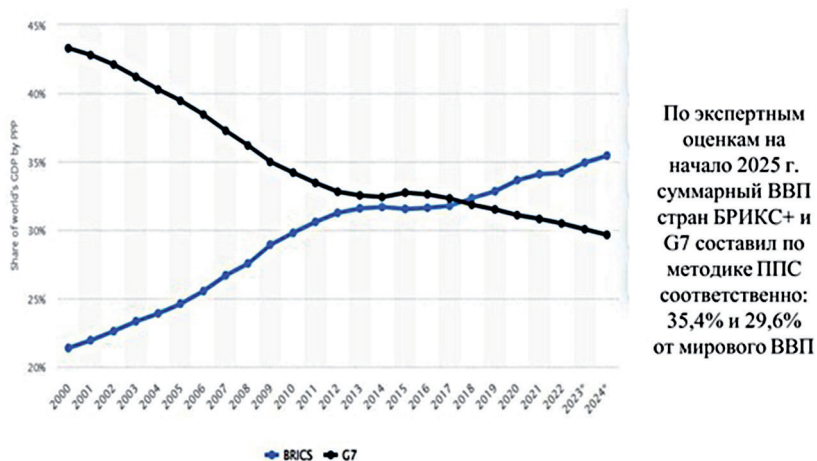

Рис. 3. Суммарный ВВП стран БРИКС+ и G7²

международной арене. Данную тенденцию отражает следующий важнейший показатель – суммарный ВВП стран БРИКС+ от мирового ВВП (рис. 3).

Суммарный ВВП стран БРИКС+ приближается к 36% мирового ВВП, тогда как на долю G7 приходится около 29,6%.

В данных исторических условиях России стал объективно необходим радикальный поворот в векторах внешнеэкономической деятельности и экономической интеграции. Не вызывает сомнений, что стратегическим национальным интересам нашей страны соответствуют ведущие позиции в системе глобального Юга, а не роль «бензоколонки» глобального Запада. Таковы фундаментальные причины отказа от постсоветской модели открытой экономики сырьевого типа и преимущественно западной ориентации (рис. 4).

Что касается конкретных поводов, то непосредственными триггерами геополитических сдвигов выступили:

- 1) украинские события 2004–2014 гг.;
- 2) возвращение Крыма и СВО;
- 3) беспрецедентные санкционные войны, направленные против РФ.

² Разделение мировой экономики. Противостояние G7 и BRICS определяет будущее мировой политики и глобальных рынков // Коммерсант. 2023. 20 апреля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5915725> (дата обращения 12 марта 2025).

Рис. 4. Причины отказа от постсоветской модели открытой экономики сырьевого типа и преимущественно западной ориентации

Таким образом, свертывание модели открытой экономики сырьевого типа представляется вполне закономерным. В данном контексте необходимо подчеркнуть, что с ее демонтажем происходят существенные изменения и в сфере экономического знания. Место различных вариантов «Экономикс» либерально-западного типа должны занять иные научные школы, отражающие экономические реалии и соответствующие национальным интересам страны.

Именно поэтому необходимо выделить критериальные черты становящейся модели экономики современной России, которая и задает контуры новой парадигмы экономического знания. В этой связи принципиально важны положения, содержащиеся в выступлении Президента РФ на ПМЭФ–2022, в котором он определил принципы долгосрочного развития страны (рис. 5).

В их числе президентом России В.В. Путиным были названы: а) открытость; б) предпринимательские свободы; в) опережающее развитие инфраструктуры; г) социальная справедливость; д) ответственная и сбалансированная макроэкономическая политика; е) технологический суверенитет.

Тезис о необходимости достижения технологического суверенитета в последнее время стал основополагающим и содержится во всех государственных документах концептуального и долгосрочного характера. Именно поэтому представляется воз-

Рис. 5. Основные положения выступления Президента РФ на ПМЭФ–2022³

можно говорить о стратегическом курсе на формирование системы именно суверенной экономики.

Что касается возможной характеристики формирующейся экономической системы как социальной, то помимо уже приведенного высказывания Президента РФ о социальной справедливости как принципе долгосрочного развития страны, также целесообразно сослаться на «Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (рис. 6).

В числе семи национальных приоритетов – первые три позиции имеют ярко выраженную социальную направленность, а именно:

Национальная цель 1. Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи.

Национальная цель 2. Реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности.

Национальная цель 3. Комфортная и безопасная среда для жизни.

³ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68669> (дата обращения 17 марта 2025).

Рис. 6. Национальные цели развития Российской Федерации до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.⁴

В свете вышеизложенного в качестве ключевых этапов эволюции экономического знания в СССР и России, сопряженных с изменениями экономических систем, выделяются следующие:

- 1) марксистско-ленинская экономическая наука (социалистическая экономика);
- 2) «Экономикс» западно-либерального типа (сырьевая ориентация экономики на Запад);
- 3) социальная экономика с императивом социальной суверенной экономики (рис. 7).

Таким образом, представляется возможным определить становящуюся систему народного хозяйства России как суверенную социальную экономику, реалии которой должна отражать соответствующая научная школа.

Структурные части новой научной школы «Теория и практика суверенной социальной экономики» формируют последовательность теоретического осмысления проблем новой экономической действительности.

Во-первых, исходным пунктом становится разработка гипотезы, т. е. формулирование фундаментальной идеи научной школы.

⁴ Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения 17 марта 2025).

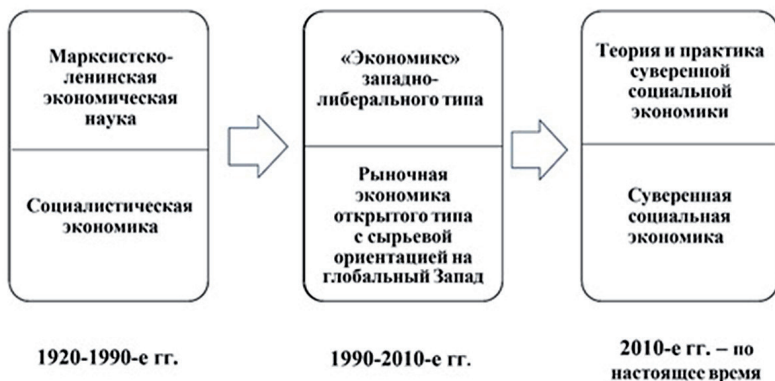

Рис. 7. Ключевые этапы эволюции экономического знания в СССР и России

Во-вторых, поскольку новая научная школа не создается «с нуля», необходимо систематизировать предпосылки ее формирования в единстве: а) экономико-теоретических и б) исторического опыта формирования именно суверенных и социально ориентированных систем.

В-третьих, на основе синтеза гипотезы и предпосылок формируются теоретико-методологические основы уже новой научной школы, охватывающие основные категории и методы исследования.

В-четвертых, становится возможным комплексный анализ реального функционирования экономической системы в разрезе ключевых секторов народного хозяйства.

В-пятых, в силу особой значимости человеческого фактора этой проблематике посвящается специальный раздел научной школы.

В-шестых, на основе структурированного научного знания разрабатываются критерии и индикаторы эффективности экономической системы, а также ее пороговые значения.

Анализ социально ориентированных экономических систем невозможен без опоры на предшествующие теоретико-методологические разработки, сформировавшиеся в рамках различных научных школ. Эти разработки, зачастую фрагментарные и неоднородные, представляют собой совокупность концептуальных подходов, отражающих стремление к институционализации социальной справедливости в условиях рыночной экономики. Несмотря на различия в исходных предпосылках, указанные

концепции послужили теоретической основой для формирования множества моделей социально ориентированного развития, адаптированных к конкретным историко-культурным и политико-экономическим условиям различных стран.

Социально ориентированные экономические системы в зарубежной теоретической мысли представляют собой попытку преодоления дихотомии между свободным рынком и централизованным планированием посредством институционализации механизмов социальной справедливости внутри рыночной экономики.

В рамках немецкой модели «социального рыночного хозяйства», оформившейся в послевоенный период, подчеркивается необходимость сочетания конкуренции как основы экономической эффективности с государственным регулированием [Ламперт 1994], направленным на обеспечение социальной защищенности и справедливого перераспределения. Теоретической базой этой концепции выступают идеи ордолиберализма, развиваемые В. Ойкенем [Ойкен 1996] и Л. Эрхардом [Эрхард 1991], акцентирующие роль правового порядка и социальных гарантий в функционировании рынка.

Американские концепции, развивавшиеся преимущественно в рамках институциональной экономики [Веблен 1984; Гэлбрейт 2018], предлагали более прагматичный подход к социальной ориентированности, выражающийся в развитии социальных программ и регулировании корпоративного сектора. В центре внимания этих теорий находится проблема перераспределения власти в экономике, социальной ответственности бизнеса и корректировки рыночных неудач через целенаправленную государственную политику.

Таким образом, зарубежные модели социально ориентированной экономики представляют собой разнообразный спектр подходов, объединенных стремлением гармонизировать рыночную эффективность с социальной устойчивостью и равенством, что обуславливает их актуальность в контексте глобальных вызовов XXI в.

Для разработки концепции социальной суверенной экономики важно акцентировать внимание на эволюции отечественной научной мысли, которая имеет глубоко укорененную историческую ретроспективу. В разные исторические периоды российские ученые возвращались к вопросу о роли государства в экономике, социальной справедливости и взаимодействии между рынком и социальными институтами. Это позволило выработать разнообразные подходы к пониманию экономической

реальности, которые отражали изменения в общественно-экономических формациях страны, а также способствовало постепенному переходу от аграрных и феодальных моделей к капиталистическим и социалистическим конструкциям. Изучение этой эволюции позволяет глубже понять основы социальной ориентированности экономики и ее специфику в контексте российской истории, открывая путь к формированию современных моделей социальной суверенности.

Отечественная научная мысль дореволюционного периода развивалась в контексте уникальных социально-экономических условий Российской империи. Одной из ключевых задач отечественных экономистов того времени было осмысление специфики аграрной экономики и ее взаимодействия с феодальными и капиталистическими элементами. Важнейшими направлениями в рамках дореволюционной политэкономии стали теории, посвященные роли государства в экономике, анализу крестьянского вопроса и становлению капиталистических отношений.

Одним из наиболее влиятельных теоретиков был А.Н. Чаянов, который развил концепцию «аграрной социальной экономики». Он утверждал, что крестьяне, являясь основой российской экономики, способны развивать свою деятельность в условиях кооперации и частного хозяйства без необходимости перехода к индустриальному капитализму [Чаянов 1989]. В своей работе «Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации» Чаянов подчеркивал необходимость учета особенностей аграрной системы при формировании экономической политики, утверждая, что для России оптимальным будет сочетание отдельного семейного крестьянского хозяйства с крупными кооперативными организациями [Чаянов 1991].

Другим значимым представителем был П.Б. Струве, который занимался разработкой теории государственного вмешательства в экономику. В его работах анализировалась необходимость применения элементов социалистических реформ в условиях российской экономической реальности. Струве критиковал крайние формы либерализма, утверждая, что роль государства в России должна быть значительно усилена, чтобы смягчить социальное неравенство и обеспечить экономическую стабильность [Струве 2015].

Работы этих и других дореволюционных экономистов стали основой для дальнейших научных изысканий, раскрывая важные аспекты взаимодействия экономики и государства [Туган-Барановский 1913]. Их исследования способствовали развитию

экономической мысли в России, заложив теоретическую основу для последующих экономических реформ в XX в.

При формировании объективной и всеобъемлющей концепции социальной суверенной экономики необходимо учитывать исследования и работы отечественных ученых как советского периода, так и современных исследователей, ориентированных на патриотические и социально справедливые модели. Эти теоретические наработки, возникавшие в различных исторических и политических контекстах, играют ключевую роль в осмыслении и формировании современной экономической политики, направленной на обеспечение социальной стабильности, устойчивого развития и социальной справедливости.

Советская экономическая мысль в значительной степени определялась государственным социализмом, что отразилось на теоретических поисках в области политической экономии. Одним из важнейших аспектов советской теории было стремление к созданию экономической модели, где все ключевые ресурсы и средства производства находились в собственности государства. Однако в рамках марксистской теории и практики социалистического строительства внимание также уделялось вопросам социальной справедливости и равенства. В частности, Е.А. Преображенский концентрировался на разработке теоретических моделей социалистической экономики, где акцент делался на центральном планировании, а также на преодолении кризисных явлений в экономике через эффективное перераспределение ресурсов [Преображенский 2014].

После Октябрьской революции в Советском Союзе активно развивались теории, связанные с функционированием социалистической плановой экономики, а также механизмами социального обеспечения. В это время такие ученые, как Г.И. Петровский и Л.В. Канторович, выступали авторами теорий, нацеленных на создание эффективных систем планирования и регулирования [Петровский 1987; Канторович, Горстко 1972]. Их теоретические изыскания стали основой для различных экономических экспериментов и реформ, направленных на улучшение социальной справедливости в стране.

Исследования советских ученых, несмотря на свое теоретическое и практическое направление в рамках социалистической плановой экономики, предоставляют ценные идеи о роли государства в перераспределении ресурсов и поддержании социальной защищенности населения.

С конца XX в. и до настоящего времени на рубеже постсоветской экономической мысли активно развиваются концепции,

ориентированные на патриотическое и социальное развитие России. Внимание исследователей сосредоточено на необходимости формирования отечественной модели социально ориентированной экономики, которая сочетает элементы рыночной экономики с сильным государственным сектором и активно регулирует социальные процессы. Важным аспектом является возвращение к идеям социальной справедливости, социальной защищенности граждан, а также значению патриотического воспитания и сохранения национальных традиций в рамках экономической политики. Современные российские ученые, такие как С.Ю. Глазьев [Глазьев 2007], М.Г. Делягин [Делягин 2008] и А.С. Галушка [Галушка и др. 2021], выдвигают концепции, ориентированные на создание экономической модели, где важным элементом является гармонизация экономических и социальных интересов в рамках отечественной специфики. Их работы подчеркивают важность возрождения и укрепления национальной экономики, социальной ответственности государства, а также формирования системы перераспределения, направленной на обеспечение справедливости и устойчивости в условиях внешних вызовов.

Таким образом, современные российские ученые предлагают новые подходы к адаптации этих принципов в условиях рыночной экономики, ставя акцент на необходимость сохранения национальной суверенности и социальной ориентированности, что имеет важное значение для формирования концепции социальной суверенной экономики, отражающей актуальные вызовы и реалии сегодняшнего дня.

Исторический опыт формирования элементов/подсистем суверенных и социально ориентированных систем

История социально ориентированных и экономически суверенных моделей на международной арене демонстрирует, что в различные исторические периоды отдельные государства предпринимали попытки реализовать целостные или частичные элементы таких систем, опираясь на приоритет общественных интересов, активную роль государства в перераспределении ресурсов и сохранение стратегического контроля над ключевыми отраслями экономики. Особенно показательны в этом отношении примеры стран, где социальная политика и экономический суверенитет были институционально закреплены как центральные принципы государственного управления.

Так, послевоенная Швеция (1940–1980-е гг.) реализовала модель «народного дома» (folkhemmet), в рамках которой были сформированы прочные механизмы социальной солидарности: всеобъемлющие системы бесплатного здравоохранения и образования, широкие программы субсидируемого жилья, высокая прогрессивная шкала налогообложения и активная политика полной занятости [Wilske 2025]. Эти меры сопровождались жестким контролем над финансовым сектором и стратегическим участием государства в экономике, что обеспечивало национальный контроль над развитием и защиту от внешних экономических шоков. Важным отличием этой модели является укорененная практика социального партнерства между государством, бизнесом и профсоюзами [Линдбек 2002].

Во Франции в период «дирижистской экономики» (1945–1970-е гг.) правительство активно использовало механизмы среднесрочного планирования, сохраняя контроль над важнейшими отраслями (энергетика, транспорт, металлургия, банковская сфера). Созданная система социального страхования охватывала всех граждан, а государство обеспечивало высокий уровень социальных гарантий [Clift 2006]. При этом сохранялся принцип национального экономического суверенитета: Франция ограничивала приток иностранных капиталов и защищала внутренние рынки от внешнего давления.

В Южной Корее в период индустриализации (1960–1980-е гг.) реализовывалась модель государственного стратегического капитализма, при которой правительство осуществляло директивное кредитование, поддерживало ключевые экспортные отрасли, защищало внутренний рынок, одновременно инвестируя в образование, здравоохранение и развитие человеческого капитала [Chaudhuri 1996]. Такая модель позволила не только достичь быстрого роста, но и сохранить экономический суверенитет в условиях доминирования транснациональных корпораций на мировом рынке.

Аналогичные элементы наблюдаются в политике Латинской Америки в рамках концепции «неосоциализма XXI века», особенно в Венесуэле и Боливии начала 2000-х годов [Lee 2012]. Здесь на первый план были выдвинуты идеи национализации природных ресурсов, прямого государственного перераспределения доходов от сырьевого сектора и создания широких программ социальной поддержки, направленных на сокращение бедности и социальное выравнивание.

Можно констатировать, что исторический опыт различных стран демонстрирует, что элементы социальной суверенной экономики не только теоретически осмыслились, но и реализовывались на практике через институты социальной защиты,

стратегическое государственное планирование и ограничение внешнего экономического давления в интересах долгосрочной устойчивости и социальной справедливости.

Историческая эволюция российской экономической модели свидетельствует о наличии последовательных попыток реализации элементов социальной и суверенной экономики, отражавших потребности общества в обеспечении социальной справедливости и защите национальных интересов в экономической сфере. На каждом этапе – дореволюционном, советском и постсоветском – предпринимались конкретные меры, программы и реформы, направленные на гармонизацию социально-экономического развития с задачами национального суверенитета.

В дореволюционный период ярким примером стало *проведение аграрной реформы П.А. Столыпина (1906–1911 гг.)* [Столыпин 2011]. В рамках реформы было предпринято целенаправленное усилие по укреплению мелкого крестьянского землевладения как основы экономической стабильности империи. Создание условий для частной инициативы на земле сопровождалось политикой государственной поддержки переселенческих движений, кредитования через Крестьянский банк и защиты национального аграрного производства⁵. Элементы социальной политики проявились в стремлении преодолеть крестьянскую бедность и поднять уровень жизни сельского населения при сохранении единства и устойчивости государства.

В советский период наиболее последовательная реализация элементов социальной суверенной экономики наблюдается в рамках *первой пятилетки (1928–1932 гг.)* и создания системы всеобщего социального обеспечения. Государство взяло на себя полную ответственность за развитие промышленности, науки, образования и здравоохранения. На практике это выразилось в национализации ключевых отраслей, централизованном планировании через Госплан, а также в введении всеобщего бесплатного образования и медицинского обслуживания⁶. Важнейшую

⁵ О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования: Именной Высочайший указ 9 ноября 1906 г. // 3 ПСЗ. Т. 26. № 28528. Собрание узаконений. 1906. 11 ноября. Отд. I. Ст. 1859.

⁶ № 45 Резолюция XVI конференции ВКП(б) «О пятилетнем плане развития народного хозяйства» 29 апреля 1929 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. М., 1954. С. 569–575; № 46 Постановление V съезда Советов СССР [35] «О пятилетнем плане развития народного хозяйства» 28 мая 1929 г. // Съезды Советов СССР в документах. Т. III. М., 1960. С. 155–161.

роль играла политика индустриализации, позволившая укрепить экономический суверенитет СССР, минимизировать зависимость от внешних рынков и обеспечить социальную мобильность населения.

Значимые изменения в социальной сфере происходили на всем протяжении советского периода. Например, в середине 1960-х принято положение о пенсиях по возрасту и инвалидности для трудящихся колхозов, которое стало первым нормативным актом, обеспечившим колхозникам право на государственные пенсии по старости, инвалидности и в случае потери кормильца. Он устранил существовавшее ранее неравенство между рабочими, служащими и членами колхозов в сфере социального обеспечения⁷. В 1970-х гг. развернулась масштабная программа строительства доступного жилья (так называемое массовое жилищное строительство), позволившая за десятилетие переселить миллионы граждан из бараков и коммунальных квартир в отдельные квартиры с современными удобствами⁸.

В постсоветский период элементы социальной и экономической суверенности возрождались в условиях трансформационного кризиса и новой геополитической реальности. Существенным шагом в этом направлении стала реализация Программы социально-экономического развития Российской Федерации на 2000–2010 годы («Стратегия 2010»), принятой в 2000 г. В документе подчеркивалась необходимость усиления роли государства в регулировании стратегических отраслей, восстановления научного потенциала, развития социальной инфраструктуры и защиты внутреннего рынка. Позднее такие направления получили дальнейшее развитие в рамках «майских указов» 2012 г., направленных на рост доходов граждан, повышение качества образования, здравоохранения, обеспечение демографического роста и технологической независимости России.

Таким образом, отечественный исторический опыт свидетельствует о том, что элементы социальной суверенной экономики в разное время находили практическое воплощение через государственные реформы, программы развития и институцио-

⁷ Закон СССР от 15 июля 1964 г. № 2688-VI «О пенсиях и пособиях членам колхозов».

⁸ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28 мая 1969 г. № 392 «О мерах по улучшению качества жилищно-гражданского строительства»; Постановление Совета Министров СССР от 7 сентября 1970 г. № 741 «Об упорядочении удержания Советами депутатов трудящихся жилой площади в домах, построенных для предприятий и организаций».

нальные преобразования, где ключевым оставалось стремление к укреплению национального суверенитета и социальной справедливости в условиях внутренней модернизации и внешних вызовов. Эти исторические примеры формируют важную методологическую основу для современного проектирования модели социальной суверенной экономики.

*Теоретико-методологические основы научной школы
«Теория и практика суверенной социальной экономики (ССЭ)»*

Учитывая сложность современных глобальных процессов и вызовы, стоящие перед национальными экономиками, становится очевидной необходимость перехода от фрагментарных решений к целостной концепции суверенной социальной экономики, отражающей логику построения архитектуры, четкое определение целей и задач.

Цели построения и реализации суверенной социальной экономики как концепции заключаются в системном обеспечении национального развития, устойчивого к внешним и внутренним вызовам, посредством формирования сбалансированной модели социально-экономических отношений, в которой приоритет отдается как укреплению экономического суверенитета, так и достижению высокого уровня социальной справедливости и общественного благополучия.

Концепция ориентирована на создание экономической среды, способной эффективно мобилизовать внутренние ресурсы, стимулировать развитие отечественного производства, науки и технологий, снижать зависимость от внешних экономических и политических факторов, а также обеспечивать институциональную поддержку базовых отраслей, критически важных для национальной безопасности.

Одновременно важнейшей задачей является формирование системы справедливого распределения общественного продукта, обеспечение всеобщего доступа к качественным базовым социальным благам (образование, здравоохранение, жилье, пенсионное обеспечение), создание условий для равных возможностей и социальной мобильности, повышение качества человеческого капитала.

Реализация суверенной социальной экономики предполагает гармоничное взаимодействие государства, бизнеса и общества на принципах стратегического планирования, развития социального партнерства, поддержки предпринимательства, направ-

ленного на общественное благо, и расширения участия граждан в процессе принятия социально-экономических решений.

Можно сделать вывод, что построение суверенной социальной экономики служит не только задачам обеспечения экономической эффективности, но и целям защиты национальной идентичности, укрепления внутренней целостности общества и создания основ для устойчивого, справедливого и инклюзивного развития государства в долгосрочной перспективе.

Предполагается, что архитектура исследования современной социальной экономики будет строиться на двухконтурной модели, которая включает внешний и внутренний контур. Внешний контур охватывает такие аспекты, как экономический суверенитет государства и степень интеграции страны в международное экономическое пространство. Внутренний контур фокусируется на социальных аспектах экономической деятельности – развитии социального сектора, обеспечении занятости населения и формировании социально ориентированной политики.

Двухконтурный подход предполагает, что внешний и внутренний контуры тесно связаны друг с другом. Например, укрепление национального экономического суверенитета через реализацию стратегических инициатив и защиту национальных интересов непосредственно влияет на развитие внутренней производственной базы, создание новых рабочих мест и повышение уровня жизни населения. В то же время развитая внутренняя социальная сфера формирует высокий уровень качества человеческого капитала, создает благоприятные условия для ведения бизнеса внутри страны и укрепляет позиции государства на международной арене. Улучшение социальной инфраструктуры ведет к повышению конкурентоспособности нации на мировых рынках, способствуя росту эффективности национальной экономики.

В рамках концепции суверенной социальной экономики государство выступает не только как регулятор экономических процессов, но и как системный субъект, обеспечивающий устойчивость национального развития в условиях внутренней и внешней конкуренции. Его функция заключается в целенаправленном создании институциональных условий для синергии экономической эффективности, социальной справедливости и укрепления национального суверенитета.

Во-первых, государство формирует стратегические ориентиры социально-экономической политики, исходя из национальных интересов, а не исключительно рыночной целесообразности. Суверенная социальная экономика требует отказа от догматической веры в саморегулируемость рынка в пользу планомерного

развития ключевых отраслей, обеспечения технологического суверенитета, поддержания продовольственной, энергетической и финансовой безопасности.

Во-вторых, государство выполняет активную перераспределительную функцию, направленную на снижение социального неравенства, предотвращение маргинализации населения и расширение доступа к базовым социальным услугам. Через налогово-бюджетную систему, государственные инвестиционные программы, развитие систем социального страхования и поддержки оно обеспечивает перераспределение ресурсов в пользу общества в целом, стимулируя социальную мобильность и формируя устойчивую внутреннюю потребительскую базу.

В-третьих, важнейшей задачей государства в суверенной социальной экономике является правовая защита национальных производителей, стимулирование отечественного бизнеса, проведение протекционистской политики там, где это необходимо для сохранения технологической и экономической самостоятельности. Внешнеторговая политика государства должна быть направлена на минимизацию зависимости от конъюнктурных колебаний мировой экономики и защиту внутреннего рынка.

Наконец, государство должно выступать гарантом социальной справедливости, обеспечивая соблюдение прав трудящихся, создание достойных условий труда, реализацию права на образование, здравоохранение и социальную защиту. Без активной роли государства в этих сферах суверенная социальная экономика теряет свою социальную основу и превращается в модель с высокой степенью внутренней нестабильности.

Таким образом, государство в суверенной социальной экономике не ограничивается ролью «ночного сторожа» или арбитра; оно становится полноправным актором, реализующим стратегические задачи долгосрочного развития, объединяя цели экономической самостоятельности и социальной солидарности в единую государственно-экономическую политику.

Основные методы, применяемые в исследовании

Диалектический подход, который позволит исследовать основные противоречия препятствующие развитию ССЭ. Например, между экономическим ростом и устойчивостью, конфликты между интересами бизнеса и социальной справедливостью, напряженность между глобализацией и экономическим суверенитетом и т. д.

Исторический метод, через призму которого предполагается изучение экономических процессов во времени. Это позволит выявить долгосрочные тренды и закономерности, а также оценить влияние исторического опыта на текущее состояние экономики.

Статистика играет важную роль в повышении точности и объективности выводов. Официальная статистика, аналитическая обработка данных позволяют измерять количественные показатели состояния экономики, анализировать динамику показателей, выявлять скрытые зависимости и формулировать прогнозы дальнейшего развития ситуации. Важно отметить, что статистический подход направлен не только на сбор данных, но и на интерпретацию полученных результатов с целью выявления значимых тенденций и зависимостей.

Ключевым инструментом для анализа суверенной социальной экономики является *системный подход*, направленный на анализ экономики как целостной системы, где все элементы взаимосвязаны. Этот метод особенно важен для раскрытия двухконтурности, так как он учитывает взаимодействие между внешним контуром (суверенность и интеграция в мировое хозяйство) и внутренним контуром (социальность). Благодаря системному подходу можно эффективно выявлять межсекторальные связи, прогнозировать последствия решений и разрабатывать стратегии для устойчивого развития экономики.

Комплексный анализ реального функционирования национальной экономической системы

Формирование целостной концепции суверенной социальной экономики невозможно без проведения комплексного анализа реального функционирования секторов национальной экономической системы. Отдельные теоретические построения, лишенные эмпирической опоры на объективное состояние ключевых отраслей, институциональных механизмов и структуры распределения ресурсов, неизбежно сталкиваются с риском оторванности от практических задач развития. Комплексный анализ позволяет выявить не только структурные диспропорции и критические зависимости, но и скрытые потенциалы, институциональные барьеры и реальные механизмы, обеспечивающие устойчивость социально-экономических связей.

Именно через детальную диагностику состояния реального сектора, рынка труда, социальной инфраструктуры и государ-

ственного управления становится возможным определить приоритетные направления реформ, выстроить эффективные механизмы поддержки национального суверенитета и социальной справедливости. Таким образом, всесторонний анализ функционирования национальной экономической системы выступает необходимым условием обоснования и практической реализации модели суверенной социальной экономики, ориентированной на долговременное и гармоничное развитие общества.

Основная цель секторального анализа ССЭ через призму суверенной социальной экономики заключается в оценке того, как реализуются принципы ССЭ в управлении ключевыми секторами экономики России, а также в выявлении дисбалансов и рисков в развитии секторов, которые могут препятствовать достижению целей ССЭ.

В качестве основных секторов предлагается рассматривать:

- обеспечение продовольственной безопасности и развитие агропромышленного комплекса;
- развитие высокотехнологичных производств и модернизация традиционных отраслей промышленности;
- создание эффективной транспортной сети для улучшения логистики и интеграции регионов;
- достижение технологического суверенитета на основе повышения эффективности инновационного развития;
- стабилизация финансовой системы и обеспечение доступности финансовых ресурсов для бизнеса и населения;
- сокращение социально-экономического неравенства регионов;
- разработка и реализация экологических стратегий для минимизации негативного воздействия на окружающую среду;
- защита экономического суверенитета в сфере ВЭД.

Одним из ключевых направлений социально-экономического анализа при формировании суверенной социальной экономики является исследование процессов воспроизводства рабочей силы и функционирования сферы трудовых отношений. В условиях усиливающихся диспропорций на рынке труда и демографических вызовов вопросы качественного воспроизводства работника приобретают принципиальное значение для обеспечения устойчивости национальной экономики. Суверенная социальная экономика предполагает не только количественное воспроизводство рабочей силы, но и повышение ее образовательного, квалификационного и культурного потенциала, что требует активной государственной политики в сфере образова-

ния, здравоохранения, профессиональной подготовки и социального обеспечения.

Комплексный анализ системы трудовых отношений позволяет выявить степень их соответствия задачам развития человеческого капитала, социальной справедливости и национальной безопасности. Особое внимание должно уделяться вопросам занятости, условий труда, уровня заработной платы, социальной защиты работников и механизмов участия, трудящихся в управлении производственными процессами. Только при наличии развитых институтов труда и эффективной политики воспроизводства рабочей силы можно обеспечить необходимый уровень социальной сплоченности, трудовой мотивации и вовлеченности населения в реализацию стратегических целей социально-экономического развития.

Разработка системы оценки эффективности

Поскольку суверенная социальная экономика представляет собой модель, ориентированную на обеспечение устойчивого развития общества, сбалансированного распределения ресурсов и снижения зависимости от внешних факторов, то для успешной реализации такой модели необходимо разработать систему оценки ее эффективности, которая будет включать четкие критерии, индикаторы и их пороговые значения. Внедрение такой системы позволит не только осуществлять мониторинг текущего состояния экономики, но и прогнозировать ее развитие, а также корректировать стратегические решения в соответствии с динамикой изменений.

Критерии эффективности можно условно разделить на две группы.

1. *Характеризующие ключевые аспекты социально-экономического развития государства.* Эти критерии в первую очередь направлены на отслеживание уровня жизни населения, справедливость распределения ресурсов и доступность социальных благ. Они отражают степень благосостояния общества и его социальную устойчивость.

В качестве таких критериев следует рассматривать в первую очередь показатели, отражающие уровень жизни населения. Необходимо оценивать такие параметры, как доходы населения, уровень бедности, доступность социальных услуг (здравоохранение, образование, жилье) и качество жизни и пр. Кроме того эффективная ССЭ должна учитывать и экологические аспекты,

так как они напрямую связаны с качеством жизни населения. Это делает необходимым отслеживание углеродного следа, использование возобновляемых источников энергии и сохранение природных ресурсов для будущих поколений.

2. Характеризующие суверенность экономики как способность государства обеспечивать независимость, устойчивость и конкурентоспособность своей экономической системы в условиях глобализации, внешних угроз и внутренних вызовов.

В условиях глобализации важно минимизировать зависимость от импорта критически важных товаров, технологий и ресурсов. Критерии могут включать уровень локализации производства, долю экспорта высокотехнологичной продукции и степень самообеспеченности страны. Необходимо также оценивать инвестиции в исследования и разработки, а также внедрение инновационных решений в реальный сектор как факторы, способствующие созданию предпосылок для поддержания технологической и производственной независимости страны.

Заключение

Критерии суверенности экономики охватывают широкий спектр аспектов: от экономической и технологической независимости до социальной устойчивости. Эти критерии позволяют оценить текущее состояние экономики, выявить уязвимости и разработать стратегии их устранения. Такая система критериев поможет государству не только сохранить свою экономическую независимость, но и обеспечить устойчивое развитие в долгосрочной перспективе.

Литература

- Веблен 1984 – Веблен Т. Теория праздного класса / Пер. с англ. С.Д. Сорокиной. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
- Галушка и др. 2021 – Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О. Кристалл роста к русскому экономическому чуду. М.: Наше Завтра, 2021. 360 с.
- Глазьев 2007 – Глазьев С. Социальная справедливость и экономический рост. Программа опережающего развития России. М.: Клуб Реалисты, 2007. 74 с.
- Гэлбрейт 2018 – Гэлбрейт Дж.К. Общество изобилия / Пер. с англ. Г.И. Агафонова, Е.Б. Головленичиной, И.В. Ногаева и др. М.: Олимп-Бизнес, 2018. 404 с.
- Деягин 2008 – Деягин М.Г. Реванш России. М.: Эксмо, 2008. 448 с.

- Канторович, Горстко 1972 – *Канторович Л.В., Горстко А.Б.* Оптимальные решения в экономике. М.: Наука. 1972. 227 с.
- Ламперт 1994 – *Ламперт Х.* Социальная рыночная экономика. Германский путь / Пер. с нем. В.П. Котелкина. М.: Дело, 1994. 224 с.
- Линдбек 2002 – *Линдбек А.* Шведский эксперимент // Очерки о мировой экономике: Выдающиеся экономисты мира в Московском центре Карнеги. М.: Гендальф, 2002. С. 69–144.
- Ойкен 1996 – *Ойкен В.* Основы национальной экономики / Пер. с нем. А.Ю. Чепуренко, В.И. Рубцова, В.П. Гутника; Под общ. ред. В.С. Автономова, В.П. Гутника, К. Херрманн-Пиллата. М.: Экономика, 1996. 351 с.
- Петровский 1987 – *Петровский Г.И.* Избранные произведения. М.: Политиздат, 1987. 429 с.
- Преображенский 2014 – *Преображенский Е.А.* Перспективы новой экономической политики. СПб.: Лань. 2014. 10 с.
- Столыпин 2011 – *Столыпин П.А.* Программа реформ. Документы и материалы: В 2 т.: [посвящается 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина] / Фонд изучения наследия П.А. Столыпина, Российский гос. исторический архив [Под общ. ред. П.А. Пожигайло]. 2-е изд., стер. М.: РОССПЭН, 2011.
- Струве 2015 – *Струве П.Б.* Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Москва: URSS, 2015. 304 с.
- Туган-Барановский 1913 – *Туган-Барановский М.И.* Общественно-экономические идеалы нашего времени: [Начало]. СПб.: Издательство «Вестн. Знания» (В.В. Битнера), 1913. 142 с.
- Чаянов 1989 – *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство: избранные труды / Ред. А.А. Никонов; Ин-т экономики АН СССР; Вступ. ст. Н.К. Фигуровской, А.И. Глаголева. М.: Экономика, 1989. 491 с. (Экономическое наследие)
- Чаянов 1991 – *Чаянов А.В.* Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации / Вступ. ст. В.В. Кабанова; коммент. А.И. Глаголева, Л.А. Овчинцевой. М.: Наука, 1991. 456 с.
- Эрхард 1991 – *Эрхард Л.* Благополучие для всех: Пер. с нем. М.: Начала-Пресс, 1991. 336 с.
- Chaudhuri 1996 – *Chaudhuri S.* Government and Economic Development in South Korea, 1961-79 // *Social Scientist*. 1996. Vol. 24. № 11/12 (Nov. – Dec., 1996). P. 18-35. <https://doi.org/10.2307/3520100>.
- Clift 2006 – *Clift B.* The New Political Economy of Dirigisme: French Macroeconomic Policy, Unrepentant Sinning and the Stability and Growth Pact // *Journal of Politics & International Relations*. 2006. Vol. 8. Iss. 3. P. 388–409. DOI:10.1111/j.1467-856X.2006.00235.x.
- Lee 2012 – *Lee A.* 21st Century Socialism: Making a State for Revolution // *Triple C. Communication Capitalism & Critique. Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society* 2012. № 10 (2). P. 537-554. DOI:10.31269/vol10iss2pp537-554.
- Wilske 2025 – *Wilske O.* The Welfare State and the Socio-Economic Constitution of Sweden // *YSEC Yearbook of Socio-Economic Constitutions*. Springer Cham, 2025. P. 1–16. https://doi.org/10.1007/16495_2024_75.

References

- Chaudhuri, S. (1996), "Government and Economic Development in South Korea, 1961-79", *Social Scientist*, vol. 24, no. 11/12, pp. 18-35, <https://doi.org/10.2307/3520100>.
- Chayanov, A.V. (1989), *Krest'yanskoe khozyaistvo: izbrannyye trudy* [Peasant economy: Selected works], Nikonov, A.A. (ed), Ekonomika, Moscow, Russia.
- Chayanov, A.V. (1991), *Osnovnye idei i formy organizatsii sel'skokhozyaistvennoi kooperatsii* [Basic ideas and forms of organization of agricultural cooperation], Nauka, Moscow, Russia.
- Clift, B. (2006), "The New Political Economy of Dirigisme: French Macroeconomic Policy, Unrepentant Sinning and the Stability and Growth Pact", *Journal of Politics & International Relations*, vol. 8, iss. 3, pp. 388-409, DOI: 10.1111/j.1467-856X.2006.00235.x.
- Delyagin, M.G. (2008), *Revansh Rossii* [Revenge of Russia], Eksmo, Moscow, Russia.
- Erkhard, L. (1991), *Blagosostoyanie dlya vsekh* [Welfare for All], Nachala-Press, Moscow, Russia.
- Eucken, W. (1996), *Osnovy natsional'noi ekonomiki* [Fundamentals of the National Economy], Ekonomika, Moscow, Russia.
- Galbraith, J.K. (2018), *Obshchestvo izobiliya* [The Affluent Society], Olimp-Buznes, Moscow, Russia.
- Galushka, A.S., Niyazmetov, A.K. and Okulov, M.O. (2021), *Kristall rosta k russkomu ekonomicheskemu chudu* [Growth crystal to the Russian economic miracle], Nashe Zavtra, Moscow, Russia.
- Glazyev, S. (2007), *Sotsial'naya spravedlivost' i ekonomicheskii rost. Programma operzhayushchego razvitiya Rossii* [Social justice and economic growth. Program of advanced development of Russia], Klub Realisty, Moscow, Russia.
- Kantorovich, L.V. and Gorstko, A.B. (1972), *Optimal'nye resheniya v ekonomike* [Optimal solutions in economics], Nauka, Moscow, Russia.
- Lampert, Kh. (1994), *Sotsial'naya rynochnaya ekonomika. Germanskii put'* [Social Market Economy. The German Way], Delo, Moscow, Russia.
- Lee, A. (2012), "21st Century Socialism: Making a State for Revolution", *Triple C. Communication. Capitalism & Critique. Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society*, no. 10 (2), pp. 537-554.
- Lindbeck, A. (2002), "The Swedish Experiment", *Ocherki o mirovoi ekonomike: Vydayushchiyesya ekonomisty mira v Moskovskom Tsentre Karnegi* [Essays on the World Economy. Outstanding Economists of the World at the Carnegie Moscow Center], Gendalf, Moscow, Russia.
- Petrovskiy, G.I. (1987), *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works], Politizdat, Moscow, Russia.
- Preobrazhenskiy, E.A. (2014), *Perspektivy novoi ekonomicheskoi politiki* [Prospects of the New Economic Policy], Lan', Saint Petersburg, Russia.
- Stolypin, P.A. (2011), *Programma reform. Dokumenty i materialy: v 2 t.: [posvyaschayetsya 150-letiyu so dnya rozhdeniya P.A. Stolypina] / Fond izucheniya naslediya P.A. Stolypina, Rossiyskiy gos. istoricheskiy arkhiv; [pod obshch. red. P.A. Pozhigailo]* [Reform Program. Documents and Materials: in 2 vols. [dedicated to the 150th anniversary of P.A. Stolypin's birth] / Foundation for the Study of

- P.A. Stolypin's Heritage, Russian State Historical Archive; [under the general editorship of P.A. Pozhigailo]], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Struve, P.B. (2015), *Kriticheskie zametki k voprosu ob ekonomicheskom razvitii Rossii* [Critical notes on the issue of economic development of Russia.], URSS, Moscow, Russia.
- Tugan-Baranovskiy, M.I. (1913), *Obshchestvenno-ekonomicheskie idealy nashego vremeni* [Socio-economic ideals of our time: [Beginning]], Vestn. znaniya (V.V. Bitnera), Saint Petersburg, Russia.
- Veblen, Th. (1984), *Teoriya prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions], Progress, Moscow, Russia.
- Wilske, O. (2025), "The Welfare State and the Socio-Economic Constitution of Sweden", *YSEC Yearbook of Socio-Economic Constitutions*, Springer, Cham, pp. 1-16. https://doi.org/10.1007/16495_2024_75.

Информация об авторе

Дмитрий В. Бобров, кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; 212@rggu.ru

Information about the author

Dmitrii V. Bobrov, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; 212@rggu.ru

Общественный договор: что и кто определяет лицо социально-экономического развития современной России?

Жан Т. Тощенко

*Российский государственный гуманитарный университет
Институт социологии ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, zhantosch@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется состояние общественного договора в современной России, раскрываются объективные основы его существования, а также социальные факторы, которые олицетворяют основных субъектов – *государство* в лице политической власти и *общества*, которое представлено в данном контексте экономически активным населением. Дается сравнение основных экономических показателей с зарубежными странами, а также характеризуется состояние национально-хозяйства с точки зрения его соответствия происходящей четвертой и грядущей пятой промышленной революции. Особое внимание уделяется ответу на вопрос о том, кто определяет лицо современного российского общества. Автор приходит к выводу, что решающую роль во все большей мере занимает такая социальная общность/класс, как *прекариат*, численность которого постоянно увеличивается. Опираясь на статистические и социологические данные, делается вывод, что в настоящее время концепция «общественный договор» является важнейшим теоретическим и прикладным конструктом для анализа и объяснения эволюционного или революционного развития государства и общества. Важной составляющей соответствия и согласия основных субъектов общественного договора является поиск ответа на вопрос – обеспечивается ли *баланс сил и баланс интересов*, который начинается с трудовых отношений и завершается социальными, политическими и культурными аспектами жизни. Именно этот баланс показывает, насколько эффективно и рационально налажена обратная связь, которая свидетельствует – состоялся ли, поддерживается ли социальный контракт между властью и народом во всем его многообразии и многоаспектности. Образно говоря, существует ли *социальный клей*, который обеспечивает необходимое доверие и поддержку большинства или значительного количества народа, чтобы обеспечить устойчивость существующего государства и общества, их функционирование и дальней-

шее развитие. Именно такой подход обеспечивает успешное решение задач суверенной экономики, что предполагает взаимную ответственность ее участников, степень вовлеченности и эффективного взаимодействия в реализации перспектив развития российского общества.

Ключевые слова: общественный договор, государство, общество, народ, экономическая политика, социальная политика, баланс интересов, обратная связь

Для цитирования: Тощенко Ж.Т. Общественный договор: что и кто определяет лицо социально-экономического развития современной России? // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2025. № 3. С. 40–51. DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-40-51

Social contract: What and who determines the face of socio-economic development of modern Russia

Zhan T. Toshchenko

*Russian State University for the Humanities
Institute of Sociology, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, zhantosch@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the state of the social contract in modern Russia, reveals the objective foundations of its existence, as well as social factors that represent the main subjects – the state represented by political power and society, which is represented in that context by the economically active population. A comparison of the main economic indicators with foreign countries is given, and the state of the national economy is characterized from the point of view of its compliance with the ongoing 4th and upcoming 5th industrial revolution. Particular attention is paid to answering the question of who determines the face of modern Russian society. The author comes to the conclusion that the decisive role is increasingly played by such a social community/class as the precariat, the number of which is constantly increasing. Based on statistical and sociological data, it is concluded that at present the concept of “social contract” is the most important theoretical and applied construct for the analysis and explanation of the evolutionary or revolutionary development of the state and society. An important component of the compliance and consent of the main subjects of the social contract is the search for an answer to the question – is the balance of power and balance of interests ensured, which begins with labor relations and ends with social, political and cultural aspects of life. That balance exactly shows how effectively and rationally the feedback is established, which indicates, if there is a social contract in place between the authorities and the people in all its diversity and complexity. Figuratively speaking, is there a social glue that provides the necessary trust and support of the majority or a significant number of people to ensure the sustainability of

the existing state and society, their functioning and further development. It is such an approach that ensures the successful solution for the problems of a sovereign economy, which presupposes mutual responsibility of its participants, the degree of involvement and effective interaction in the implementation of the prospects for the development of Russian society.

Keywords: social contract, state, society, people, economic policy, social policy, balance of interests, feedback

For citation: Toshchenko, Z.T. (2025), "Social contract: What and who determines the face of socio-economic development of modern Russia", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 3, pp. 40-51, DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-40-51

Введение

В настоящее время в современной России идет поиск путей эффективного функционирования государства и общества под влиянием происходящих четвертой и пятой промышленных революций (Индустрия 4.0 и Индустрия 5.0). Этот поиск осуществляется по самым различным направлениям с применением экономических, социальных, политических и духовно-культурных исследований. Не подвергая сомнению их актуальность и роль в познании и функционировании государства и общества, на наш взгляд, особую значимость приобретает общественный договор (далее – ОД), который предполагает анализ и рассмотрение реально складывающихся изменений во взаимоотношениях и взаимодействии политической власти и народа в лице его различных социальных общностей, групп и общественных организаций, движений и инициатив.

Такой подход открывает новые возможности по решению как экономических, так и социальных проблем, непосредственно связанных с достижением устойчивости и стабильности государственного и общественного устройства в России. И среди них важное значение приобретает поиск ответа на вопрос, кто определяет лицо современного российского общества.

Напомним, что основные идеи общественного договора (ОД) впервые были сформулированы в трудах Т. Гоббса, Дж. Локка, П. Гольбаха, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и других исследователей эпохи Просвещения, которые обратили пристальное внимание к осмыслению взаимоотношений и взаимодействия государства и общества. Особую роль сыграл Ж.-Ж. Руссо, которого справедливо называют предвестником французской революции

XVIII в., когда он утверждал, что отсутствие взаимопонимания королевской власти и народных масс Франции может привести к такой ситуации, когда официальная власть не только потеряет поддержку, но и может быть свергнута. Отметим, что эти идеи нашли отклик и отражение в трудах русских мыслителей – впервые у А.Н. Радищева, а затем у П.А. Кропоткина и М.А. Бакунина.

Особенностью многих публикаций в XIX, а затем в XX в. стало не только обсуждение основных положений общественного договора, но и практика его реализации во многих странах, выявление как позитивных, так и проблемных ситуаций, стремление предложить свою трактовку новых возникающих обстоятельств во взаимоотношениях государства и общества. Среди наиболее фундаментальных публикаций по названной проблеме можно назвать труды Дж. Бьюкенена, Р. Нозика, М. Ослона, Дж. Роллза, Ю. Хабермаса и др. (подробнее см. [Тощенко 2025]).

В настоящее время тематика общественного договора привлекает внимание все большего числа как ученых, так и политических деятелей и практических работников. В целом, если за период с 2001 по 2020 г. в сети Интернет появилось около 16 тыс. материалов по проблемам общественного договора, «то начиная с 2021 года всего за два с половиной года осуществлено 15 800 таких публикаций» [Дементьев 2023, с. 58]. Правда, эти данные не стоит преувеличивать, так как во многих работах общественный договор трактуется весьма расширительно – как всевозможные формы соглашений между индивидами или группами, в том числе и с работодателями по поводу решения возможных производственных и жизненных ситуаций. Если мы перейдем к анализу общественного договора во всех его проявлениях и модификациях, то всегда встает вопрос *о движущих силах*, которые определяют ситуацию и перспективы развития и функционирования любого общественного устройства.

Такая же проблема остро стоит и в современной России, которая переживает длительный путь поиска наиболее рациональных и эффективных путей своего развития и функционирования. Особое значение приобретает это взаимодействие и взаимопонимание, достижение баланса интересов в социально-экономической сфере. Но главное состоит в том, чтобы точно и однозначно определить как базу, так и субъектов действия, которые обеспечивают достижение устойчивого и стабильно развивающегося общества.

Что является опорой и базой общественного договора

Рыночные реформы, которые были начаты в новой России в начале 1990-х, реализуются противоречиво и не бесспорно. Путь, построенный на либеральном устройстве российской экономики, оказался не только, вопреки ожиданиям, неэффективным, но и в значительной степени провальным. Поэтому продолжает остро стоять вопрос о том, как решить стратегические вопросы развития экономики.

Во-первых, они определяются сравнением с развитием других экономик мира. А ситуация говорит о том, что за годы либеральных реформ разрыв с ведущими экономиками мира только увеличился.

В 2024 г. доля РФ составляла 1,89% в мировой экономике, в то время как удельный вес экономики США в мировой экономике равнялся 14,82%, а Китая – 18,76%. Это свидетельствует о том, что возвращение России в число ведущих экономик мира серьезно замедлилось.

Отметим и такие показатели. В 1990 г. ВВП Китая составлял 360,86 млрд долларов, а по итогам 2021 г. превысил 17,7 трлн – за 31 год экономика страны выросла в 49 раз. За аналогичный период ВВП США вырос в 3,5 раза – с 5,96 до 22,99 трлн долларов¹. Что касается России, то в 2022–2023 гг. этот рост увеличился от 3,5% до 4,5%. В целом к 2022 г. превышение уровня ВВП над показателем 1991 г. составило только около 30%².

Во-вторых, не менее важны и внутренние показатели развития экономики. Так, темпы экономического роста России с 2000 г. составили в среднем 0,8–0,9% в год, в то время как ВВП Китая ежегодно рос от 6 до 8%, при среднемировых в 2–3%.

Говоря о таком показателе, как ВВП на душу населения, следует отметить: с 1991 года – времени существования Российской Федерации – он увеличился по ППС на 27% в постоянных ценах, а в номинальном выражении – в 3,3 раза, достигнув 11 603 долл.³

Говоря о материально-технической базе экономического развития, следует признать: произошло ничем не оправданное сни-

¹ Экономика Китая: как из аграрной страны превратиться в технологического лидера. URL: journal.tinkoff.ru/chinese-miracle/ (дата обращения 10 марта 2025).

² ВВП России по годам: 1991–2025. URL: <http://global-finances.ru/vvp-rossii-po-godam/> (дата обращения 10 марта 2025).

³ Коммерсантъ. 2024. 22 октября.

жение ее значения как для мирового сообщества, так и для внутренней жизни страны. В 1990-е годы – годы масштабной приватизации, когда в частные руки было передано 44 тысячи предприятий, – по данным бывшего директора Института статистики Росстата В. Симчера, 30 тысяч из них были закрыты, а их материальные активы распроданы или расхищены⁴. В результате – потеряны многие передовые позиции в авиационной, станкостроительной, автомобильной, химической и ряде других отраслей национальной экономики. И при этом, несмотря на немалые усилия, не произошло освоение и внедрение новых технологий, новой техники. Так, на 10 тыс. работников в Южной Корее приходится 1012 робота, в Сингапуре – 770, в Китае – 470, в Германии – 429, в Японии – 419, в США – 295, в ЕС – 219, и только 18 – в России.

Другой проблемой российской экономики являются последствия промышленного развала, который идет с 1990-х гг. и продолжается по настоящее время, когда значительная часть высококвалифицированной рабочей силы выталкивалась из уничтожаемых крупных, технологически продвинутых и более производительных предприятий в мелкоформатный частный сектор. В результате работники многих отраслей практически не имеют стимула к технологическим инновациям, им предлагается бедный набор низкоквалифицированных профессий, часто без трудового соглашения (договора).

Для преодоления этих диспропорций с 2012 г. введен в действие национальный проект «Производительность труда и занятость», который был продолжен в 2018–2024 гг. Однако он дал незначительный эффект: вместо ожидаемого роста в 1,5 раза произошло увеличение только на 6% [Аганбегян 2019]. Более того, в 2022 г. производительность труда снизилась на 3,6%, что сказалось в целом на состоянии российской экономики.

Вместе с тем отмечается, что негативные тренды были в значительной степени преодолены в ходе осуществления политики импортозамещения, чтобы преодолеть санкции, введенные Европейским союзом и США.

Однако экономическая база является лишь объективным условием для достижения общественного согласия. По-прежнему ключевое значение имеет вопрос о субъекте преобразований в России – о тех, на кого возложена основная тяжесть исполнения задач, поставленных государством.

⁴ Симчера В. Узаконенное расхищение // Аргументы и факты. 2017. 7 июня.

Кто обеспечивает развитие и функционирование российского общества?

Сначала напомним статистические данные.

По данным Росстата, на начало 2025 г. численность трудоспособного населения России составляла от 75 млн до 79 млн человек, что равно около 53–55% от общей численности населения. При этом, по оценкам ЦБ, уровень безработицы будет низким – около 2,3–2,6%. Вместе с тем выявились следующие тенденции рынка труда: а) высокая конкуренция. На одну вакансию приходится 4,6 резюме, что создает сложности для соискателей даже с опытом и узкими специализациями; б) продолжается рост неполной занятости и фриланса. Многие специалисты переходят на частичную занятость или проекты на фрилансе, чтобы сохранить доходы; в) выявлены региональные диспропорции. В Москве безработица составляет всего 0,9%, а в ряде регионов Северного Кавказа и в моногородах показатели безработицы превышают 20–25%; г) происходит увеличение возраста и образованности рабочей силы. Доля людей старше 45 лет растет, число выпускников вузов увеличивается, что приводит к избыточности предложений в некоторых секторах и дефициту в других.

Вместе с тем в сфере занятости реально сложилась небесспорная структура профессий, которая вызывает немало вопросов, особенно если учитывать потребности происходящей четвертой и начавшейся пятой промышленных революций. Ситуация и сейчас такова, что из 450 укрупненных профессиональных групп на первое место по численности вышли водители – свыше 7% от всех занятых, на втором месте – работники торговли (около 7%), на третьем – профессии технического и естественно-научного знания (5,1%), на четвертом – охранники (более 2%). Очевидно, что при такой структуре затруднительно и даже невозможно осуществлять с ними перестройку технологии, надеяться на процесс цифровизации. Для этого требуются иные усилия и иные профессии.

Не менее значимо и то, что значительное число работников занято в так называемой теневой экономике. В середине 2010-х гг. председатель Совета министров России О. Голодец признала, что государство не знает, где работают 38 млн человек. Сейчас их численность значительно сократилась в связи с официальным признанием такой формы, как самозанятость, что позволило вырасти их количеству за последние 10 лет с нескольких сотен тысяч до 13,5 млн на февраль 2025 г.

Однако основная масса работников находится в трудовых отношениях с работодателями в государственных, акционерных или частных предприятиях и компаниях. Для оценки их состояния и готовности к высокопроизводительному труду следует обратить внимание на ряд показателей, характеризующих их трудовую деятельность

Прежде всего, ответить на вопрос: какие проблемы волнуют человека по месту его работы? А они достаточно разнообразны, значительны и весомы для определения отношения работника к своей занятости (см. табл. 1).

Таблица 1

Какие проблемы в первую очередь Вас волнуют по месту работы в Вашей организации? (в % к числу опрошенных)

Проблемы	2014	2018	2022
Неясность в оплате труда	22,7	50,3	12,6
Низкая оплата труда	–	–	42,3
Работа не нравится (однообразный, неинтересный труд)	6,6	6,3	6,7
Отсутствие социальных льгот, медицинского обслуживания	12,5	13, 2	10,5
Нет нормальных отношений с руководством	7,9	2,9	7,8
Нет перспективы в работе, профессиональной карьере	15,4	18,7	19,7
Опасение потерять работу	19,7	22,5	24,2
Плохие условия труда	10,9	7,4	10,3
Плохая организация труда	8,5	8,6	10,2
Плохие взаимоотношения в коллективе	4,4	2,9	2,8
Отдаленность работы от дома	13,6	18,4	19,3
Иные проблемы	4,6	2,3	1,3
Затруднились ответить	3,9	1,8	10,4

Примечание: Всероссийская выборка составила в 2014 г. 1750 человек, в 2018 г. – 1200, в 2022 г. – 1200.

Источник: [Прекарная занятость 2021].

Первое, на что следует обратить внимание, что для работников очень важны базовые основы, дающие им гарантии для построения своей жизни. Это вопросы, связанные с *неясностью в оплате труда*. На наш взгляд, такое состояние показывает глубокую зависимость и неопределенность трудового положения особенно тех людей, которые находятся на условных и не оформленных в правовом порядке отношениях с работодателями, что ставит их в состояние неустойчивости и негарантированности своего статуса, своих прав и своего даже ближайшего будущего.

Но одновременно и официально оформленные и неофициально устроенные работники едины и убеждены в том, что *оплата их труда находится на низком уровне*: более 40% и тех и других считают, что их труд заслуживает более высокой оценки и более высокого вознаграждения. Это суждение о несоответствии их вклада в выполнение трудовых обязанностей и официальной оценки их усилий по выполнению служебных (профессиональных) обязанностей отражает более широкий пласт всеобщей неудовлетворенности вознаграждением трудовых усилий работников во всех без исключения отраслях экономики и культуры. Тем более, эта неудовлетворенность питается информацией о разрыве между доходами олигархов, банкиров, топ-менеджеров и рядовыми тружениками. Так, по официальным данным, даже 2020 г. – год пандемии – увеличил доходы крупного капитала на 57%, в то время как уровень жизни работающего населения России понизился на 11,2%. Не мешает росту богатства и СВО. Состояние российских миллиардеров только в 2024 г. выросло на \$26 миллиардов.

К данным об оплате труда примыкает и *оценка социальных льгот*, медицинского обслуживания. Эти социальные гарантии – важная сторона жизненного мира, которая не только определяет уровень бедности работников, но и позволяет уменьшить осознание своей изолированности от общества, от своей производственной организации, от других социальных групп. А эта оценка в общем безрадостна. Так 9% строителей и 15% работников сферы услуг заявили об отсутствии у них социальных льгот. Очевидно, что этот параметр – отсутствие социальных льгот – лишь усугубляет положение с неясностью и неопределенностью в оплате труда и ставит работников, и особенно тех, кто занят прекарным трудом, в еще большую зависимость от работодателя, что становится причиной неудовлетворенности своим местом и ролью в своей производственной организации.

Вместе с тем, исследования выявили ряд специфических особенностей поведения работников. Речь идет о *достаточно низ-*

кой оценке значимости таких основополагающих основ трудового процесса как условия и организация труда. При стабильной экономической жизни эти показатели трудового процесса занимают одно из ведущих мест. Однако при стагнации и даже рецессии экономики потеря стабильности, ухудшение условий и организации труда отошли на задний план: тревогу по их несовершенству и отставанию выразили практически в одинаковой степени все анализируемые группы работников – как имеющие правовые гарантии, так и прекарии. Так, уровень неудовлетворенности условиями труда всех названных групп колеблется в пределах 9–15%, за исключением торговли (там соотношение оставляет 10% и 21%), что можно объяснить специфическими условиями этой формы трудовой деятельности. Этот показатель характерен и для работников промышленности (соотношение 10% и 22%), что объясняется более повышенным, осознанным требованием к созданию благоприятных условий труда, особенно для тех, кто ранее работал в более приемлемой обстановке (подробнее см.: [Тощенко 2024]).

Не менее удивительны такие данные: каждый третий-четвертый из постоянных работников и прекариев практически одинаково *отрицательно оценивают перспективы профессионального роста, карьеры.* На наш взгляд, это можно объяснить тем, что социальные лифты, связанные с профессиональным продвижением, «заржавели», причем не только на уровне инженерных должностей, но и на уровне рабочих мест. Это выводит нас на еще один важный аспект – учет мотивации, которая стала и является одной из важнейших характеристик при решении проблем повышения производительности труда и обеспечении эффективности производства (подробнее см.: [Шевченко 2022]).

В заключение отметим, что есть еще одна особенная характеристика жизненного мира работников производства, которая связана с *угрозой увольнения.* У постоянно работающих по-прежнему высока тревога по поводу опасений потерять работу (в целом по экономике это касается каждого четвертого-пятого – от 20 до 25%).

Итак, данные исследований показывают противоречивость положения работников, которые сталкиваются с различной степенью вовлеченности в общественно-трудовую деятельность, ее ценностью и пониманием возможности влиять на ее состояние. Причем выявляется парадоксальная ситуация, когда при общей сравнительно высокой удовлетворенности своим трудовым положением значительна доля негативных оценок по различным аспектам производственной деятельности. Это можно тракто-

вать как желание и стремление россиян преодолеть нарушения, недостатки и просчеты в производственном процессе и надежду на их устранение.

Эти данные свидетельствуют о том, что в России сложилась принципиально новая социально-классовая структура. Идет интенсивное возникновение нового социального класса – прекариата (от греч. – неустойчивый, нестабильный), который формируется из всех слоев, общностей и групп – из рабочих, крестьян, интеллигенции, служащих и людей свободных профессий.

А так как численность этих работников достигает 50–60% от общего числа занятых (по подсчетам В.Н. Бобкова, к ним можно отнести 70% [Бобков 2022]), то становится очевидным, что от них зависит реализация планов по преобразованию России, по созданию суверенной экономики.

Сложившаяся в стране проблемная ситуация требует первоочередного внимания к тем, кто составляет большинство среди занятых: нерешенность значимых для них проблем препятствует полному раскрытию их творческих возможностей в решении экономических и социальных задач.

Благодарности

Текст написан в рамках выполнения проекта РНФ № 23-18-00093

Acknowledgements

The text was written within the framework of the RSF project No. 23-18-00093

Литература

- Аганбегян 2019 – Аганбегян А.Г. О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2019. № 1. С. 3–15.
- Бобков 2023 – Бобков В.Н. Влияние прекаризации на качество занятости и уровень жизни поколенных групп экономически активного населения: Научная монография / В.Н. Бобков, Е.В. Одинцова, А.В. Попов, И.А. Шичкин. Ижевск: Шелест, 2023. 104 с.
- Дементьев 2023 – Дементьев В.Е. Коммуникативная концепция общественного договора и формирование курса развития экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16. № 4. С. 57–70. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.3.

- Прекарная занятость 2021 – *Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности* / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь мир, 2021. 400 с.
- Тощенко 2025 – *Тощенко Ж.Т.* Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации. М.: ФНИСЦ РАН. 2025. 844 с.
- Тощенко 2024 – *Тощенко Ж.Т.* Жизненный мир – базовое понятие социологии жизни // Социологические исследования. 2024. № 7. С. 10–22. DOI: 10.31857/S0132162524070035.
- Шевченко 2022 – *Шевченко И.О.* Мотивация труда российских работников // Вестник РГГУ Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 2. С. 72–85. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-3-72-85>.

References

- Aganbegyan, A.G. (2019), “On urgent measures to resume socio-economic growth”, *Problems of Forecasting*, no. 1, pp. 3-15.
- Bobkov, V.N., Odintsova, E.V., Popov, A.V. and Shichkin, I.A. (2023), *Vliyaniye prekarizatsii na kachestvo zanyatosti i uroven' zhizni pokolennykh grupp ehkonomicheski aktivnogo naseleniya: nauchnaya monografiya* [The Impact of Precarization on the Quality of Employment and Standard of Living of Generational Groups of the Economically Active Population]. Scientific Monograph], Shelest, Izhevsk, Russia.
- Dementiev, V.E. (2023), “Communicative concept of the social contract and formation of the course of economic development”, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 16, no. 4, pp. 57–70, DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.3.
- Shevchenko, I.O. (2022), “Russian employees motivation”, *RSUH/RGGU BULLETIN. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*, no. 2, pp. 72-85, <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-3-72-85>.
- Toshchenko, Zh.T. (ed.) (2021), *Prekarnaya zanyatost': istoki, kriterii, osobennosti* [Precarious employment. Origins, criteria, features], Ves' mir, Moscow, Russia.
- Toshchenko, Zh.T. (2024), “Life world as a basic concept of the sociology of life”, *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 7, pp. 10-22, DOI: 10.31857/S0132162524070035.
- Toshchenko, Zh.T. (2025), *Sud'by obshchestvennogo dogovora v Rossii: ehvolyutsiya idei i uroki realizatsii* [The fate of the social contract in Russia. Evolution of ideas and lessons of implementation], FNISTS RAN, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Жан Т. Тощенко, член-корреспондент РАН, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; zhantosch@mail.ru

Information about the author

Zhan T. Toshchenko, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; zhantosch@mail.ru

Суверенная экономическая политика России и структурная динамика хозяйства

Олег С. Сухарев

Институт экономики РАН, Москва, Россия
o_sukharev@list.ru, ORCID: 0000-0002-3436-7703

Аннотация. Начиная с 2022 г. в России наблюдается общий курс на суверенизацию макроэкономической политики, то есть обеспечение ее независимости от внешних аналитических центров, консультаций, рецептов и инструментов. Вместе с тем проводимая монетарная и отчасти финансовая политика продолжают находиться в узких стереотипных рамках монетаристского «мэйнстрима», который ради подавления инфляции не считается с содержательной основой функционирования хозяйства.

Цель исследования – определить содержание суверенной экономической политики и ее основных императивов, показав характер структурной динамики российского хозяйства, на котором сказываются реализуемые основные установки макроэкономической политики и методы ее проведения.

Методология исследования представлена теорией экономической политики в рамках классической доктрины «цели – инструменты», а также авторского принципа «распределенного управления» и теории структурной динамики.

Общий результат сводится к обоснованию того, что структурные изменения российского хозяйства в период 2022–2024 гг. не изменили базовых секторальных пропорций. Более того, не претерпела сильных изменений и сложившаяся структурная модель динамики ВВП с доминированием валового потребления и весьма скромным вкладом инвестиционных расходов (валового накопления, включая валовое накопление основного капитала), которые наилучшим образом определили динамику ВВП 2023 г.

Хотя экономическая политика в целом обрела большую степень суверенности, отступая от неоклассических рецептов макроэкономической стабилизации, отраслевые формы регулирования приобрели больший размах, усилилось институциональное вмешательство. В то же время монетарная политика по-прежнему остается в русле неолиберальных подходов. Она работала на явное сдерживание экономического роста, сохраняя императивы, которые не могут считаться атрибутами суверенной политики.

Ключевые слова: суверенитет экономической политики, структура экономики, секторы, компоненты ВВП, инструменты макроэкономической политики

Для цитирования: Сухарев О.С. Суверенная экономическая политика России и структурная динамика хозяйства // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2025. № 3. С. 52–74. DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-52-74

Sovereign economic policy of Russia and structural dynamics of the economy

Oleg S. Sukharev

*Russian Academy of Sciences Institute of Economics, Moscow, Russia
o_sukharev@list.ru, ORCID: 0000-0002-3436-7703*

Abstract. Since 2022, Russia has been observing a general course towards sovereignization of macroeconomic policy, that is, ensuring its independence from external analytical centers, consultations, recipes and instruments. At the same time, the monetary and partly financial policy continues to be within the narrow stereotypical framework of the monetarist “mainstream”, which, for the sake of suppressing inflation, does not take into account the substantive basis for the functioning of the economy. The purpose of the study is to determine the content of sovereign economic policy and its main imperatives, showing the nature of the structural dynamics of the Russian economy, which is affected by the implemented basic guidelines of macroeconomic policy and the methods of its implementation. The methodology of the study is presented by the theory of economic policy within the framework of the classical doctrine of “goals – tools”, as well as the author’s principle of “distributed control” and the theory of structural dynamics. The overall result boils down to substantiating the fact that structural changes in the Russian economy in the period 2022–2024 did not change the basic sectoral proportions. Moreover, the existing structural model of GDP dynamics has not undergone major changes with the dominance of gross consumption and a very modest contribution of investment expenditures (gross accumulation, including gross accumulation of fixed capital), which best determined the dynamics of GDP in 2023. Although economic policy has acquired greater sovereignty, moving away from neoclassical recipes for macroeconomic stabilization, since sectoral forms of policy have acquired greater scope, institutional regulation has strengthened, monetary policy, for example, continued to be in the perspective of neoliberal approaches. It worked to clearly restrain economic growth, preserving imperatives that cannot be considered attributes of sovereign policy.

Keywords: sovereignty of economic policy, economy structure, sectors, components of GDP, instruments of macroeconomic policy

For citation: Sukharev, O.S. (2025), “Sovereign economic policy of Russia and structural dynamics of the economy”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 3, pp. 52–74, DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-52-74

Введение

Длительное время монетарная политика в России угнетает экономический рост и развитие [Глазьев 2022]. И предложения по ее существенному изменению по большому счету не принимаются, даже если приводятся в пример наиболее успешные и убедительные исходы развития, подобно китайскому чуду [Глазьев 2023]. Причем несмотря на то, что еще на рубеже 2000 годов представители Академии наук России (в тот период отделения экономики) сформировали общие требования и контур «экономики развития» для России – на базе отечественного опыта, провалов реформирования предыдущих лет и перспективных ориентиров для страны в области научно-технологического прогресса [Львов 2002].

Однако сохранение неолиберальных императивов не только монетарной, но и общей макроэкономической политики выступает, с одной стороны, подтверждением того, что данные императивы сильны и действуют, с другой стороны, что сохраняют их не только в силу ментальной ангажированности и неумения пересмотреть изжившие догмы, но и по причине соответствующих выгод. Еще в работах Д.С. Львова были заложены основные позиции «социальной экономики» для России, но и представители капиталистической экономической мысли в лице Стиглица Дж. увидели крупные изъяны современного капитализма, предложив лечить их так называемым прогрессивным капитализмом [Стиглиц 2020]. Причем «прогрессивный капитализм» видится именно в повышении уровня социализации экономики. В частности, постулируется, что «экономика предложения» в монетаристском духе – давно банкрот. Хотя в России даже сегодня отдельные аналитики навязывают именно «рейганомнику» для преодоления грядущей (предсказываемой ими) стагфляции [Сухарев 2025], что, конечно, выглядит абсурдно даже в свете работы Стиглица Дж. Кроме того, подчеркивается, что как экономический, так и политический выбор все чаще определяется деньгами и утрачивает объективность: нарушается механизм отбора решений, наилучших для общества. В результате ценности капитализма трещат по швам. Вот как отмечает проблему Стиглиц:

Мы привыкли полагаться на правительство в вопросах социальной защиты – социального обеспечения, страхования на случай безработицы, медицинского обслуживания престарелых. Правительство было создано потому, что все это нужно людям. Рынок не мог обеспечить этого, и правительство заполнило пробел [Стиглиц 2020, с. 295].

Обратим внимание, что рассуждения в границах «правительство – рынок» давно изжили себя, потому что в стилистике противопоставления столь разные субъекты не могут рассматриваться по логике вещей по определению. Это явно надуманное рассмотрение, что и подтверждает лексика данного высказывания – оно алогичное, поскольку рынок и не располагает функций такого обеспечения, а многие блага в хозяйственной системе не являются (не могут и не должны быть по физической природе) предметом торга. Итогом рассуждений крупного экономиста становится график, демонстрирующий растущий за последние 60 лет разрыв по среднему доходу до уплаты налогов между 1% самых богатых и 90% остального населения. При этом игнорируется проблема площадок «социальной стагнации»¹, когда для целых мировых регионов увеличение численности населения сопровождается отсутствием роста реального среднедушевого дохода, либо даже его понижением (для стран суб-сахарской Африки). Конечно, социальная проблема – это распределение созданного, но социальная проблема – это элементарная возможность обеспечить жизнь и наращивание дохода. Без рассмотрения корня проблемы сразу перескочить на задачу распределения означает с большой вероятностью отсутствие точного решения.

Дж. Стиглиц в указанной работе, по существу, предлагает систему «прогрессивного капитализма», сводя прогресс к интенсификации социализации капитализма. В частности, предлагается активная промышленная политика, регулирование рынка труда, особенно в части заработной платы, расширение мер социальной защиты и страхования от безработицы, ввод прогрессивной налоговой системы и доктрины «базового дохода», развитие социальных секторов – науки, образования медицины, расширение доступа в эти сферы, а также снижение монопольной и монополистической власти на рынках и борьба с бедностью и неравенством [Стиглиц 2020].

В общем-то, этот «социальный набор» давно известен и является косметической системой мер в рамках отсутствия кардинальных системных изменения капиталистических институтов с целью их сохранения под видом придания прогрессивности, без поиска ответа на главный вопрос: а возможно ли позитивное влияние указанных мер, которые в той или иной степени используются сегодня – и как видно, не привели к желаемым ре-

¹ Подробнее см.: *Сухарев О.С. Экономика глобального эксцесса. М.: Ленанд, 2016.*

зультатам, а только обострили проблемы мирового социального развития? Многочисленные работы по индустриализации также подтверждают эту позицию [Andreoni, Chang 2019; Vaidyaa et al. 2018; Romano, Traù 2017], хотя социальный аспект включается в рассмотрение, особенно при изучении модели индустрии 4.0 или 5.0, но без глубокого анализа структурных проблем и коренного содержания социального вопроса [Сухарев 2023; Gabardo et al. 2017]. Структуру экономики плохо включает в анализ современная экономическая теория – и можно добавить и социальные аспекты развития и конкретно – суверенной экономической политики. Меры и инструменты в подавляющем большинстве случаев рассматриваются в теории экономической политики безотносительно того, откуда они взяты и как обоснованы – им придается «ореол объективации», который на самом деле, в случае заимствования, может полностью отсутствовать. Советский опыт индустриализации как ключевой реформы и основы экономической политики ставил во главу угла исключительно социальные цели: без развитой индустрии решение задач в сфере образования и здравоохранения представлялось невозможным. [Эрлих 2010]. Прогресс в этих областях деятельности был скачкообразным (включая науку), какие бы аналитические интерпретации ни давались некоторыми исследователями по поводу отставания потребительского сектора в развитии от сектора средств производства в СССР. В советской стране даже мысли не возникло о том, что политика может быть несуверенной, вплоть до горбачевской перестройки и «демонтажно-шоковых» реформ Ельцина-Гайдара.

Отметим, что и в США сегодня аспект суверенной социально-экономической политики при этом не рассматривается, так как априорно для США она является таковой, что не означает равнозначного переноса на другие (малые и слабо развитые) страны, находящиеся в явно зависимом положении.

В отличие от Дж. Стиглица 2020 года, социальная доктрина Д.С. Львова в виде «социальной экономики» [Львов 2002] для России предполагала следующие позиции:

- отказ от модели «вашингтонского консенсуса» и диктовок МВФ по валютной и монетарной политике, как и по иным направлениям внутренней экономической политики, то есть, обеспечение суверенитета;
- снятие базового капиталистического противоречия (такой вопрос даже не ставит Дж. Стиглиц, не упоминает его нигде) между социальным миром человека и неравенством исходных и изменяющихся условий жизни;

- предыдущее противоречие базируется на фундаментальном конфликте между общественной формой труда и частно-капиталистической формой присвоения, который формируется исключительно системой базовых капиталистических институтов (правил);
- формирование системы национального имущества с реализацией права на рентный дивиденд (обеспечение конституционного равноправия видов собственности) всех членов общества вне зависимости от исходного их благосостояния, с общей направленностью на понижение неравенства и резкое сокращение бедности [Сухарев 2023];
- рентная система налогов, позволяющая обеспечить социальную норму функционирования;
- политика развития социальных секторов, повышения ресурсной и экологической эффективности, крупных инфраструктурных проектов, обеспечивающих занятость;
- политика повышения заработной платы и производительности труда, без жесткой монетарной привязки к тому, что производительность должна расти, чтобы обязательно росла заработная плата, в ряде случаев (и это подтверждают теоретические работы автора) повышение заработной платы выступает фактором роста производительности, а также работает на повышение квалификации труда и его отбор².

В последние три года в России росли зарплаты и занятость, но производительность труда почти не менялась. Это говорит о том, что экономика все еще опирается на трудоинтенсивные технологии – вместо того чтобы расширять использование капиталоемких технологий. Хотя и они требуют высококвалифицированного труда, ставка делается не на него. Кроме того, высокая занятость при имеющихся еще мощностях подтверждает дисбаланс, сложившийся и ставший хронической проблемой (не только за последние три года) для российского хозяйства, причем,

¹ На основе анализа заработной платы в секторах производства средств и предметов потребления автор показывает: существует зона, в которой заработная плата может расти без обязательного увеличения производительности труда – при условии, что одновременно увеличивается и выпуск продукции. Заработная плата может расти несколько быстрее, тем самым стимулируя последующий рост производительности, который позже станет обгонять рост заработной платы. Такой эффект напоминает теорию двух факторов мотивации Ф. Герцберга в менеджменте, когда оплата труда выступает фактором увеличения производительности (мотивации), а не наоборот. Об этом часто забывают плановики макроэкономической политики, особенно в России.

в основном, структурной проблемой, порожденной деградацией структуры обработки, деиндустриализацией, технологическим отставанием [Сухарев 2023]. Во многом причиной такого исхода стала экономическая политика, ориентировавшаяся по ряду своих инструментов на внешние рецепты, ориентиры или фетиши. Отчасти ошибки в реализации экономической политики допускались внутри страны, при том что сама эта политика оставалась несuverенной не только по внешнему контуру, но и по своей идеологической сути – по базовым установкам и институтам. Истоки многих неэффективных результатов кроются в принимаемых внутри страны решениях, даже независимо от какой-либо внешней диктовки – консультаций или аналитики³.

Обобщая, целью настоящего исследования выступает выяснение того, в каком виде происходит потеря суверенитета в области мер экономической политики, что сделать для его повышения и какую роль играет в этом сама экономика – изменение ее структуры. В качестве методологии применяются общие подходы в теории экономической политики и авторский принцип «распределенного управления».

Для достижения цели решим две задачи. Во-первых, дадим представление о суверенной экономической политике. Во-вторых, оценим структурную динамику российского хозяйства, отмечая, какие неточности возникают в ее анализе на крайне ограниченном интервале времени, формируя весьма узкую картину развития и якобы выясняя влияние мер (санкций, например) без оценки силы и распределенного влияния этих инструментов на цели развития и элементы экономической структуры [Сухарев 2021]. Последовательно остановимся на этих моментах, поводя итоги анализа в заключении.

³ Например, процедура отбора в РАН в России никак не связана с иностранными традициями, подчиняясь общей схеме «лучше меньше, да хуже» (перефразируя название одной из работ В.И. Ленина), т. е. когда поощряется меньший результат и худшего качества. Не проходят исследователи с десятками монографий и сотнями работ по экономике, а проходят с одной монографией за много десятков лет карьеры. После 27 докладов по 9 минут, за час принимается решение, кого рекомендовать – и рекомендуют именно такую персону (обычно по должности). По-настоящему значимые исследователи десятилетиями остаются без признания и должного увековечения их вклада. В результате формируется глубоко ошибочный как кадровый, так и ментальный вектор развития экономической науки в России. Явно акцентируются аспекты, слабо подкрепленные отечественной школой, что вызывает множество обоснованных претензий, при этом на их фоне необоснованно возвышаются результаты иностранных научных направлений.

Суверенная экономическая политика – что это такое?

Суверенитет следует понимать в классическом понимании слова – как господство, верховенство в чем-либо, которое обеспечивает независимость. Отсутствие суверенитета означает, что нет господства и независимости, то есть существует некоторая глубина зависимости. И она может быть разная, потому что по технике, технологиям – это внешняя зависимость, по финансам – также от зарубежных финансовых центров или банков, в виде зависимого функционирования валютного и финансового рынка, крупной величины внешнего государственного долга. Но может присутствовать и внутренняя зависимость – от внутренней части государственного долга, от нагромождения неверных решений, не работающих либо низкоэффективных. В экономике создаются и правила, наслоения которых также порождают различные эффекты, связанные с расстройством функций и неисполнением норм и законов. Эти решения могут приниматься на базе идеологических установок, которые подсунуты извне обществу и аналитическому сообществу либо органам государственного управления. Иногда они сами входят в режим нарочитого копирования и заимствования, ошибочно полагая, что если это работает вне страны, то обязательно будет эффективным и внутри данной страны. У такого вывода, как и перенесения, нет никаких строгих научных и методологических оснований, а утверждение, что их, вероятно, и не может быть, так как отсутствует добротная теория таких заимствований – тоже не выдерживает критики. Отсутствие теории не означает справедливости и адекватности переноса (с изменениями) либо копирования.

Таким образом, вопрос суверенитета как независимости касается различных сфер человеческой деятельности – финансов, техники, технологий, развития конкретных отраслей (импортная зависимость), т. е. их организации и функционирования. Но он касается и принятия решений – и здесь возможны, как минимум, две формы независимости (суверенитета).

Первая форма – когда правительственные структуры принимают государственные решения на любом уровне (от правительства до муниципалитета) без внешних (иностраных) консультантов, экспертов, аналитиков, программ, то есть самостоятельно ориентируясь на отечественные аналитические силы и программные возможности, используемые для выработки решения. При этом в основе решения может быть заложена некая доктрина или теория, которая создана наукой вне данной страны.

В силу каких-то причин она стала популярной у аналитиков. Это и есть идеологическое давление в области экономики решений, поскольку данная доктрина или теория могут быть не пригодны для данной страны. Но это обстоятельство аккуратно опускается из виду. Вторая форма независимости проявляется тогда, когда лица, принимающие решения и формирующие меры политики, опираются исключительно на научно подтвержденные факты и доводы, используют соответствующую теорию, прошедшую отечественную апробацию и давшую результаты, и при этом действуют в логике первой формы, изложенной выше.

Первую форму можно назвать субъектным суверенитетом (либо частичным или формальным), вторую форму – полным (или субъектно-идеологическим суверенитетом). Конечно, вторая форма суверенитета наиболее пригодна для развития России, потому что первая форма в своем применении может обесценить факт самостоятельного принятия решений, когда они заданы внешней доктриной или «фетишными» установками, подобно «вашингтонскому консенсусу». По сути, эта форма суверенитета означает его реальное отсутствие.

Длительное время в России проводилась именно такая экономическая политика. Цель ее в создании режима «зависимого развития», материально и нематериально выгодного внешним бенефициарам. «Вашингтонский консенсус» сосредотачивает ряд принципов, которые подчинены возврату долга со стороны стран-должников, для чего открыто предусматривается вмешательство в формирование социально-экономической (бюджетной, монетарной отраслевой, социально-демографической) политики в виде рекомендуемых принципов и критериев ее проведения. Тем самым, сам набор положений «вашингтонского консенсуса» означает попрание принципа суверенитета экономической политики. Это относится к первой форме, к идеологической детерминации истеблишмента в области экономики и аналитики.

Попытка создания «московского консенсуса» принадлежит Д.С. Львову, проф. А.С. Нешитому и автору настоящей статьи⁴.

⁴ На заседании Вольного экономического общества (круглый стол по экономическому росту вел академик Л.И. Абалкин) выступал академик Дмитрий Семёнович Львов. Это происходило 19 октября 2005 г. В конце своей речи он высказал мысль, что хорошо бы сформулировать принципы «московского консенсуса». Автор вместе с проф. А.С. Нешитым подошли к Дмитрию Семёновичу и вызвались сделать записку по этому вопросу. Она была подготовлена, но вскоре Дмитрий Семёнович заболел и в начале июля 2007 г. его не стало. Автору и проф. А.С. Нешитому удалось «тезисно» опубликовать эти положения, которые были

Она привела к формулировке ряда полезных принципов и идей, но дальше этого процесс обсуждения и даже публикаций – не пошел. А вот работы по так называемому «пекинскому консенсусу» уже существуют – как по альтернативной и суверенной форме (или модели) социально-экономического государства. Если идея «московского консенсуса» в то время рассматривалась нами как альтернатива главенствующему даже в России в начале 2000-х гг. «вашингтонскому консенсусу»⁵, то «пекинский консенсус» – это абсолютно самостоятельный набор методов и решений государственной политики развития, который за тридцать лет изменений вывел Китай в лидеры мирового экономического и научно-технологического прогресса [Глазьев, 2023]. Его задача – создать самостоятельный контур развития, открывающий (генерирующий) источники роста на базе науки и новых технологий за счет эффективных инноваций, обеспечивая системность развития и высокие социальные стандарты жизни, исходя из собственных представлений о них, на базе традиций китайского народа и социалистической идеологии, детерминирующей и саму экономическую политику. Мировая экономика – сильно конкурентная система, причем это касается и политических решений, а не только торговли и т. д. Поэтому режимы зависимого развития выгодны многим государствам, так как они приводят к ослаблению и контролю конкретной страны, выводя из поля сильно конкурирующих решений. По этой причине «пекинский консенсус» рассматривается как альтернатива только

построены на недолговом принципе развития, без обращений к западным кредиторам, с активизацией социальной политики обеспечения большего равенства по доходу и функционалу жизни с сокращением бедности и расширением доступа к социальным благам на базе доктрины «социального дивиденда», вложений в индустрию и внедрения львовской идеи «национального имущества» (с получением рентного дохода в бюджет). Насколько известно автору, более глубокой работы по этому вопросу не велось и после смерти академика Д.С. Львова она прекратилась, хотя удалось издать монографию «Теория эффективности экономики» (2009 г.), где целый раздел посвящен различным видам эффективности, включая социальную, экологическую и оценку эффективности инструментов экономической политики (где видна идея распределенного управления и модернизации принципа «цели – инструменты» Яна Тинбергена).

⁵ Его влияние было сильно вплоть до последнего времени, несмотря на то, что Россия освободилась от крупного внешнего долга, снизилась и внутренний государственный долг до вполне приемлемых значений, кстати, ограничивая, тем самым, собственное развитие – и не решив многих социальных проблем, за исключением некоторого понижения уровня бедности.

неангажированным пулом исследователей, а экономисты неоллиберальной и проамериканской позиции физиологически не могут дать равнозначной трактовки как подходам Китая в области его суверенной внутренней политики, так и его больших успехов в мировой системе.

В отличие от многочисленных западных разработок в области экономической теории и моделей роста, абсолютно слепых к хозяйственной структуре и ее динамике [Gabardo et al. 2017; Сухарев 2021], в Китае формируют народнохозяйственные пропорции плановым образом и для решения социальных задач развития, выправления структурных диспропорций внутри китайской экономики, видя и анализируя эти изменения. Это новая модель экономического развития, созданная еще в СССР, получившая обновленный формат в Китае, показавшая на практике успешность стратегии опережающего развития, реализуемой плановыми методами управления страной – на принципах защиты ее суверенитета во всех областях и всех формах. Кстати, часть рецептов была заимствована Китаем из СССР, о чем никто не стесняется вспоминать. Но это не привело к потере суверенитета внутренней экономической политики. Следовательно, на практике вполне возможна модель заимствования рецептов политики, организации элементов управления государством, но без потери суверенитета в области внутренней политики, то есть это явно первая форма суверенитета, которая обозначена как субъектная (частичная или формальная), но для которой термин «частичная» непригоден.

В России до сих пор сохраняется именно такая форма суверенитета экономической политики, но в этом случае термин «частичная» форма суверенитета как раз будет справедлив, поскольку по финансовому направлению, банковской системе и разработке монетарной политики идеологическая часть суверенитета по существу не просматривается.

Идейно решения детерминированы неоллиберальными установками монетаристской теории [Глазьев 2022; Сухарев 2023; Сухарев 2025], что формирует сдерживающий эффект в рамках политики роста и развития российской экономики, структурно деформирует хозяйство, в том числе благодаря политике таргетирования инфляции, не приводя к постановке плановых целей и их реализации в части народнохозяйственных пропорций, обеспечивающих рост и социальное развитие. Одновременно действуют клише о структурных изменениях российской экономики в 2022–2024 гг., снискавших много цитат, эпигонов, без проникновения в существо происходящих процессов и анализ реальных источников роста ВВП в 2023–2024 гг. В завершении статьи остановимся на этих моментах более подробно.

Структурная динамика российского хозяйства и проводимая экономическая политика

Поиск решения второй сформулированной задачи проведем по следующему алгоритму за период 2003 по 2024 год включительно.

Первое. Дадим структуру секторов экономики России, дающих в сумме по величине валовой добавленной стоимости ВВП (секторы: обработки, сырьевой и транзакционный⁶).

Второе. Дадим структуру ВВП России по компонентам (валовое потребление, инвестиционные расходы, государственное потребление и чистый экспорт⁷).

Третье. Оценим вклад каждого структурного элемента в динамику ВВП на рассматриваемом интервале времени.

Четвертое. Осуществим анализ структурных изменений, выделяя наиболее значимое влияние из указанных элементов структуры ВВП.

Пятое. Сформулируем задачи структурной динамики и формирования новой хозяйственной структуры в России, которые должны, на взгляд автора, войти в целеполагание современной суверенной экономической политики России, системно увязывая реализацию национальных проектов.

⁶ Состав секторов выделен следующим образом: ВДС сырьевого сектора – это сумма ВДС по видам деятельности: сельское, лесное хозяйство, охота; рыболовство и рыбоводство; добыча полезных ископаемых; обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха; водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений.

ВДС обрабатывающего сектора – это сумма ВДС по видам деятельности: обрабатывающие производства; строительство.

ВДС транзакционного сектора – это сумма ВДС по видам деятельности: торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов; транспортировка и хранение; деятельность гостиниц и предприятий общественного питания; деятельность в области информации и связи; деятельность финансовая и страховая; деятельность по операциям с недвижимым имуществом; деятельность профессиональная, научная и техническая; деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги; государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение; образование; деятельность в области здравоохранения и социальных услуг; деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений; предоставление прочих видов услуг.

⁷ Источник: расчет автора по данным Росстата (рис. 2, 4). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#

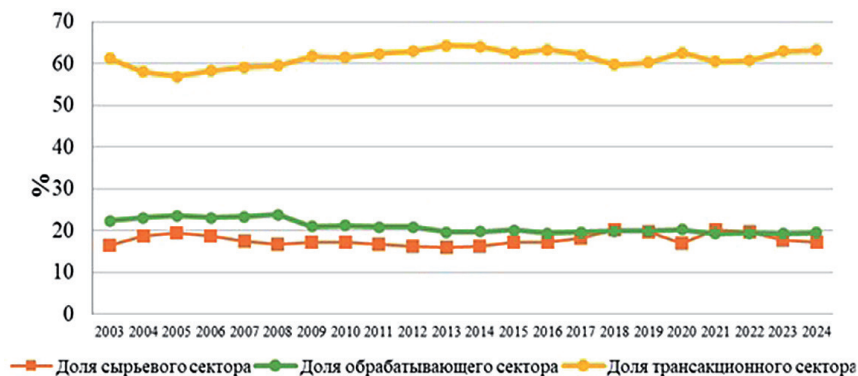

Рис. 1. Структура ВВП России по секторам, 2004–2024 гг., %

На рис. 1, 2 дается динамика структуры ВВП России по указанным выше секторам и компонента ВВП по расходам.

Анализ представленных расчетов позволяет прийти к следующим важным фактическим позициям.

Во-первых, в России сложилась хозяйственная структура с явным двукратным доминированием транзакционных видов деятельности (сервисная экономика), притом что обрабатывающий сектор, занимая чуть большую долю в ВВП, нежели сырьевой с 2003 по 2017 г., далее не имел явно выраженного преимущества перед сырьевым сектором (по доле создаваемой добавленной стоимости в ВВП страны) (см. рис. 1). С 2017 г. и далее структурная динамика была такой, что либо один сектор давал большую долю в ВВП России, либо другой. В 2023–2024 гг. доля сырьевого сектора просела, что обеспечило «структурный успех доминирования» обрабатывающему сектору. Однако явного преимущества по масштабу, который был в 2003–2017 гг., он уже не имел (рис. 1), что, видимо, вызвано вялотекущим процессом российской деиндустриализации и технологического отставания в тот период.

Во-вторых, по структуре расходов ВВП явно доминировало валовое потребление (рис. 2). Государственные расходы занимали второе место до 2006 г., затем до конца рассматриваемого периода устойчиво занимали третью позицию в структуре ВВП из четырех компонент. А второе место по доле в ВВП заняли инвестиционные расходы (включая валовое накопление основного капитала, которое длительно по доле существенно не возрастало).

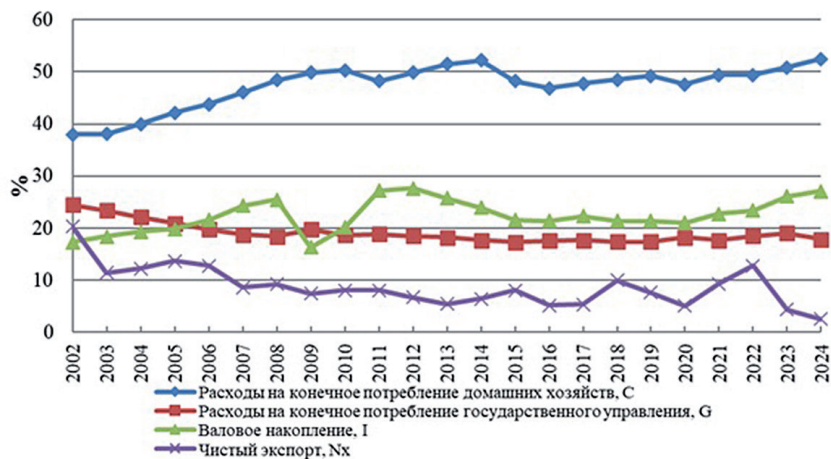

Рис. 2. Структура ВВП России по компонентам расходов, 2002–2024 гг., %

Более того, следует отметить весьма бросающийся в глаза период времени, а именно с 2015 по 2021 г., когда доля валового потребления была ниже 50% ВВП и ощутимо не росла. Доля инвестиционных расходов (валового накопления) понижалась в 2013–2017 гг., и затем еще в 2018–2020 гг., ощутимо увеличившись только в 2023–2024 гг. Если огрубить, то инвестиционный процесс сохранялся примерно на уровне 2005 г. по своему масштабу в ВВП. И более того, после 2012 г. этот масштаб был свернут за ряд лет и сохранялся вплоть до 2021 г. (см. рис. 2). Такая динамика не может быть случайной и не иметь отношения к проводимой экономической политике, которую, в свою очередь, невозможно назвать решающей задачи развития страны и по этой причине суверенной. Доля правительственных расходов стабилизировалась, доля чистого экспорта неуклонно понижалась, что явилось результатом увеличения импортной зависимости экономики на всем интервале времени 2003–2024 гг. Только 2018 и 2021–2022 гг. в этом смысле были относительно результативными (рис. 2).

Рис. 3, 4 отражают вклад каждого элемента соответствующих рассматриваемых структур ВВП в темп динамики валового продукта страны.

Получив представление об изменении масштаба различных элементов структуры ВВП, теперь важно оценить вклад каждого

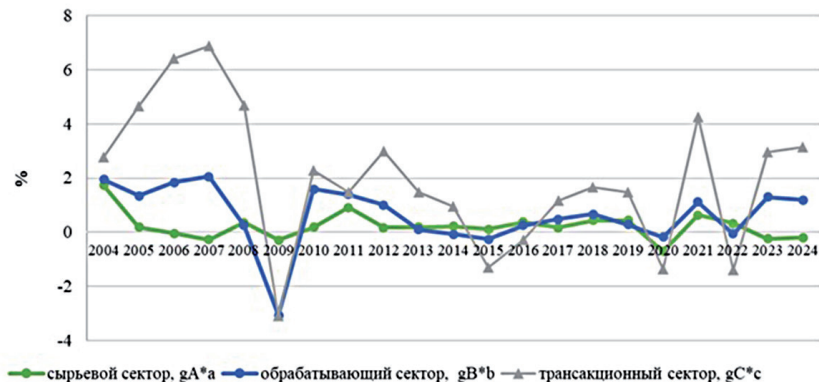

Рис. 3. Структурная динамика ВВП России (по секторам) 2004–2024 гг. (вклад в темп, %)

в общую динамику валового продукта на этом же интервале времени (см. рис. 3, 4). В ростовой динамике доминирует транзакционный сектор, проседая больше всего в годы рецессии 2015–2016, 2020 и 2022 гг. (рис. 3). Обработка по детерминации динамики ВВП конкурирует с сырьевым сектором за второе место, выходя на него с явным преимуществом в 2020, 2021 и 2023–2024 гг., давая близкий вклад в динамику, как в 2004–2007 и 2010–2011 гг. В эти годы происходила технологическая примитивизация обработки при весьма приличном росте этого сектора, что представляет собой своеобразный феномен, имеющий свои объяснения, связанные с приватизацией промышленности до 2008 года, увеличением импортной зависимости, созданием отверточных производств и т. д.⁸ В 2023 и 2024 гг. вклад обработки стал на вторую позицию с сильным отрывом от сырьевого сектора, что объяснимо проводимой отраслевой политикой – которая перешла от формата селективной поддержки к фронтальному поощрению целых видов обрабатывающей деятельности (отчасти их возрождению). Одновременно возникли и ограничения по труду и капиталу, который не удалось нарастить в указанный период снижения доли инвестиционных расходов – достаточно продолжительный (рис. 2).

⁸ Этот феномен автор в ряде давних своих работ обозначил как «рост убывающей промышленности». Причем отток кадров был значительным, как и деградация фондовой базы в период бурного роста начала 2000-х гг.

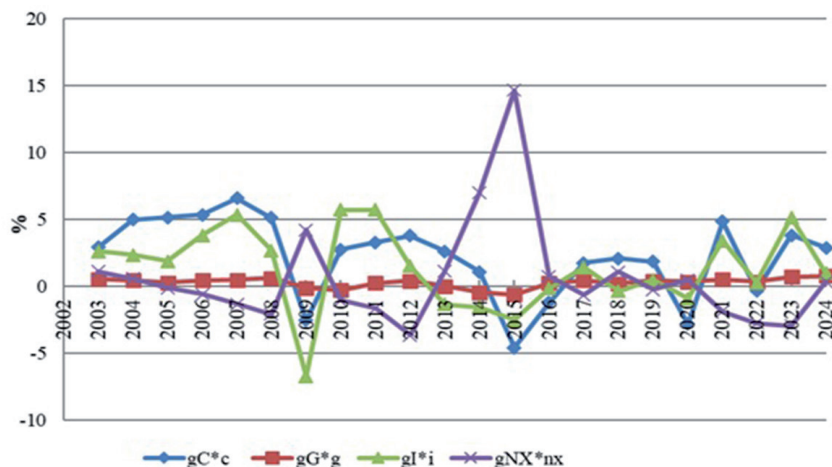

Рис. 4. Структурная динамика ВВП России (по компонентам расходов), 2003–2024 гг. (вклад в темп, %)

По компонентам расходов в ВВП (рис. 4), учитывая разный темп прироста компонент (вклад есть произведение этого темпа на долю компоненты), возникает смешанная картина вклада в темп роста ВВП разных компонент, при явном, конечно, доминировании валового потребления и накопления как главных компонент ВВП. Только в 2010–2011 гг. и в 2023 г. валовое накопление занимает первую позицию по вкладу в динамику ВВП России. Причем в 2023–2024 гг., как видно из рис. 4, активизируются и правительственные расходы, усиливая и мультипликационно подогревая такое влияние инвестиционных расходов. Но в 2024 г. опять возвращается прежняя модель структурной динамики – валовое потребление вносит основной вклад в нее. Этот результат не может не быть обусловлен сдерживающей макроэкономической политикой (монетарные рестриктивные меры), а также насыщением источников инвестирования и состоянием объектов, принимающих инвестиции. Без структурной модернизации, перемещения труда и капитала в секторальном разрезе далее рост будет затухать либо поддерживаться на весьма нестабильных источниках. Резко актуализируется задача постановки структурных целей развития и подбора политики их достижения с выходом из режима ментальной зависимости, в частности, в области монетарной политики [Глазьев 2022; Сухарев 2021].

Такая структурная политика в полной мере отвечает форме полного (абсолютного) суверенитета экономической политики⁹ и выдвигает требования по финансовому и технологическому суверенитету, а также суверенного развития науки и образования России (не на привносимых извне стандартах, нормах и правилах, под видом международной значимости дипломов, патентов, совместных стажировок и т. д.).

Представим императивы обеспечения финансового суверенитета и сформулируем задачи структурного развития России на макроэкономическом уровне (без отраслевой детализации, которая также важна при правильном планировании и согласовании национальных проектов – целей, ресурсов, задач методов реализации и пр.). К ним можно отнести: способность страны принимать финансовые решения по собственным и научно обоснованным принципам и критериям, самостоятельный контроль над своими финансовыми и денежными ресурсами без возможной потери их либо конфискации по чьему-либо желанию извне, наличие собственной платежной и расчетной системы (она появилась в России не так давно), но в некоторых моментах не является в чистом виде собственной, низкий уровень внешнего и внутреннего долга, внешнего кредитования, а также устойчивая динамика банковской системы и финансового рынка с контролем над внешними игроками на нем. Это минимальный набор позиций, который должен подчеркнуть суверенитет в области финансов.

Однако обратное состояние плюс к этому высокая процентная ставка и монетарное сдерживание роста, большой отток капитала (трансграничное перемещение капитала без ограничений), периодические девальвации, льготное поведение финансовых спекулянтов, включая внешних, монетарное бюджетное правило и др. являются атрибутами ограниченного финансового суверенитета. Следование системы образования внешним правилам или стандартам, а также сферы науки и управления, технологическое заимствование – также формируют состояние экономики, далекое от того, чтобы обеспечивать экономический суверенитет и суверенитет самой политики.

⁹ Совершенно не нужно в аналитическом плане делать далеко идущие выводы по одному или даже двум кварталам, особенно выделяя некие периоды развития в размерности 4–6 кварталов в 2022 и 2023 г., выделяя месяц на адаптацию (в ряде публикаций и отсылок это осуществлялось российскими аналитиками). Это столь же необоснованно, не строго, сколько и не отвечает практике принятия и реализации решений, не учитывает лаги времени и реакций субъектов в части адаптации и т. п.

Рис. 5. Инвестиции в финансовые и нефинансовые активы в России, 2000–2023 гг., в ценах 2005 г.¹⁰

Рис. 5 демонстрирует преобладание финансового сектора над реальным сектором экономики, что может рассматриваться как одна из причин и торможения роста, и возникающих проблем развития, сдерживающих в долгосрочном плане решение многих социальных проблем. Фактически сформировано хозяйство, структурная динамика которого обеспечивается соотношением рентабельностей (доходностей) базовых секторов и риском ведения в них деятельности. Высокодоходные секторы обнаруживает относительно невысокий риск (финансы, банки, сервис, сырье, недвижимость и т. д.), низкодоходные – относительно высокий риск (наука, медицина, высокие технологии, обработка), а в такой структуре ресурс перемещается от вторых к первым, включая финансы, инвестиции, людей и фондовую основу.

В итоге в первых видах деятельности заработная плата относительно выше, во вторых относительно ниже – и политика заработной платы не приведет ни к чему, если не влиять на корень сложившейся структуры и не обеспечить перемещение кадров в обратном направлении под синхронное повышение заработной платы. Это должно выражаться в сходящейся динамике рентабельностей и снижении риска ведения бизнеса в рискованных видах деятельности (с вероятным повышением относительно

¹⁰ Источник: рассчитано автором по данным Росстата: URL: https://www.gks.ru/investment_nonfinancial; <https://www.gks.ru/folder/14476>; [https://www.gks.ru/storage/mediabank/tab1\(2\).htm](https://www.gks.ru/storage/mediabank/tab1(2).htm)

иных видов – например финансовой спекуляции)¹¹. Этот процесс должен происходить с учетом и технологических изменений, что требует инвестиций в новые технологии и отвечающие им фонды. В этом и состоит главная структурная задача, в том числе решения социальных проблем развития. Хозяйственную структуру и динамику следует планировать, как и инструменты, обеспечивающие эту динамику (изменение) в нужном для страны направлении.

Заключение

Подводя итог, сформулируем основные выводы.

Во-первых, независимость национальной политики развития предполагает соблюдение ряда неукоснительных условий:

- самостоятельность в принятии государственных решений и в применении инструментов политики по всему набору имеющихся методов регулирования хозяйства;
- поиск собственных ресурсов развития, низкую величину внешнего долга и кредитов;
- привлечение отечественных специалистов, не ориентирующихся на успехи других стран, либо к аналитической работе для обоснования мер текущей политики развития.

Реализация этих трех условий позволит вывести экономическую политику из «мягкого диктата», формируемого ангажированными теоретическими результатами или моделями, которые на самом деле являются неадекватными применительно к иным условиям и странам. Это прежде всего относится к «вашингтонскому консенсусу», а также неоклассическим моделям экономической политики, не учитывающим распределенного влияния инструментов по целям и по структурным элементам экономики.

Во-вторых, многочисленные работы, отмечающие структурные изменения в российском хозяйстве буквально по кварталам 2022 и 2023 г., крайне примитивно трактуют сами изменения структуры. Если оценить их по добавленной стоимости, создаваемой в секторах или видах деятельности, то эти изменения происходят перманентно – и чем более детально выделены элемен-

¹¹ Иные макроэкономические решения по своей логике будут противоречивыми и необоснованными. Если, ничего не изменяя, направлять инвестиции или финансы в какой-то сектор, то будут локально решаться лишь отдельные задачи, но градиента развития создано не будет.

ты структуры, тем очевиднее будут такие изменения. Однако за считанные кварталы не происходят значимые сдвиги в фондовой основе отраслей, даже занятость изменяется, скажем так, непринципиально. Колебания же добавленной стоимости видов деятельности зависят от изменений в рынках. При этом базисная структура секторов экономики и модель структурной динамики ВВП может не обнаруживать принципиальных изменений. И причиной этому является проводимая экономическая политика, в том числе те ее инструменты, которые обосновываются несuverенными принципами (слабо обоснованными и привнесенными в аналитическое поле рассуждений).

Особо отметим, что квартальные изменения в 2022 и 2023 гг. включали и ввод санкций, и пролонгацию действия тех санкций, что вводились еще с 2014 года, плюс ошибки текущей политики, либо те узкие места, которые всегда присутствовали в экономике – и обострили свое негативное влияние. Методологически некорректно выделять какие-то периоды на интервале, существенно меньшем двух лет¹², не принимая во внимание ни действий по ослаблению российской экономики, ни противодействия, которое осуществлялось в рамках проводимой политики. Кстати, отраслевая политика обладала и обладает сегодня более высоким

¹² Появляются многочисленные работы такого рода, весьма уязвимые в методологическом плане, обычно констатирующего вида, которые полезны в информативном смысле, но ничего не дают в плане глубокого анализа изменений и что важно – причин этих изменений, эффективности решений, выбора альтернатив и т. д. Однако они обычно имеют большое число ссылок в литературе. Это еще раз подчеркивает неоднозначность аналитической работы и ее восприятия в научных кругах. Важнее изменить парадигму принятия решений – повысить, тем самым, суверенитет экономической политики. В этой связи, справедливости ради, первый Устав (проект) МВФ предполагал установку, считающуюся с проводимой национальной политикой обеспечения роста и занятости, эффективного использования ресурсов. Но далее развитие этого международного института приводило к ликвидации национальной независимой экономической политики посредством вмешательства в ее формирование (под видом экспертной и консультативной деятельности). Напомню, что Дж.М. Кейнс отстаивал позицию национальной валютной независимости как условия самостоятельной политики обеспечения занятости. В первой статье Устава МВФ было отмечено:

...достижение и поддержание высокого уровня занятости и реальных доходов, а также развитие производственных ресурсов всех стран – главная цель экономической политики государства.

потенциалом суверенизации, нежели, скажем, политика монетарная, которая допустила вывод 300 млрд долл. валютных резервов страны под внешний контроль.

Таким образом, в России следует продолжать и усиливать суверенную макроэкономическую политику, включая и монетарную составляющую, обеспечивая финансовый и технологический суверенитет страны. Однако именно суверенная экономическая политика предполагает «идеологический суверенитет» на уровне разработки и обоснования инструментов реализуемой политики. Если ментально суверенитет отсутствует, и аналитики, эксперты копируют чужой опыт политики без его переосмысления и даже без адаптации рецептов к текущей ситуации в конкретной стране, – это приводит к явной зависимости и скромным либо непродолжительным положительным результатам, или же их полностью нейтрализует, генерируя отрицательный исход. Чтобы этого не происходило, независимой в политическом смысле стране требуется собственная аналитическая база, независимые органы статистического учета, которые бы сами формировали для своих оценок всю необходимую методическую (измерительную) основу.

Литература

- Глазьев 2022 – *Глазьев С.Ю.* Как денежно-кредитная политика угнетает экономический рост в России и Евразийском Экономическом Союзе // Российский экономический журнал. 2022. № 2. С. 4–20.
- Глазьев 2023 – *Глазьев С.Ю.* Китайское экономическое чудо: Уроки для России и мира. М.: Весь мир, 2023. 406 с.
- Львов 2002 – *Львов Д.С.* Экономика развития. М.: Экзамен, 2002. 512 с.
- Стиглиц 2020 – *Стиглиц Дж.* Люди, власть и прибыль. Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства. М.: Альпина Паблишер, 2020. 430 с.
- Сухарев 2023 – *Сухарев О.С.* Макроэкономическая политика: неравенство, бедность и рост. М.: Ленанд, 2023. 240 с.

Хельд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э. и Перратон Дж. в своей работе «Глобальные трансформации» (М.: Праксис, 2004. С. 233–234) отмечают указанное обстоятельство и добавляют, что в этом предполагалась гарантия неподчинения внутренних целей страны глобальному финансовому порядку, а приоритет их над ним. Вместе с тем, международные финансовые институты быстро «забыли» названную установку, подчинив ее возврату денег как заложено в логику модели «вашингтонского консенсуса».

- Сухарев 2025 – *Сухарев О.С.* Дж.М. Кейнс и М. Фридман: реанимация устаревших идей и ее вредное влияние на Россию (О научно-практической несостоятельности ортодоксальной теории и практики) // *Экономист*. 2025. № 1. С. 78–95.
- Сухарев 2021 – *Сухарев О.С.* Управление макроэкономическим развитием: структурный подход и обратные связи // *Наука и искусство управления. Вестник института экономики, управления и права РГГУ*. 2021. № 1. С. 10–28.
- Эрлих 2010 – *Эрлих А.* Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928. М.: Дело АНХ. 2010. 248 с.
- Andreoni, Chang 2019 – *Andreoni A, Chang H-J.* The political economy of industrial policy: Structural interdependencies, policy alignment and conflict management // *Structural Change and Economic Dynamics*. 2019. vol. 48. issue C. P. 136-150.
- Gabardo, Pereima, Einloft 2017 – *Gabardo F.A., Pereima J.B., Einloft P.* The incorporation of structural change into growth theory: A historical appraisal // *EconomiA*. Vol. 18. Issue 3. 2017. P. 392-410.
- Romano, Traù 2017 – *Romano L., Traù F.* The nature of industrial development and the speed of structural change // *Structural Change and Economic Dynamics*. 2017. September. Vol. 42. P. 26–37.
- Vaidyaa et al. 2018 – *Vaidyaa S., Ambadb P., Bhosle S.* Industry 4.0 – A Glimpse. 2nd International Conference on Materials Manufacturing and Design Engineering. Procedia Manufacturing. 2018. Vol. 20. P. 233–238.

References

- Andreoni, A. and Chang, H-J. (2019), “The political economy of industrial policy: Structural interdependencies, policy alignment and conflict management”, *Structural Change and Economic Dynamics*, vol. 48, iss. C, pp. 136-150.
- Erlich, A. (2010), *Diskussii ob industrializatsii v SSSR. 1924–1928* [The Soviet industrialization debate. 1924–1928], Delo ANKh, Moscow, Russia.
- Gabardo, F.A., Pereima, J.B. and Einloft, P. (2017), “The incorporation of structural change into growth theory: A historical appraisal”, *EconomiA*, vol. 18, iss. 3, pp. 392-410.
- Glazeyev, S.Yu. (2022), How monetary policy depresses economic growth in Russia and the Eurasian Economic Union, *Russian Economic Journal*, no. 2, pp. 4-20.
- Glazeyev, S.Yu. (2023), *Kitaiskoe ekonomicheskoe chudo. Uroki dlya Rossii i mira* [Chinese economic miracle. Lessons for Russia and the world], Ves' mir, Moscow, Russia.
- Lvov, D.S. (2002), *Ekonomika razvitiya* [Development Economics], Ekzamen, Moscow, Russia.
- Romano, L. and Traù, F. (2017), “The nature of industrial development and the speed of structural change”, *Structural Change and Economic Dynamics*, vol. 42, pp. 26-37.
- Stiglitz, J. (2020), *Lyudi, vlast' i pribyl'. Progressivnyi kapitalizm v ehpokhu massovogo nedovol'stva*. M.: Al'bina Publisher [People, Power and Profits. Progressive Capitalism for an age of Discontent], Alpina Publisher, Moscow, Russia.
- Sukharev, O.S. (2023), *Makroekonomicheskaya politika: bednost', neravenstvo i rosta* [Macroeconomic Policy. Poverty, Inequality and Growth], Lenand, Moscow, Russia.

- Sukharev, O.S. (2025), J.M. Keynes and M. Friedman. Resuscitation of obsolete ideas and its harmful impact on Russia (On the scientific and practical failure of orthodox theory and practice). *Economist*. no. 1. pp. 78-95.
- Sukharev, O.S. (2021), "Management of macroeconomic development: structural approach and feedback", *Science and art of management. Bulletin of the Institute of Economics, Management and Law of the Russian State University for the Humanities*, no. 1, pp. 10-28.
- Vaidyaa, S., Ambadb, P. and Bhosle, S. (2018), "Industry 4.0 – A Glimpse", 2nd International Conference on Materials Manufacturing and Design Engineering, *Procedia Manufacturing*, vol. 20, pp. 233–238.

Информация об авторе

Олег С. Сухарев, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук, Россия, Москва; 117218, Москва, Нахимовский проспект, д. 32; o_sukharev@list.ru; ORCID: 0000-0002-3436-7703

Information about the author

Oleg S. Sukharev, Dr. of Sci. (Economics), professor, chief researcher, Russian Academy of Sciences Institute of Economics, Moscow, Russia; bld. 32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, Russia, 117218; o_sukharev@list.ru; ORCID: 0000-0002-3436-7703

УДК 316.334.56

DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-75-92

Социокультурная оптика исследования мегаполиса

Агамали К. Мамедов

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, aktmnaika@yandex.ru*

Нино З. Гогохия

ОМД ОМ Group, Москва, Россия, zurabovnan@gmail.com

Арзу А. Гурбанова

*Центрально-Азиатский инновационный университет
Шымкент, Казахстан, arzu_gur@mail.ru*

Аннотация. В статье уточняется понятие мегаполиса, его соотношение с понятием большого города. Отмечается, что, будучи крупным объединением людей, город является особым социо-культурным пространством, в котором продуцируются и актуализируются новые стратегии человеческого поведения, включая их ориентир на новые обычаи, традиции, ценности и законы. Город является проявлением «цивилизации» в смысле его этимологического значения. Мегаполис, как наиболее большой «привлекательный» город, является ярким примером, в котором актуализируются современные социально-культурные проблемы. Подчеркивается, что мегаполис является индикатором развития культуры, который является показательным для остальных территорий пространственного развития. Анализируется культурное взаимодействие в рамках урбанизационных процессов, а также дается понятие ценностных установок коммуницирующих сторон с позиций того, что оно является необходимым для осуществления качественного культурного обмена. Определяется, что культура является комплексным понятием, характеризующим особую систему норм, ценностей и правил поведения, которые формируются на основе, как внешней среды, так и среды, создаваемой самим обществом и важна при социокультурном исследовании больших городов.

Ключевые слова: город, дуальность, мегаполис, культурная диффузия, миграционный поток, текст, ценности

Для цитирования: Мамедов А.К., Гогохия Н.З., Гурбанова А.А. Социокультурная оптика исследования мегаполиса // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2025. № 3. С. 75–92. DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-75-92

Sociocultural optics of metropolis research

Agamali K. Mamedov

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia, akmnauka@yandex.ru*

Nino Z. Gogokhia

OMDOM Group, Moscow, Russia, zurabovnan@gmail.com

Arzu A. Gurbanova

*Central Asian Innovation University
Shymkent, Kazakhstan, arzu_gur@mail.ru*

Abstract. The article specifies the concept of a megalopolis, its relationship with the concept of a large city. It is noted that, being a large association of people, a city is a special socio-cultural space in which new strategies of human behavior are produced and actualized, including their orientation toward new customs, traditions, values and laws. A city is a manifestation of “civilization” in the sense of its etymological meaning. A megalopolis, as the largest “attractive” city, is a striking example in which modern socio-cultural issues are addressed. It is highlighted that a megalopolis is an indicator of cultural development, which is indicative for other territories of spatial development.

Authors analyze cultural interaction within the framework of urbanization processes and give a concept of value attitudes of communicating parties from the standpoint of the fact that it is necessary for the implementation of high-quality cultural exchange. They argue that culture is a complex concept characterizing a special system of norms, values and rules of behavior that are formed on the basis of both the external environment and the environment created by society itself and is important in the socio-cultural study of large cities.

Keywords: city, duality, metropolis, cultural diffusion, migration flow, text, values

For citation: Mamedov, A.K., Gogokhia, N.Z. and Gurbanova, A.A. (2025), “Sociocultural optics of metropolis research”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 3, pp. 75-92, DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-75-92

Введение

Мегаполис является центром во всех аспектах, специальной пространственной системой, занимающей ключевое место как в национальной экономике, так в мировой системе. Он выступает крупнейшим «хабом» коммуникации за счет концентрации широкой аудитории, а также своих инфраструктурных возможностей. Понятие “megacity” было упомянуто в 1970-х гг.

в докладах ООН, после чего стало популярным по всему миру в количественных мерах, которые были утверждены ООН: город с населением более 10 млн человек. Также мегаполис можно определить как большого размера географическую зону, которая характеризуется соединением нескольких городов в одно пространство, имеющая один или несколько центров притяжения [Нотман 2021]. В отличие от простого города, мегаполис является более сложной системой социальных институтов и становится сосредоточением различных социальных групп с особыми социальными и культурными особенностями, коммуникация между которыми приводит к диффузии культур.

В целом проблема городского пространства исследовалась всегда социологией и экономикой. В определениях различных исследователей выдвигались разнообразные трактовки, значимость которых ставилась на различные планы. В общем виде различные трактовки города систематизированы и представлены в табл. 1.

Таблица 1

Разнообразие трактовок города и большого города

Автор	Понятие
К. Маркс и Ф. Энгельс	Город как концентрация орудий производства, населения, капитала, потребностей. Изучение города преимущественно под призмой развития производительных сил и классовых конфликтов
Г. Зиммель	В большом городе «человек создает себе средство самозащиты», которое возникает от ощущения перегруженности разнообразными стимулами (внутренними и внешними впечатлениями). Мысль о достижении свободы вследствие разобщенности
М. Вебер	Город рассматривается как населенный пункт, в котором отсутствуют тесные связи между соседями вследствие плотной застройки и жизни
Р. Парк	Большие города являются локальными центрами мировой экономики, культуры и цивилизации, которые претерпевают риск исчезновения, смешиваясь между собой.
Л. Вирт	Город является концентратом социально гетерогенных индивидов, поведение которых является урбанизмом. Город – как центр общественной жизни
П. Бурдьё	Город как систематизированное пересечение связей. В городе формируется особое символическое пространство
П. Бергер и Т. Лукман	Город является пространством, сконструированным действиями групп людей

Таким образом, большой город представляет собой особое социально-культурное пространство, сконструированное на основе рационального обмена между разными социальными группами, фланерами, характеризующееся символическим пространством, которое формирует новые социальные практики в городе, в особенности обезличенности и отстраненности.

Особенности больших городов

Согласно характеристикам, которые дают в своих трудах Р. Коэн и П. Кеннеди, большие города можно разделить на четыре группы [Cohen, Kennedy 2007]. Во-первых, древние города (Багдад, Каир, Афины, Рим и другие). К такому типу города относятся те, которые исторически связаны с «великими цивилизациями» в истории. Указанные города существовали до образования национальных государств, выполняя все их функции. Будучи административным, военным, экономическим центром, древние города рассматривались в основном как единое государство.

Во-вторых, колониальные города, например, Мумбай, Лагос, Сан-Паулу, Йоханнесбург. Данные города образовывались в ходе колониальной экспансии более сильных государств. Проще говоря, центр города является наиболее богатым местом, включая деловые кварталы, тогда как периферия города заполнена трущобами и нищетой. Более того, такие города, в условиях колонизации некоей местной культуры, формировались в процессе слияния разных (чаще всего противоположных) культур, создавая уникальное социально-культурное пространство.

В-третьих, индустриальные города, которые являются центрами промышленной, торговой деятельности. Преимущественно данный тип городов формировался в эпоху модерна при создании системы национального государства. Стоит отметить, что диффузия культур в данном случае осуществлялась за счет притяжения данными городами большого числа мигрантов. Примерами индустриальных городов являются Торонто, Чикаго, Сидней и другие.

В-четвертых, глобальные города (например, Лондон, Нью-Йорк, Берлин, Париж и др.). Как пишет Дж. Фридман, основными атрибутами глобального города являются следующие: интеграционные процессы города в глобальную экономику влияют на производственную форму города, а также на природу рынка; некоторые глобальные города являются местом хранилища ми-

рового капитала (например, Цюрих); высокая интенсивность миграционных процессов (как внутренних, так и из других стран); существует высокая пространственная и классовая поляризация, а также глобальными городами осуществляются различные функции контроля [Friedman 1986].

Так, глобальные города – это площадки, концентрирующие и накапливающие капитал, реализующие определенные контрольные функции в мире и играющие большую роль в осуществлении мирового порядка, например, в распределении мировых производственных сил. Более того, глобальные города являются: центрами притока капитала и инвестиций (чаще всего долгосрочных), а также международных и внутренних мигрантов; связующими транспортными хабами; концентратом информации, культуры и производственных сил. Глобальные города имеют тенденцию к высокой специализации на рынке, формируя тем самым мировое разделение труда, являются узлами в глобальной экономической системе, реализующими свои определенные функции [Сассен 2005; Бобров 2011].

Помимо развитой телекоммуникационной инфраструктуры и ТНК, глобальный город аккумулирует внутри себя особую культурную среду, созданную вследствие большого притока мигрантов. Проще говоря, глобальный город является скорее функцией международной сети стратегических площадок, чем конкретным местом.

Развитие больших городов и появление мегаполисов

В условиях глобализации города претерпевают процессы урбанизации, превращаясь в большую городскую агломерацию – мегаполис. По нашему мнению, ярким примером, иллюстрирующим данный процесс, является расширение Москвы в территориальном плане, а также создание единой транспортной системы города, связанной с пригородом (Московской областью). Как пишет Л. Мамфорд, мегаполис рассматривается как «большой промышленный город, который достиг предела роста» [Mumford 1997, p. 183].

Сегодня в условиях глобализации и цифровизации, в условиях стирания пространственных границ большой город обретает новые качества. Так, выделяются термины, характеризующие большие города в новых реалиях. К примеру – глобальный город, цифровой город, город постмодерна, информационный

город, расползающийся город [Калинин 2024]. Помимо данных терминов, выделяются также метрополис, мегагород, мировой город, конурбация, городская агломерация и другие. Стоит отметить, что такого рода разнообразие терминов связано с многогранностью и междисциплинарным характером исследований мегаполисов [Шакибаев, Макаров 2025].

Как правило, данные термины зачастую используются как синонимы, однако стоит отдельно учитывать цели исследования, в котором тот или иной термин используется. Мегаполис, как крупное пространство, является важным элементом функционирования общества. Так, с увеличением численности населения, его уплотнения и большей дифференциации актуализируются вопросы социального и экономического неравенства, распределения власти, а также социального порядка. Можно выделить три основных качества мегаполиса (глобального города).

Во-первых, чем больше город, тем больше различий внутри. Данный тезис связан с постулируемым ранее тезисом Зиммеля об анонимности, безразличности, утрате четких общинных связей, а также увеличении социальной конкуренции.

Во-вторых, плотность населения усиливает дифференциацию. В данном случае, как писали Теннис и Вирт о рациональности социальных связей в смысле определения их индивидуальной полезности, тезис Кастельса связан с развитием индифферентности ко всему, что не связано с целью.

В-третьих, гетерогенность города по классовому и этническому характеру позволяет создавать специальные ассоциации для поддержания социальной солидарности.

Стоит отметить, что в понимании Кастельса современный город является дуальным в силу его поляризации не только по экономическому признаку (бедные – богатые), но и также по социальной структуре, которая была сформирована информационной экономикой. Причинами дуальности города являются рост миграционных процессов, поляризация профессиональной структуры, повышение влияния информационного сектора, а также падение роли индустриального [Castells 1977]. Так, происходит сегментирование социальных групп, изоляция культур и их сегрегация по вопросам использования общего пространства.

В общем смысле выделяются два направления методов исследования мегаполиса: географическая (город как сервисный центр) и социологическая. Такого рода дихотомия методов строится на традициях Фридмана (из географии) и Сассен (из социологии).

Городская инфраструктура рассматривается как совокупность процессов, цель которых обеспечивать нормальное функ-

ционирование элементов системы. Важно отметить, что инфраструктура может быть как в физическом смысле, так и в социальном. Социокультурная инфраструктура рассматривает человека как носителя культурных кодов для поддержания внутренней солидарности собственной системы. Включает в себя фактор «инкультурации городской жизни» [Порозов 2013], ибо социокультурная инфраструктура мегаполиса понимается как капитал, который имеет относительно размытые границы.

Социокультурная инфраструктура включает в себя два уровня – институциональный и виртуальный. Первый имеет сеть образовательных и культурных учреждений, в то время как второй – нематериальные ресурсы, создающие уникальное коммуникативное и смысловое поле города. Такого рода коммуникативное и смысловое поле города может быть отражено и исследовано через концепцию Ю. Лотмана, где рассматривается в первую очередь феномен текста [Ефимочкина, Мамедов 2024].

Основными функциями текста являются передача информации, создание новой информации и сохранение памяти. В этом смысле, в соотнесении с понятием социокультурной инфраструктуры, можно говорить о том, что в городе аккумулируется особый его текст. Итак, «текст города» включает в себя материальные объекты и нематериальные объекты, «составляющие городской словарь». Так, элементы «текста» города передают, генерируют и сохраняют информацию внутри города, используя различные мифологемы и урбанонимы. Под последними понимается определенный знаковый континуум, в котором содержание создает информационное пространство, в котором образ города проявляется в разных модальностях [Голомидова 2001].

Важно отметить, что наличие такого рода «именного пласта» показывает наличие характерного ландшафта того или иного места, его социальную и деловую активность, а также ценностное отношение к месту. Иными словами, в городе существует множество пластов-пространств, которые объединены в общее большое пространство города.

Таким образом, большой город представляет собой особое социально-культурное пространство, сконструированное на основе рационального обмена между разными социальными группами, фланерами, характеризующее символическим пространством, которое формирует новые социальные практики в городе, в особенности обезличенности и отстраненности. Мегаполис является центром мировой системы, выполняющим определенные контрольные функции и концентрирующий внутри себя производственные и трудовые ресурсы.

Мегаполис – индикатор развития культуры

С культурологической точки зрения мегаполис это индикатор развития культуры, который является показателем для остальных территорий. Так, с увеличением численности населения, его уплотнения и большей дифференциации актуализируются вопросы социального неравенства, распределения власти и социального порядка. Внутри мегаполиса формируется особая городская инфраструктура (социальная и физическая).

Социокультурная инфраструктура рассматривает человека как носителя культурных кодов для поддержания внутренней солидарности собственной системы. Помимо этого, внутри городского пространства аккумулируются различные пласты – пространства, составляющие образ города: географический, исторический, ментальный и социальный. В этом смысле мегаполис представляет собой определенное социокультурное пространство, внутри которого создаются и аккумулируются множество сред. Например, информационная среда, инфраструктурная среда, ценностно-смысловая, вещественно-материальная среда и другие [Паллотта, Сичкар 2020].

Стоит отметить, что трансформационные процессы, происходящие в современном обществе и, к слову, превращающие общество в современное, напрямую влияют на формирование образа «современного города». Глобализация, цифровизация, урбанизация делают его наиболее медиатизированным, что проявляется в актуализации медиа, цифровых платформ как новой бизнес-модели и способе осуществления прямого взаимодействия между различными участниками рынка, а также социальных сетей и других продуктов цифровизации общества.

Современный город рассматривается как медийно-архитектурный комплекс, который возникает в процессе распространения пространственных медийных платформ и гибридных пространственных ансамблей (гибридизации онлайн и офлайн пространств) [Расходчиков 2024]. Помимо изменения способов коммуникации (перевода части социальной коммуникации в «цифру»), распространение медиа служит организации общественного пространства [Мамедов, Мясникова 2024].

Помимо медиатизации современного города, происходит его усложнение и формирование контрфинальности. Контрфинальность в данном случае является феноменом, проявляющимся в современной городской среде преимущественно мегаполиса. В понимании Дж. Элстера, она является проявлением неоднозначности и «отложенной» во времени противоречивости со-

циальных процессов [Elster 1978]. Проще говоря, контрфинальность – это «обратный» результат целенаправленных и рациональных действий массы, которые не согласованы между собой. Результат, в данном случае, может быть непредсказуемым и разным. Контрфинальность современного города проявляется не только как результат индивидуальных целенаправленных действий, но и как характеристика пространства, времени, информационных систем [Латыпов 2021]. Более того, стоит учитывать факт, что единичный житель города рассматривается как «фланер» и «бесчувственно-равнодушный человек». Такого рода человек характеризуется повышенной тревожностью жизни, формирующейся в условиях интенсификации перемен внешнего и внутреннего мира, в особенности впечатлений.

Стоит отметить, что, будучи социально-культурным пространством, большой город аккумулирует внутри себя большое количество различий по разным параметрам – этническим, расовым, культурным, социально-экономическим, политическим и другим. Такого рода разнообразие, пересечение «непохожего» обеспечивает синергию и увеличивает функциональность города. Культурное разнообразие города является классической проблемой в урбанистике.

Говоря про мегаполис как социально культурное пространство, стоит выделить отдельно его культурную составляющую. Так, культурное пространство мегаполиса понимается как система результативных оснований человеческой деятельности и ее знаково-символического содержания, воплощенного в многообразных продуктах культурной практики человека [Янин 2024].

Действительно, в условиях большого города, внутри которого образуются различные субкультуры, формирование социальных групп по культурным признакам неизбежен. Важной чертой культурного пространства является плюралистичность множества интересов, их неоднородность, а также идейные, ценностные, социальные различия, несводимые к чему-то единому и существующие отдельно друг от друга.

Более того, большой город является крупной площадкой для осуществления диалога между культурами, их объединения или пересечения. Культурная составляющая городского пространства отчасти является продуктом сознания и мысли, т. е. производным когнитивных, эмоциональных и мотивационных аспектов личности. Культурный аспект городского пространства проявляется в физическом и материальном, создавая определенный визуальный образ города, а также в символическом – в языке, нормах, традициях, ценностях.

Важно отметить, что социально-культурное пространство в городе понимается через слияние различных стилей жизни в единое символическое пространство жизненных стилей и статусных групп. Обмениваясь информацией, жители городов формируют новую социокультурную инфраструктуру [Бурдые 1992].

Таким образом, общество с помощью коммуникативного действия социализируется – создает новые внутренние структуры и осваивает внешний мир. Иными словами, с помощью коммуникации и ее трансформации со временем общественные структуры «адаптируются» под новые условия и создают внутри себя новые системы действий с целью собственного сохранения и ре-производства. Сутью коммуникации является достижение взаимопонимания. Оно ориентировано на достижение успеха – обоюдного согласия для реализации собственных целей.

В условиях цифровизации и развития цифровой коммуникации, большого числа акторов, разнородности социальных групп, наличия общественных площадок, а также событий («впечатлений») в городе социально-культурное взаимодействие с одной стороны становится более свободным и открытым, а с другой – более бесчувственным и равнодушным.

Основная критика цифровой эпохи заключается в том, что она увеличивает проблемы межкультурной коммуникации. Несмотря на эту критику, технология стала частью человеческой культуры, сообщества и идентичности. Поскольку в человеческом общении доминируют сетевые формы общения, мир – земной шар – превратился в «глобальную деревню», в которой границы между государствами становятся более прозрачными, а информация более неуловимой [Geck 2016; Бобров и др. 2020].

Соединение цифровых технологий с городской средой формирует новые направления развития городского пространства: цифровые сети распространяют экономическую деятельность в географическом пространстве, а также усиливают концентрацию влияния, что приводит к большим возможностям для объединения, с одной стороны, а с другой – большей разобщенности [Куценко и др. 2024].

Как отмечается, растущее число цифровых технологий и с первого взгляда связанные с ним возможности и «свобода» являются скорее мнимыми, иллюзионными, так как повышают возможности для управления и контроля со стороны государственной власти и крупными игроками рынка (ТНК, цифровые платформы). В этом смысле городское пространство в условиях цифровизации приобретает новые качества социокультурного пространства в смысле непродолжительности, дискретности и

интенсивности социальных связей и создаваемого ими культурного аспекта в городе.

Так, социокультурный аспект городского пространства, с одной стороны, расширяет свои границы в процессе цифровизации и частичного перехода в онлайн-коммуникацию, а с другой стороны – включает в себя типические особенности города (обезличенность, равнодушие, ориентир на свои цели).

Культурный ландшафт является многогранным феноменом, включающим в себя определенную семантическую нагрузку («невидимую» силу), а также классические мерилы пространства – длина, ширина, высота. Культурная составляющая города, в определенном смысле, является «одомашненной», а в условиях глобализации глокализованной. Можно сказать, что культурный аспект города как социокультурного пространства, учитывая географический компонент, проявляется как геокультурная категория города.

В условиях современности в городе как пишет Ж. Деррида, «центр» отходит от бывшей структурности, в смысле единоличной концентрации в нем культурных смыслов всего города [Деррида 2020]. Такое распыление города переходит на другие зоны, позволяя им становиться субъектами социокультурного процесса. Можно сказать, что традиционная схема города с концентрацией в центре становится ацентричной, превращаясь в большую гиперсеть, не имеющую одного центра. Такого рода ацентричность создает новые проблемы в изучении диффузии культур, а также городского пространства и сознания человека. Одной из четырех характеристик города является ментальный пласт – пространство как социокультурное пространство.

В итоге можно отметить, что большой город представляет собой особое социально-культурное пространство, сконструированное на основе рационального обмена между разными социальными группами, фланерами, характеризующееся символическим пространством, которое формирует новые социальные практики в городе, в особенности обезличенности и отстраненности.

Сегодня, в условиях развития современных информационно-коммуникативных технологий, такого рода взаимодействие расширяется и выходит на глобальный уровень. В современных реалиях общество представляет собой мировую систему с безграничными масштабами коммуникации, осуществляемой через современные устройства связи. В связи с этим роль коммуникации в современном обществе трансформируется – она масштабируется и интенсифицируется. Вместе с этим изменяется и

социальное взаимодействие между людьми, обществами и даже государствами.

Будучи значимым элементом общественной жизни, культура вносит большой вклад в развитие социальной жизни общества посредством аккумуляирования потребностей, мотивов, стимулов и ценностей индивидов, социальных групп и общностей с целью формирования у них определенного социального поведения. Другими словами, можно сказать, что взаимодействие людей строится на социальных практиках, которые с одной стороны нормализуют определенные модели поведения, а с другой стороны, основываются на ценностных, мотивационных аспектах объекта воздействия, которые закладываются в культуре.

Культура и ее смысл в мегаполисе

Классической в объяснении связи культуры с обществом является работа М. Вебера, в которой рассматривается влияние культуры, а именно протестантской религии, на экономическую жизнь общества. Объясняя «успешность» развития капиталистической мысли внутри общества через принятые в обществе религиозные воззрения, работа Вебера постулирует взаимовлияние культуры и социально-экономической жизни общества. Культура является многоаспектным и сложным понятием, трактовка которого зависит от выбранного подхода.

Исходя из системного подхода, который является, по нашему мнению, доминирующим в рассмотрении понятий, культура понимается как совокупность значений, ценностей, норм, которыми владеют взаимодействующие лица, совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения [Лебедева, Татарко 2009, с. 83].

Другими словами, культура – это система систем, в которой формируются, актуализируются и распространяются ценности, нормы и правила, необходимые для социализации общества и сохранения внутренней солидарности.

Наиболее ярко в науке понятие «культура» связано с работами И. Аделунга, который может считаться «первооткрывателем» в дефиниции культурологии. По И. Аделунгу культура рассматривается как облагораживание и уточнение всех духовных и физических сил человека и всего народа, в частности¹.

¹ *Adelung J. Chr. Über den Ursprung der Sprache und den Bau der Wörter, besonders der Deutschen. Leipzig, 1781.*

Важно сказать, что наиболее комплексное понимание культуры, по нашему мнению, выдвинул Э. Тайлор, включив в «культуру» такие компоненты, как верования, обычаи, право, мораль, собственность и орудия. В этом смысле орудия и собственность понимаются им как «вещи», сотворенные руками человека, а именно принадлежащие к человеческим изобретениям².

Например, Ф. Боас понимал культуру как совокупность ментальных и физических реакций и деятельности, которыми характеризуется поведение отдельных лиц, составляющих единую общественную группу [Боас 1997]. Так, по его мнению, культурное взаимодействие осуществляется через кровное родство, процессы размножения, специализированную деятельность, а также использование силы политической организации. В общем смысле, культурное взаимодействие направлено на осуществление обмена определенных «ценных» смыслов между акторами коммуникационного процесса, реализующими социализирующие функции в процессе взаимодействия.

Иная позиция характерна для Б. Малиновского, который писал про исключительную искусственность культуры. По его мнению, культура рассматривается как совокупность искусственных средств удовлетворения и регулирования природных человеческих потребностей [Malinowski 1944]. В этом смысле можно согласиться отчасти с социологом в вопросе необходимости удовлетворения потребностей в процессе культурного взаимодействия. Проще говоря, межкультурная коммуникация, в особенности между государствами, может быть рассмотрена как «переговоры» и «совершение сделки», на определенных выгодных для обеих (иногда только для одной) сторон условиях.

По нашему мнению, в изучении культурного взаимодействия стоит отметить Дж. Александра, который вводит понятие «культурсоциология» в научный дискурс [Александр 1998]. По его мнению, социальная структура целиком и полностью состоит из мира мифов, символов, кодов и ритуалов, которые и определяют культурное взаимодействие. Так, основные назначения культурсоциологии как метода являются интерпретация коллективных смыслов, выявление моральных структур и тонких эмоциональных связей, посредством которых отдельные лица и группы испытывают воздействие этих смыслов. Интересно и то, что в схожем смысле с Парсонсом (культура – как подсистема общей системы действия), культура по Александру является не

² Тайлор Э.Б. Доисторический быт человечества и начало цивилизации. М.: Д.И. Преснов, 1868. 508 с.

вещью, а измерением, которая представляется в форме «нити», проходящей сквозь любую мыслимую социальную форму. Важно сказать, что культурсоциология является методом изучения социальной действительности с опорой на культурную составляющую.

Культура – довольно сложный и многогранный термин, включающий в себя множество трактовок. Основная трактовка культуры состоит в том, что она является проявлением материального, производного от человека, которое отображено в определенных символических смыслах, образах, мифах, ритуалах и так далее. Культура является основной частью социальной жизни, реализуя функции социализации, накопления, передачи и транслирования информации, а также взаимодействия. По нашему мнению, наиболее целесообразным определением культуры является определение Александера, включая использование метода культурсоциологии. Культурное взаимодействие строится на понимании культуры как таковой, а также исходя из составляющих ее компонентов.

Любое поведение предполагает определенное действие (или бездействие). Коммуникативное действие составляет центральный элемент всего общества. Общество с помощью коммуникативного действия социализируется – создает новые внутренние структуры и осваивает внешний мир. Иными словами, с помощью коммуникации и ее трансформации со временем общественные структуры «адаптируются» под новые условия и создают внутри себя новые системы действий с целью собственного сохранения и перепроизводства. Сутью коммуникации является достижение взаимопонимания. Оно ориентировано на достижение успеха – обоюдного согласия для реализации собственных целей.

Заключение

В настоящее время прежние границы коммуникации стираются, а ее направления и характер носят более широкий характер. Суть коммуникации практически не изменяется, как и ее проявление (более открытая и свободная коммуникация). Это связано с современными тенденциями и протекающими процессами в обществе, например, с цифровизацией и глобализацией и развитием городов, ростом мегаполисов.

Виртуальное пространство как социальная среда представляет собой символическую реальность, в рамках которой размы-

ваются границы между объектом и субъектом коммуникации: объект наделяется смыслами, которые затем могут трансформироваться. Такая среда подразумевает «безграничную» и «бесконечную» коммуникацию.

Культурное взаимодействие как процесс обмена информацией между разными культурами строится на основе ценностных убеждений каждой из сторон. И в этом смысле понимание ценностных установок коммуницирующих сторон является необходимым для осуществления качественного культурного взаимодействия.

Таким образом, культура является комплексным понятием, характеризующим особую систему норм, ценностей и правил поведения, которые формируются на основе как внешней среды, так и среды, создаваемой самим обществом. Культурное взаимодействие выполняет интегративную, адаптационную, структурирующую функции, а также функции регулирования поведения и социализации.

Литература

- Александр 1998 – Александр Дж. Новое теоретическое направление в социологии: Одна из интерпретаций // Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований / Под ред. С.И. Григорьева, Ж. Коэнен-Хуттера. М.: Интеллект, 1998. С. 155–163.
- Боас 1997 – Боас Ф. Границы сравнительного метода в антропологии // Антология исследований культуры. Интерпретация культуры. Т. 1. СПб., 1997. С. 509–518.
- Бобров 2011 – Бобров Д.В. Теоретические основы качества жизни населения: социолого-управленческие аспекты // Вестник университета. 2011. № 12. С. 20–22. EDN TTNEKF.
- Бобров и др. 2020 – Бобров Д.В., Шулу А.А., Фарисов Ф.Ф. О междисциплинарном функционально-динамическом подходе к анализу политической системы современного общества // Социология и право. 2020. № 2 (48). С. 83–89. DOI: 10.35854/2219-6242-2020-2-83-89. EDN ZIRWOM.
- Бурдые 1992 – Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 17–26.
- Голомидова 2001 – Голомидова М.В. Образ пространства и пространственные образы в названиях старого Екатеринбурга // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 20. С. 56–69.
- Деррида 2000 – Деррида Ж. Письмо и различие. СПб.: Акад. Проект, 2000. 432 с.
- Ефимочкина, Мамедов 2024 – Ефимочкина Н.Б., Мамедов А.К. Новые акторы социальной трансформации: коммуникативный диалог и асимметрия // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. Т. 13. № 6–1. С. 104–116.

- Калинин 2024 – *Калинин В.С.* Стратегическое значение инновационных кластеров Москвы в развитии прогрессивной транспортной инфраструктуры мегаполиса // Стратегирование: теория и практика. 2024. Т. 4. № 2. С. 274–283.
- Купенко и др. 2024 – *Куценко Е.С., Остащенко Т.В., Боос В.О.* Метавселенные для управления городами: Глобальная модель и ее перспективы в Москве // Информационное общество. 2024. № 5. С. 62–83.
- Латыпов 2021 – *Латыпов И.А.* «Контрфинальность» в социологической теории: реконцептуализация понятия // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. № 4. С. 697–710.
- Лебедева, Татарко 2009 – *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Культура как фактор общественного прогресса. М.: Юстицинформ, 2009. 408 с.
- Мамедов, Мясникова 2024 – *Мамедов А.К., Мясникова О.Ю.* Социальный капитал как стратегический механизм аккультурации трудовых мигрантов // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2024. № 1. С. 49–63. DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-49-63.
- Нотман 2021 – *Нотман О.В.* Концептуализация понятия «мегаполис»: формально-количественный, правовой, функциональный и системный подходы // Известия Саратовского университета. 2021. № 2. Т. 21. С. 143–149.
- Паллотта, Сичкар 2020 – *Паллотта В.И., Сичкар Т.В.* Наружная реклама как элемент социокультурного пространства современного города // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/05KLSK120.pdf> (дата обращения 15 марта 2025).
- Порозов 2013 – *Порозов Р.Ю.* Анализ визуальной репрезентации городской инфраструктуры (теоретико-методологический аспект) // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 74–77.
- Расходчиков 2024 – *Расходчиков А.Н.* Социальные цифровые технологии в исследовании информационной среды города // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10. № 2. С. 127–139.
- Сассен 2005 – *Сассен С.* Глобальные города: постиндустриальные производственные площадки // Прогнозис. 2005. № 1 (2). URL: <https://eusp.org/news/sovremennye-tendentsii-razvitiya-megapolisa-i-mesto-sankt-peterburga-v-globalnoj-sisteme>.
- Шакибаев, Макаров 2025 – *Шакибаев М.К., Макаров А.Н.* Перспективы крупных городов Казахстана в контексте развития мегаполисов // Региональный экономический журнал. 2025. № 2. С. 49–54.
- Янин 2024 – *Янин К.* Структура городской повседневности // Социология города. 2024. № 4. С. 17–22.
- Castells 1977 – *Castells M.* The urban question: a Marxist approach. L., 1977. 512 p.
- Cohen, Kennedy 2007 – *Cohen R., Kennedy P.* Global sociology. N.Y., 2007. 408 p.
- Elster 1978 – *Elster J.* Logic and Society: Contradictions and Possible Worlds. Chichester, 1978. 235 p.
- Friedman 1986 – *Friedman J.* The world city hypothesis // Development and Change. 1986. № 2. P. 69–83.
- Geck 2016 – *Geck C.* The generation Z connection: teaching information literacy to the newest net generation // Teacher Librarian. 2016. № 33 (3). P. 19–28.
- Malinowski 1944 – *Malinowski B.* A scientific theory of culture and other essays. N. Carolina, 1944. 600 p.
- Mumford 1997 – *Mumford L.* The Culture of Cities. Thoemmes Press Reprint, 1997. 288 p.

References

- Alexander, J. (1998), "New theoretical perspectives in sociology: One of the interpretations", Grigoryev, S.I. and Koenen-Hutter, J. (eds.), *Sotsiologiya na poroge XXI veka: Novye napravleniya issledovaniy* [Sociology on the threshold of the 21st century: New directions of research], Intellect, Moscow, Russia, pp. 155–163.
- Boas, F. (1997), "Limits of the comparative method in anthropology", *Antologiya issledovaniy kul'tury. Interpretatsiya kul'tury* [Anthology of cultural studies. Interpretation of culture] vol. 1, St. Petersburg, Russia, pp. 509–518.
- Bobrov, D.V. (2011), "Theoretical foundations of the life quality of the population. Sociological and managerial aspects", *Vestnik Universiteta*, no. 12, pp. 20–22.
- Bobrov, D.V., Shulus, A.A. and Farisov, F.F. (2020), "The Interdisciplinary Functional Dynamic Approach to the Analysis of the Political System of Modern Society", *Sociology and Law*, no. 2 (48), pp. 83–89.
- Bourdieu, P. (1992), "Social space and the genesis of "classes", *Voprosy sotsiologii*, vol. 1, no. 1, pp. 17–26.
- Castells, M. (1977), *The urban question: a Marxist approach*, MIT Press, UK.
- Cohen, R. and Kennedy, P. (2007), *Global sociology*, N.Y., USA.
- Derrida, J. (2000), *Pis'mo i razlichie* [Script and Distinction], Acad. Proekt, Saint Petersburg, Russia.
- Efimochkina, N.B. and Mamedov, A.K. (2024), "New actors of social transformation: communicative dialogue and asymmetry", *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*, vol. 13, no. 6–1, pp. 104–116.
- Elster, J. (1978), *Logic and Society: Contradictions and Possible Worlds*, Chichester, UK.
- Friedman, J. (1986), "The world city hypothesis", *Development and Change*, no. 2, pp. 69–83.
- Geck, C. (2016), "The generation Z connection: teaching information literacy to the newest net generation", *Teacher Librarian*, no. 33 (3), pp. 19–28.
- Golomidova, M.V. (2001), "Image of space and spatial images in the names of old Yekaterinburg", *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta*, no. 20, pp. 56–69.
- Kalinin, V.S. (2024), "Strategic role of Moscow's innovation clusters in progressive megalopolis transport infrastructure", *Strategizing: Theory and Practice*, vol. 4, no. 2, pp. 274–283.
- Lebedeva, N.M. and Tatarko, A.N. (2009), *Kul'tura kak faktor obshchestvennogo progressa* [Culture as a factor of social progress], Yustitsinform, Moscow, Russia.
- Malinowski, B. (1944), *A scientific theory of culture and other essays*, N. Carolina, USA.
- Mamedov, A.K. and Myasnikova, O.Yu. (2024), "Social capital as a strategic mechanism for the acculturation of labor migrants", *RSUH/ RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 1, pp. 49–63, DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-49-63.
- Mumford, L. (1997), *The Culture of Cities*, Thoemmes Press Reprint, UK.
- Notman, O.V. (2021), "The conceptualization of 'megacity': Formal-quantitative, legal, functional and systemic approaches", *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politics*, no. 2 (21), pp. 143–149.
- Pallotta, V.I. and Sichkar, T.V. (2020), "Outdoor advertising as an element of social and cultural space of a modern city", *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, no. 1 (11), available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/05KLSK120.pdf> (Accessed 15 March 2025).

- Porozov, R.Yu. (2013), "An analysis of the visual representation of urban infrastructure (theoretical and methodological aspect)", *Knowledge. Understanding. Skill*, no. 2, pp. 74-77.
- Raskhodchikov, A.N. (2024), "Social digital technologies in the study of urban information environment", *Research Result. Sociology and Management*, vol. 10, no. 2, pp. 127-139.
- Sassen, S. (2005), "Global cities. Post-industrial production sites", *Forecast*, no. 1 (2), available at: <https://eusp.org/news/sovremennye-tendentsii-razvitiya-megapolisa-i-mesto-sankt-peterburga-v-globalnoj-sisteme>.
- Shakibaev, M.K., and Makarov, A.N. (2025), "Prospects for major cities in Kazakhstan in the context of mega city development", *Regional Economic Journal*, no. 2, pp. 49-54.
- Yanin, K.D. (2024), "The structure of urban everyday life", *Urban Sociology*, no. 4, pp. 17-22.

Информация об авторах

Агамали К. Мамедов, доктор социологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; akmnauka@yandex.ru

Нино З. Гогохия, старший научный сотрудник, ОМД ОМ Group, Москва, Россия; 123007, Россия, Москва, Хорошевское шоссе, д. 1; zurabovnan@gmail.com

Арзу А. Гурбанова, кандидат педагогических наук, ассоциированный профессор, Центрально-Азиатский инновационный университет, Шымкент, Казахстан; 160009, Казахстан, Шымкент, ул. Мадели кожа, д. 137; arzu_gur@mail.ru

Information about authors

Agamali K. Mamedov, Dr. of Sci. (Sociology), professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bd. 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; akmnauka@yandex.ru

Nino Z. Gogokhia, senior researcher, OMD OM Group, Moscow, Russia; bld. 1 Khoroshevskoe Highway, Moscow, Russia, 119991; zurabovnan@gmail.com

Arzu A. Gubanova, Cand. of Sci. (Pedagogics), associate professor, Central Asian Innovation University, Shymkent, Kazakhstan; bld. 137, Madeli Kozha Street, Shymkent, Kazakhstan, 160009; arzu_gur@mail.ru

Возможности интеграции ИИ российскими корпорациями

Ирина В. Павлова

*Финансовый университет при Правительстве РФ
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
Москва, Россия, pr.pavlova@mail.ru*

Аннотация. При рыночной экономической системе конкуренция является ключевым фактором, стимулирующим страны и компании подстраиваться под изменения рынка. Поэтому в эпоху научно-технического прогресса многие стремятся занять лидерские позиции в области искусственного интеллекта. В статье рассматриваются исследования как российских, так и зарубежных специалистов, в которых проанализировано текущее состояние рынка искусственного интеллекта и представлены перспективы его развития. Также для более детального анализа рассмотрена компания МТС, которая является членом альянса в сфере искусственного интеллекта и иные российские компании, внедрившие в свои процессы данную технологию. Особое внимание при этом сосредоточено на областях применения искусственного интеллекта, таких как машинное обучение, обработка естественного языка и компьютерное зрение. В анализе также рассматриваются основные препятствия, которые мешают российским компаниям внедрять ИИ, среди которых выделяются зависимость от зарубежных технологий, неприятие со стороны сотрудников и нормативные ограничения. В заключительной части рассматриваются перспективы развития искусственного интеллекта в России, с акцентом на совершенствование генеративных технологий, их внедрение в образовательный процесс и масштабирование использования в клиентском сервисе.

Ключевые слова: искусственный интеллект, технологии, российские компании, мировое сообщество, развитие технологий, барьеры, перспективы

Для цитирования: Павлова И.В. Возможности интеграции ИИ российскими корпорациями // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2025. № 3. С. 93–113. DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-93-113

Opportunities for AI integration by Russian corporations

Irina V. Pavlova

*Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow Bauman State Technical University
Moscow, Russia, pr.pavlova@mail.ru*

Abstract. In a market economic system, competition is a key factor stimulating countries and companies to adapt to market changes. Therefore, in the era of scientific and technological progress, many strive to take leadership positions in the field of artificial intelligence. The article considers research by both Russian and foreign specialists, which analyzes the current state of the artificial intelligence market and presents prospects for its development. Also, for a more detailed analysis, the MTS company, which is a member of the alliance in the field of artificial intelligence, and other Russian companies that have introduced such technology into their processes are considered. Particular attention is paid to the areas of application of artificial intelligence, such as machine learning, natural language processing, and computer vision. The analysis also considers the main obstacles that hinder Russian companies from implementing AI, among which are the dependence on foreign technologies, resistance from employees, and regulatory restrictions. The concluding part looks into prospects for the development of artificial intelligence in Russia, focusing on the enhancement of generative technologies, their integration into the educational process, and the scaling of their use in customer service.

Keywords: artificial intelligence, technologies, Russian companies, global community, development of technologies, barriers, prospects

For citation: Pavlova, I.V. (2025), "Opportunities for AI integration by Russian corporations", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 3, pp. 93-113, DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-93-113

Введение

Технологический процесс не стоит на месте, и когда в 2019 российские компании отказывались внедрять в свои процессы искусственный интеллект, то на правительственном уровне понимали, что добиться устойчивой конкурентоспособности российской экономики без использования искусственного интеллекта будет невозможно¹. Но после 2022 г. получить зарубежные

¹ РБК. Более 10% россиян заявили о недоверии к искусственному интеллекту. 2020. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/27/01/2020/5e2af9bf9a794792bafa2fd4 (дата обращения 1 марта 2025); Федеральный проект «Искусственный интеллект». URL: <https://ai.gov.ru/national-strategy/> (дата обращения 1 марта 2025).

решения в этой области стало проблематично, поэтому возник вопрос о разработке отечественных решений. Для достижения этой и других задач был разработан указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», в обновлении которой впоследствии участвовали альянс в сфере искусственного интеллекта и прочие эксперты². В нем было обозначено понятие искусственного интеллекта как

...комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Анализ интеграции искусственного интеллекта в российских корпорациях

Такой интерес со стороны властей заставил российские компании пересмотреть свою позицию, и уже к концу 2023 г. многие компании в России, заинтересовавшись перспективами, использовали искусственный интеллект. Согласно исследованию, которое провели «Авито работа» и банк «Точка», каждая четвертая компания внедрила в свои технологические процессы искусственный интеллект, и половина из этих компаний используют его на ежедневной основе. Эксперты подсчитали, что наибольший интерес к новой технологии проявляется в таких сферах, как логистика, гостиничный бизнес, банки и медицина [Кузовкова, Шаравова 2024]. Но все же было отмечено, что в ближайшее время искусственный интеллект не сможет заменить человека, а будет только упрощать работу, в том числе и при дефиците кадров.

Даже в современных условиях российские компании являются важной частью мировой экономики, поэтому мировое развитие искусственного интеллекта отражается и на них. Для понимания того, какие сферы интересуют мировое сообщество рас-

² Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс; Forbes. Коллективный разум: как изменилась нацстратегия развития ИИ. 2024. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/506392-kollektivnyj-razum-kak-izmenilas-nacstrategia-razvitia-ii> (дата обращения 1 марта 2025).

смотрим данные, отраженные на рис. 1, собранные платформой “Statista”. Данные охватывают B2B, B2G и B2C предприятия³.

Как мы можем наблюдать, большую часть рынка занимает машинное обучение, которое и используется компаниями в своей деятельности [Семенова 2024]. Рынок машинного обучения затрагивает использование алгоритмов, которые позволяют компьютерам обучаться на основе имеющихся данных. Согласно прогнозам экспертов, к 2030 г. общий рынок, как и доля машинного обучения, вырастет в несколько раз [Горбачева 2025]. Это говорит о заинтересованности мировых компаний в использовании искусственного интеллекта как в способе развития своей компании.

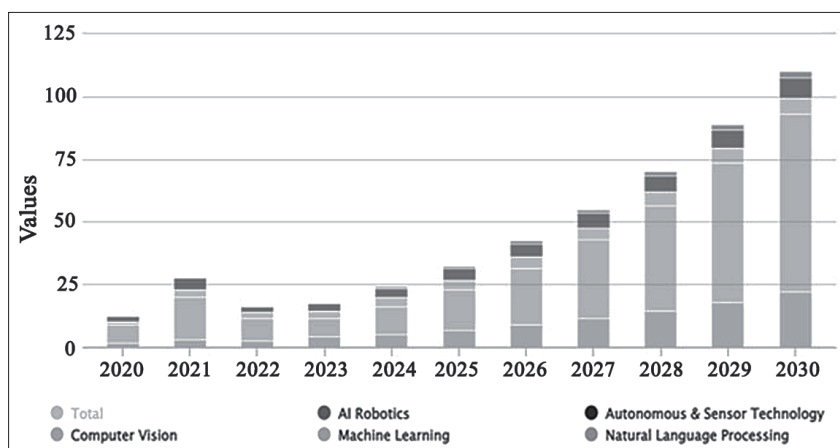

Рис. 1. Динамика рынка искусственного интеллекта по направлениям, 2020–2030 гг.⁴

Это также подтверждает исследование этой же платформы, рассмотренное на рис. 2, о количестве пользователей и прогнозе на 2030 год⁵. Анализ данных еще раз подтверждает, что количество пользователей неуклонно растет, что в перспективе может привести к интеграции с другими технологиями и продолжит стимулировать инновационный рост.

³ Statista. Artificial Intelligence. 2025. URL: <https://www.statista.com/outlook/tmo/artificial-intelligence/russia> (дата обращения 3 марта 2025).

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

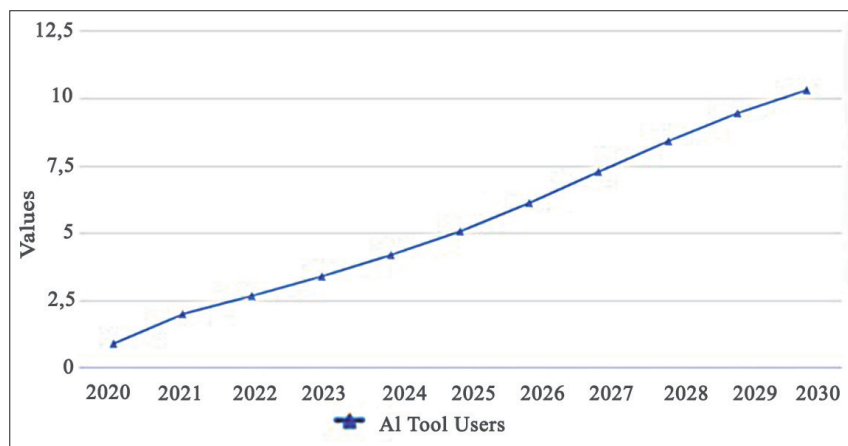

Рис. 2. Динамика роста пользователей инструментов искусственного интеллекта с 2020 по 2030 г. (прогноз)

Департамент стратегического развития и инноваций при министерстве экономического развития Российской Федерации выделил, по каким направлениям реализуется искусственный интеллект⁶:

- 1) компьютерное зрение;
- 2) обработка естественного языка;
- 3) распознавание и синтез речи;
- 4) интеллектуальные системы поддержки принятия решений;
- 5) перспективные методы ИИ.

Компьютерное зрение – область искусственного интеллекта, занимающаяся обучением вычислительной техники распознаванию и интерпретации визуальной информации. Данную технологию применяют во многих сферах, например для распознавания лиц или контроля за безопасностью на предприятии [Ташкин 2025].

Обработка естественного языка – область искусственного интеллекта, которая отвечает за разработку алгоритмов, позволяющих вычислительной технике понимать, интерпретировать и отвечать на запросы в форме текста [Сливный 2024]. Данную

⁶ Министерство экономического развития Российской Федерации. Развитие искусственного интеллекта. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d01/razvitie_iskusstvennogo_intellekta/ (дата обращения 2 марта 2025).

технологии используют в поисковых системах, в чат-ботах и машинном переводе.

Распознавание и синтез речи – технология, позволяющая не только понимать устную речь, но и отвечать голосом. Данная технология используется для создания интерактивных голосовых интерфейсов, которые внедряются в голосовые помощники, иные домашние системы и навигационные приложения [Ши 2024].

Интеллектуальные системы поддержки принятия решений – технология, которая анализирует большие объемы данных, выявляет закономерности и предлагает рекомендации, которые повышают эффективность принимаемых решений. Данную технологию применяют в сфере финансов, для оценки кредитных рисков, транспорта, для планирования маршрутов, бизнеса, для прогнозирования спроса и маркетинговых решений [Дуркин, Мелконян 2024].

Перспективные методы ИИ-технологии, которые находятся в активной разработке и которые в дальнейшем помогут улучшить возможности искусственного интеллекта [Kumar Abhijeet et al. 2024]. Например, автоэнкодеры, которые встраивают входные данные сами по себе, без обучения.

Возвращаясь к российским компаниям, рассмотрим, какие отрасли внедрили искусственный интеллект в бизнес-функции, как эти изменения отразились на их деятельности и с какими проблемами они столкнулись.

В 2023 г. Яндекс провел собственное исследование, целью которого было выявить, какие отрасли экономики уже используют в своей деятельности искусственный интеллект (рис. 3)⁷.

Как мы можем наблюдать, больше всего искусственный интеллект внедрен в кампании по маркетингу и продажам, а также по клиентскому сервису. Это объясняется тем, что текущее развитие технологий находится на стадии, которая не покрывает все потребности российских компаний.

Рассмотрим, какие решения используют российские компании и с какими проблемами они столкнулись.

ПАО «Мобильные ТелеСистемы» (МТС) – одна из крупнейших компаний, представляющая как телекоммуникационные услуги, так и медийные сервисы. Ежегодно компания публикует отчет «Развитие экосистемы МТС», в котором отдельную главу

⁷ Яков и партнеры. Искусственный интеллект в России – 2023: тренды и перспективы. 2023. URL: <https://yakovpartners.ru/publications/ai-future/> (дата обращения 2 марта 2025).

Рис. 3. Стадии внедрения искусственного интеллекта российскими компаниями⁸

составляет искусственный интеллект. Для того, чтобы проследить за тем, какими темпами в России развивается искусственный интеллект, рассмотрим три года, а именно 2017, 2021 и 2022 гг.⁹

Еще в 2017 г. компания создала центр искусственного интеллекта МТС, специалисты которого внедряют данную технологию в экосистему МТС. Также компания является участником альянса в сфере искусственного интеллекта и создала фонд, помогающий стартапам реализовать свои идеи. Компания сочетает как собственные, так и мировые разработки, чтобы быть востребованной и на мировом рынке.

В 2021 г. компания внесла множество изменений, которые произошли с использованием данной технологии. Изменился подход к прогнозированию инвестиций. Компания смогла соз-

⁸ Там же.

⁹ МТС. Годовой отчет 2021. 2022. URL: <https://ar2021.mts.ru/obzor-transformaczii-ekosistemy/razvitie-ekosistemy-mts/> (дата обращения 2 марта 2025); МТС. Годовой отчет 2022. 2023. URL: <https://ar2022.mts.ru/obzor-transformaczii-ekosistemy/razvitie-ekosistemy-mts/> (дата обращения 2 марта 2025).

дать технологию на основе искусственного интеллекта, которая осуществляла прогнозирование доходов планируемых разработок, что помогло компании грамотнее инвестировать и в дальнейшем поднять прибыль. Также были разработаны новые инструменты для клиентского сервиса. Используя анализ речевых и текстовых данных, искусственный интеллект помог выявить особенности реализации услуг, включая проблемные аспекты. Такой подход создал условия для устранения или снижения трудностей, что особенно ценно в период мировой пандемии, когда сотрудники перешли на удаленный формат работы.

В 2022 г. МТС решила не сбавлять обороты и реализовать еще больше проектов. Компания решила продолжить развивать клиентский сервис и вместе с центром искусственного интеллекта был разработан голосовой бот, который поможет операторам службы поддержки решать ряд задач. Продолжая сотрудничество, МТС перенесла своего чат-бота на новую платформу, что позволило ускорить его работу и увеличить количество довольных клиентов. Также одним из нововведений стала система опросов, реализуемая искусственным интеллектом. Данная система позволила эффективнее собрать данные и повысила комфорт клиентов.

Возвращаясь к центру искусственного интеллекта МТС, можно сказать, что за год было реализовано множество проектов на базе искусственного интеллекта, которые были внедрены в экосистему компании. Было реализовано более 20 проектов по разным направлениям. Например, множество усовершенствований для онлайн-кинотеатра Кюп и озвучивание книг при помощи искусственного интеллекта в проекте «МТС Строки». На 2022 г. было озвучено 1562 книги, что говорит о качестве внедренной технологии. Также искусственный интеллект был внедрен в платформу областного видеонаблюдения, которое могут применять другие компании в своей деятельности.

Компания не забыла и про помощь стартапам. За 2022 г. было отобрано 12 стартапов из десяти стран мира. Была разработана и реализована программа WinChina по помощи стартапам к выходу на рынок Китая. Также за август–сентябрь отработано более 200 заявок из семи стран и под конец 2022 г. началась реализация проекта.

Анализ деятельности компании ПАО «Мобильные ТелеСистемы» (МТС) за 2021 и 2022 гг. показал, что российские компании готовы инвестировать в искусственный интеллект, который помогает им выстраивать бизнес-процессы и в перспективе принесет хорошую прибыль. И поддержка других технологических

компаний через альянс в сфере искусственного интеллекта и помощь государства, обозначенная в национальной стратегии развития ИИ до 2030 г., простимулируют такое развитие.

Для наглядности перейдем от более детального анализа одной компании к анализу по направлениям использования.

В последнее время популярность стали набирать чат-боты в технической поддержке. Они не требуют больших ресурсов и могут реализовываться с использованием сторонних решений. Ранее мы уже рассматривали, как в компании МТС реализована данная система, но другие компании решили использовать несколько иной подход. Например, компания «Вкусвилл» решила оптимизировать свои процессы и привлечь новых клиентов, создав два чат-бота на базе искусственного интеллекта. Первый бот отвечает за карту магазина и персональные акции, тем самым создавая удобство покупателям. Второй же бот «пИИРожок», работающий на базе зарубежного GPT-4 и отечественного YandexGPT, создан для рекламных целей¹⁰. Чат-бот предлагает персональную подборку готовой еды, продаваемой в магазинах компании. Название, отсылающее к искусственному интеллекту, выполняет несколько функций: является частью образа компании и увеличивает продажи.

В 2016 г. стартап Staforу решил изменить рынок подбора сотрудников. Была поставлена цель не заменить HR-менеджеров, а помочь организовать свою работу. Проект «Робот Вера», созданный стартапом, занимается подбором резюме, обзвоном соискателей и проведением собеседований¹¹. За все время существования стартапа созданный им продукт пользовался спросом как у российских, так и у зарубежных компаний. Например, в 2023 г. искусственный интеллект проконсультировал 4 тыс. соискателей центральной пригородной пассажирской компании.

Компания HeadHunter первая на российском рынке внедрила в свой поисковик искусственный интеллект, который помогает как работодателям, так и соискателям. Теперь подходящие вакансии находятся вверху, а искусственный интеллект для персонализации выдачи резюме анализирует несколько сотен признаков. Но компания понимает, что нововведения могут понра-

¹⁰ Cnews. «ВкусВилл» запустил бота на базе искусственного интеллекта, который подберет готовые блюда. 2024. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2024-04-02_vkusvill_zapustil_bota (дата обращения 2 марта 2025).

¹¹ ТАСС. Робот Вера принимает на работу. URL: <https://tass.ru/spec/staforu> (дата обращения 3 марта 2025).

виться не всем, поэтому оставила старые команды и фильтры. Согласно исследованию, проводимому внутри компании, данное нововведение подняло рост откликов на вакансии, что говорит о необходимости дальнейшего поддержания и развития технологии.

Иную стратегию выбрала конкурирующая с HeadHunter компания – SuperJob. Они реализовали данную технологию не на собственном сайте, а в популярном мессенджере WhatsApp¹². Согласно исследованиям компании, использование их продукта поможет нанять необходимый персонал в два раза быстрее и удобнее. Большая аудитория мессенджера и востребованность технологии делают чат-бота полезным инструментом для HR-менеджеров.

Крупнейший банк Восточной Европы и России, СберБанк, как и МТС, является членом альянса в сфере искусственного интеллекта. Банк ежегодно участвует в выставках и проводит собственные презентации, на которых демонстрируются решения на базе ИИ, которые используются как внутри компании, так и всеми желающими. Компания настолько продвинулась в этой сфере, что заняла лидирующие позиции на российском рынке искусственного интеллекта. В качестве примера рассмотрим последнюю выставку, где Сбер организовал собственный стенд – «Евразия – наш дом»¹³. Были показаны такие технологии, как SberDevis, которые являются набором сервисов на базе искусственного интеллекта и машинного обучения, SaluteSpeech, который решает задачи, связанные с генерацией речи и ее расшифровкой, SberJazz, сервис видеоконференций и многое другие технологии. Самой революционной показанной технологией можно назвать нейросеть Kandinsky [Малышев 2024]. Ее преимущество состоит в том, что ее можно внедрить в другие решения, даже от других компаний. Данная технология работает на русском языке и может генерировать изображения по запросу пользователя, а также дорабатывать его.

Компания «Газпром нефть» решила оптимизировать процесс разработки месторождений. Для этого в 2019 г. начались испытания цифровой системы на базе искусственного интеллекта, целью которого является анализ вариантов разработки месторож-

¹² Superjob. HR-bot Superjob для найма в WhatsApp. URL: <https://www.superjob.ru/hr-bot/> (дата обращения 3 марта 2025).

¹³ 66.ru. Как «Сбер» использует искусственный интеллект, чтобы сделать нашу жизнь хоть немного проще. 2023. URL: <https://66.ru/news/hitech/265277/> (дата обращения 3 марта 2025).

дений и выявление лучших вариантов. Анализ работы системы показал, что разработка предлагает варианты лучше на 20–30% по сравнению с экспертной группой.

Одной из первых массовых российских систем, работающих на базе искусственного интеллекта, стала разработанная Яндексом система YDF. Разрабатывалась данная система для розничной сети X5 Retail Group и предназначалась для прогнозирования спроса на товары по акциям. По результатам работы системы был сделан вывод, что прогноз был верен в 87% случаев.

Компания Mail.ru Group пошла дальше и представила технологию на базе искусственного интеллекта для распознавания очередей¹⁴. Продукт под названием Vision в режиме реального времени определяет количество человек в очереди и дает команду администратору. Технология гибко настраивается, что позволяет подстроить систему под нужды заказчика.

Компанию Яндекс можно смело называть одним из лидеров в области искусственного интеллекта на российском рынке. Компания одной из первых заинтересовалась новой технологией и за несколько лет успела попробовать все направления. Была разработана нейросеть для текста YandexGPT, нейросеть для картинок YandexART, нейросеть для перевода текста и многие другие [Малышев 2024]. Эти технологии компания внедрила в свои продукты, а также сотрудничает с другими компаниями, внедряя свои решения в их продукты. Одним из первых таких опытов было сотрудничество с ЦУМом. Яндекс разработала систему персональных рекомендаций, которая анализирует данные клиента на сайте компании и предлагает те товары, которые интересуют потенциального покупателя. Согласно внутреннему исследованию, средний чек увеличился на 7%, а с учетом того, что средний чек составлял 42 тыс. рублей, можно говорить об успешности применения технологии. Также стоит упомянуть про голосовой помощник «Алиса». На сегодняшний день технология может выполнять функции будильника, оформить заказ в интернет-магазине, но уже в ближайшем будущем сможет выполнять более сложные задачи [Нефедов 2023].

¹⁴ VC. Mail.ru Group разработала технологию распознавания очередей с помощью компьютерного зрения Vision. 2020. URL: <https://vc.ru/future/108104-mail-ru-group-razrabotala-tehnologiyu-raspoznavaniya-ocheredey-s-pomoshchyu-kompyuternogo-zreniya-vision> (дата обращения 3 марта 2025).

Российская компания Mattler разработала ряд решений на основе искусственного интеллекта, которые повышают эффективность работы компании. Принцип работы Morigan.Retail схож с вышеуказанной технологией Vision. Технология позволяет определять количество человек в очереди и сообщать диспетчеру о превышении допустимого количества. В свою очередь Morigan.Safe отвечает за автоматизированный контроль за требованиями безопасности. Система автоматически обнаруживает нарушение, например отсутствие каски, и оперативно сообщает ответственному лицу. Далее составляется фотоотчет и на его основе формируется акт. По схожему принципу работает Morigan.Lean. Данная технология на базе искусственного интеллекта выполняет такие функции, как контроль за соблюдением регламентов процесса производства, контроль за выполнением заказов, ведение учета простоя оборудования и многие другие задачи. Согласно исследованию компании, использование технологии увеличивает прибыль на 15% и сокращает простой оборудования на 30%. Например, на птицефабрике «Моссельпром» внедрена технология Morigan.Lean, что, согласно заявлению управляющего директора Евгения Тетенькина, позволило компании легче контролировать производительность сотрудников и повысить производительность труда [Сабиров, Колчина 2021].

Для чемпионата по футболу 2018 г. российская компания, занимающаяся исследованиями в области искусственного интеллекта, разработала технологию письменного-голосового перевода, чтобы зарубежным гостям было комфортно взаимодействовать с проводниками, продавцами и остальными людьми. Особенность технологии заключалась в том, что она не только переводила речь, но помогала и на бытовом уровне: распознавала картинки, меню и ценники.

Для наглядности составим систематизированную таблицу по направлениям использования на основе данных, рассмотренных выше (табл. 1).

Но при этом стоит отметить, что существует ряд барьеров, препятствующих свободному внедрению искусственного интеллекта компаниями в свои бизнес-процессы.

Яндекс провел опрос, целью которого было выявить, какие риски видят компании в использовании искусственного интеллекта (рис. 4)¹⁵.

¹⁵ Яков и партнеры. Искусственный интеллект в России – 2023...

Таблица 1

Сравнение продуктов на базе искусственного интеллекта по направлениям использования

Направление использования	Решаемые задачи	Компания	Продукт	Сфера использования
Оптимизация бизнес-процессов	Чат-боты	МТС	Чат-бот (обработка естественного языка)	Обработка запросов, взаимодействие с клиентами
		ВкусВилл	Чат-бот (обработка естественного языка)	Взаимодействие с клиентами
	Рекрутинг	Stafory	«Робот Вера» (интеллектуальные системы поддержки принятия решений)	Помощник HR-менеджера
		HeadHunter	Умный поиск (обработка естественного языка)	Поиск вакансий
		SuperJob	Чат-бот (обработка естественного языка)	Поиск вакансий
	Компьютерные решения в сложных процессах	Сбер	Ряд решений на базе ИИ (обработка естественного языка, распознавание и синтез речи)	Использование внутри компании; Использование сторонними лицами
		Газпромнефть	Интеллектуальная система “Эра оптимума” (интеллектуальные системы поддержки принятия решений) [Гладкова, Сайченко 2021]	Разработка месторождений

Окончание табл. 1

Направление использования	Решаемые задачи	Компания	Продукт	Сфера использования
Прогнозирование спроса и поведения клиента	Контроль ресурсов	Пятерочка Яндекс	YDF (интеллектуальные системы поддержки принятия решений)	Прогнозирование спроса на товары
		Mail.ru Group	Vision (компьютерное зрение)	Распознавание очередей
Контроль за качеством и безопасностью	Персональные предложения	ЦУМ Яндекс	YDF (интеллектуальные системы поддержки принятия решений)	Система рекомендаций
	Контроль качества	Mattler Моссельприм	Morigan Lean (компьютерное зрение)	Контроль за процессами производства
	Контроль за безопасностью	Mattler Моссельприм	Morigan Safe (Компьютерное зрение)	Контроль за требованиями безопасности
	Упрощение коммуникации	PROMT	Мобильный переводчик (обработка естественного языка)	Упрощение коммуникации
Тайм-менеджмент		Yandex	«Алиса» (компьютерное зрение, обработка естественного языка, распознавание и синтез речи)	Виртуальный ассистент

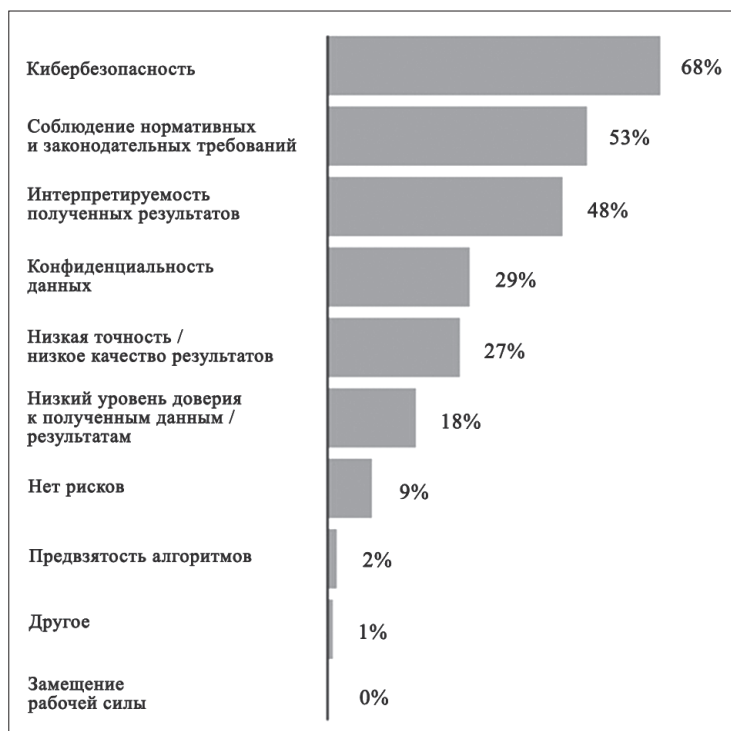

Рис. 4. Риски в использовании искусственного интеллекта

Как мы видим, у компаний больше всего беспокойства вызывают риски по кибербезопасности, соблюдения нормативных и законодательных требований и сложность в интерпретации полученных данных. Эти опасения подтверждаются исследованиями, которые показывают, что тенденция к увеличению кибератак и опора на цифровые технологии требуют с особым вниманием относиться к кибербезопасности как элементу стратегического менеджмента [Gumanowan et al. 2023]. Так как все эти риски приводят к финансовым потерям, перед государством и компаниями стоит цель минимизировать эти риски для полноценного внедрения во все отрасли. Но помимо рассмотренных рисков существует ряд проблем, замедляющих использование технологии в деятельность компаний.

Одной из таких проблем является сопротивление со стороны сотрудников. Среди людей устоялось мнение, что искусственный интеллект заменит их на рабочем месте или не даст возмож-

ности продвигаться по карьерной лестнице. Но как мы убедились на примере российской компании МТС, это не соотносится с действительностью. Искусственный интеллект помогает оптимизировать рабочие процессы и тем самым дополняет работу человека. Иными словами, искусственный интеллект занимается рутинными операциями, а человек отвечает за креативные идеи. Но это не мешает некоторым сотрудникам оказывать сопротивление, тем самым усложняя свою же работу. Например, руководитель проекта «Яндекс.Маршрутизация» рассказал, что сотрудники, беспокоясь о своих рабочих местах, часто останавливают логистические процессы¹⁶. К примеру, недоговаривают важную информацию, необходимую для работы системы на базе искусственного интеллекта, тем самым делая ее работу некорректной. Иногда это может привести и к полному отказу от таких систем, что несомненно является фактором, замедляющим рост технологии искусственного интеллекта.

Также не менее серьезной проблемой является зависимость от импортных поставок специализированного оборудования. Для искусственного интеллекта важны не столько прописанные в нем алгоритмы и программное обеспечение, сколько оборудование, на котором оно работает. В 2019 г. из-за пандемии произошли перебои в поставках, что затормозило разработку, а после 2022 г. ситуация стала только хуже.

На замену иностранным производителям, например Nvidia, пришли российские компании. Глава компании «Байкал Электроникс» Андрей Евдокимов заявил, что государство заинтересовано в разработке новой архитектуры и программной платформы для оборудования¹⁷. Для этих целей из бюджета было выделено 2 млрд рублей. Но стоит отметить, что так как отечественные заводы не способны производить оборудование по необходимой технологии, оборудование будет производиться в зарубежных странах, что также является проблемой.

Также стоит упомянуть о такой проблеме, как большая конкуренция российских разработок с зарубежными решениями. Согласно исследованию Яндекса, проводимому в 2023 г., все

¹⁶ Секрет фирмы. Восстание против машин. Как россияне борются с искусственным интеллектом и роботами. 2020. URL: <https://secretmag.ru/technologies/vosstanie-protiv-mashin.htm> (дата обращения 3 марта 2025).

¹⁷ CNews. Разработчики «Байкалов» начали создавать линейку ИИ-процессоров, чтобы потягаться с Nvidia. 2023. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2023-07-25_bajkal_elektroniks_budet (дата обращения 3 марта 2025).

опрошенные компании использовали искусственный интеллект от зарубежной компании Open AI (GPT-4, GPT-3.5), 80% этих же компаний использовали решение от Яндекса (Yandex GPT) и 40% решение от Сбера (Kandinsky)¹⁸. С одной стороны, может показаться, что российские технологии востребованы для внутреннего рынка, но если проанализировать имеющиеся данные, можно заметить, что это не совсем так. Например, все опрошенные компании использовали решение от Open AI, хотя оно и не доступно для пользователей на территории России, что говорит о его востребованности. Отечественными продуктами пользовались только в совокупности с GPT-4 или GPT-3.5. При этом российские компании финансируют не только свои разработки, но и зарубежные. Например, компания МТС, которую мы рассматривали выше, в 2021 г. инвестировала 10 млн рублей в американскую компанию Kперon, которая занимается разработкой оборудования, в котором, как мы выяснили выше, нуждается российский рынок.

Заключение

Какими бы большими ни казались проблемы внедрения искусственного интеллекта российскими компаниями, потенциал технологии огромен. Рассмотрим, какие перспективы открываются для российских компаний в ближайшем будущем.

Во-первых, произойдет улучшение технологии генеративного искусственного интеллекта. Генеративный искусственный интеллект – технология, создающая текст, изображение, звук и иной контент, который он обучен создавать [Покаместов, Никитин 2024]. Развитие будет связано с внедрением технологий в умные устройства – например, лампы Яндекса или Сбера, – а также с обработкой не только голосовых данных. Речь идет и о роботах, способных взаимодействовать с человеком, воспринимаемая не только речь, но и изображения с камер. Несомненно, такими технологиями заинтересуются многие компании, так как эти технологии помогут оптимизировать их процессы. Российские компании это понимают, поэтому создали собственные разработки: GigaChat от Сбер и YandexGPT от Яндекса [Малышев 2024]. Технология оказалась настолько перспективной, что ей заинтересовались и на государственном уровне. В 2024 г. прошло

¹⁸ Яндекс. 20% крупных российских компаний уже используют генеративный искусственный интеллект. 2023. URL: <https://yandex.ru/company/news/01-18-12-2023> (дата обращения 3 марта 2025).

тестирование языковых моделей для «Госуслуг», что в перспективе сделает сервис еще удобнее¹⁹.

Во-вторых, программы, которыми мы пользуемся каждый день, станут еще функциональнее. Уже сегодня генеративный искусственный интеллект внедряется в социальные сети, приложения, рабочие программы. Например, в феврале 2024 г. российская компания Mail.ru внедрила в свои продукты генеративный искусственный интеллект, который открывает пользователям новые возможности²⁰. Письма, содержащие только текст и входящие в приложение “Mail.ru почта”, будут вкратце пересказываться в пару предложений. Облако Mail.ru и заметки Mail.ru помогут сгенерировать текст, тем самым упрощая использование сервисов. А приложение «Календарь» поможет придумать поздравление на день рождения. В перспективе такие технологии можно использовать для составления задач на производстве, помощи в создании отчетов и прочих функций, создающих рутину во время работы.

В-третьих, ни одна компания не сможет долго существовать без квалифицированных рабочих кадров. Поэтому внедрение искусственного интеллекта в учебные процессы положит начало для трансформации образования. Согласно исследованию Skillbox, половина студентов используют искусственный интеллект для помощи в учебе²¹. Технология помогает редактировать и переводить тексты и создавать графики, схемы, рисунки.

В-четвертых, как мы уже рассматривали выше, больше половины компании видят риск в том, как использование искусственного интеллекта соотносится с соблюдением нормативных и законодательных требований [Kalkan 2024]. Многие страны уже заинтересовались этим вопросом, а Европейский парламент уже согласовал закон о искусственном интеллекте²². В нашей стране

¹⁹ Forbes. «Коммерсантъ» узнал о тестировании российских языковых моделей для «Госуслуг». 2024. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/505447-kommersant-uznal-o-testirovanii-rossijskih-azykovyh-modelej-dla-gosuslug> (дата обращения 4 марта 2025).

²⁰ Hi-tech.mail. VK внедрила генеративный ИИ в сервисах Mail.ru. 2024. URL: <https://hi-tech.mail.ru/news/106780-vk-primenit-generativnyj-iskusstvennyj-intellekt-v-svoih-servisah/> (дата обращения 4 марта 2025).

²¹ Skillbox. Студенты российских вузов рассказали, как именно применяют нейросети в учебе 2023. URL: <https://skillbox.ru/media/education/studenty-rossijskikh-vuzov-rasskazali-kak-imenno-primenyayut-neyroseti-v-uchyebe/> (дата обращения 4 марта 2025).

²² Коммерсантъ. ИИ разложили по юридическим полочкам. 2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6394442> (дата обращения 4 марта 2025).

нет законов, регулирующих искусственный интеллект, но в 2021 г. вышел кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, который носит рекомендательный характер. На сегодняшний день данный кодекс подписали 363 компании. Кодекс был разработан как свод рекомендаций для принятия решений в сфере искусственного интеллекта, предотвращения неэтичного использования и выработки механизма взаимодействия между государством и компаниями.

В-пятых, масштабное внедрение искусственного интеллекта в клиентский сервис. Как мы уже рассматривали на примере компании МТС, внедрение искусственного интеллекта в клиентский сервис, например в чат, поднимает уровень взаимодействия с клиентами. В перспективе применение данной технологии позволит выстроить более глубокое понимание потребностей клиента, использовать более персонализированные рекламные кампании и в целом ускорить обслуживание.

В заключение следует отметить, что, несмотря на существующие проблемы внедрения искусственного интеллекта, значительный потенциал этой технологии стимулирует ее активное развитие как российскими, так и международными компаниями. Несмотря на то, что в настоящее время компании используют искусственный интеллект только для точечных задач, в будущем такие технологии станут обыденностью. И государственная поддержка отечественного рынка искусственного интеллекта поможет реализовать эту цель как можно скорее.

Литература

- Гладкова, Сайченко 2021 – *Гладкова Е.А., Сайченко Л.А.* Применение машинного обучения в бурении скважин // Булатовские чтения. 2021. Т. 1. С. 294–296.
- Горбачева 2025 – *Горбачева Т.А.* Искусственный интеллект: риски и проблемы внедрения в Российской Федерации // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2025. № 1. С. 96–105. <https://doi.org/10.47576/2949-1894.2025.1.1.014>.
- Дуркин, Мелконян 2024 – *Дуркин А.В., Мелконян Л.А.* Перспективы развития технологий интеллектуальных систем поддержки принятия решений // Тенденции развития науки и образования 2024. № 111–8. С. 37–41.
- Кузовкова, Шаравова 2024 – *Кузовкова Т.А., Шаравова М.М., Катунин Д.А.* Анализ перспектив развития искусственного интеллекта // Экономики и качество систем связи. 2024. № 1 (31). С. 41–47.
- Мальшев 2024 – *Мальшев И.О.* Обзор современных генеративных нейросетей: отечественная и зарубежная практика // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 1–2 (88). С. 168–171.

- Нефедов 2023 – *Нефедов И.В.* Голосовой помощник «Яндекс. Алиса» как виртуальный собеседник в обучении РКИ на начальном этапе: причины коммуникативных неудач // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. 2023. № 1 (3). С. 26–30.
- Покаместов, Никитин 2024 – *Покаместов И.Е., Никитин Н.А.* Современные технологии искусственного интеллекта как инструмент трансформации цепочек создания стоимости российских коммерческих банков // Финансы: теория и практика. 2024. № 28 (4). Р. 122–135. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-4-122-135.
- Сабиров, Колчина 2021 – *Сабиров В.Д., Колчина В.В.* Влияние искусственного интеллекта на экономические показатели деятельности компании // Экономические исследования и разработки. 2021. № 3. С. 34–38.
- Семенова 2024 – *Семенова А.А.* Путь машинного обучения: междисциплинарный анализ развития технологий // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2024. Т. 10. С. 98–110.
- Сливный 2024 – *Сливный Д.И.* Обработка естественного языка в вопрос-ответных системах // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 111 (Ч. 8). С. 80–84.
- Ташкин 2025 – *Ташкин М.Ю.* Применение компьютерного зрения на производстве // Вестник науки. 2025. Т. 2. № 1 (82). С. 1178–1182.
- Ши 2024 – *Ши В.* Автоматическое распознавание речи с использованием искусственного интеллекта // Научный аспект. 2024. Т. 36. № 1. С. 4710–4714.
- Gumanowan et al. 2023 – *Gunawan B., Ratmono B.M., Abdullah A.G.* (2023), Cybersecurity and Strategic Management. Foresight and STI Governance. 2023. № 17 (3). Р. 88–97. DOI: 10.17323/2500-2597.2023.3.88.97.
- Kalkan 2024 – *Kalkan G.* The Impact of Artificial Intelligence on Corporate Governance // Journal of Corporate Finance Research. 2024. Vol. 18 (2). Р. 17-25. DOI: <https://doi.org/10.17323/j.jcfr.2073-0438.18.2.2024.17-25>.
- Kumar Abhijeet et al. 2024 – *Kumar Abhijeet, Kumar Avinash, Kumari Swati, Kumari Sneha, Kumari Neha, Behura A.K.* Artificial intelligence: the strategy of financial risk management // Финансы: теория и практика. 2024. № 28 (3). Р. 174-182. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-3-174-182.

References

- Durkin, A.V. and Melkonyan, L.A. (2024), “Prospects for the development of intelligent decision support systems technologies”, *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, no. 111–8, pp. 37-41.
- Gladkova, E.A. and Saichenko, L.A. (2021), “Application of machine learning in well drilling”, *Bulatov Readings*, vol. 1, pp. 294-296.
- Gorbacheva, T.A. (2025), “Artificial intelligence: Risks and problems of implementation in the Russian Federation”, *Innovative Economy: Information, Analytics, Prognoses*, no. 1, pp. 96-105, DOI: 10.47576/2949-1894.2025.1.1.014.
- Gunawan, B., Ratmono, B.M. and Abdullah, A.G. (2023), “Cybersecurity and Strategic Management”, *Foresight and STI Governance*, no. 17 (3), pp. 88-97, DOI: 10.17323/2500-2597.2023.3.88.97.
- Kalkan, G. (2024), “The Impact of Artificial Intelligence on Corporate Governance”, *Journal of Corporate Finance Research*, vol. 18 (2), pp. 17-25, DOI: 10.17323/j.jcfr.2073-0438.18.2.2024.17-25.

- Kumar, A., Kumar, A., Kumari, S., Kumari, S., Kumari, N. and Behura, A.K. (2024), "Artificial intelligence. the strategy of financial risk management", *Finance: Theory and Practice*, vol. 28 (3), pp. 174-182, DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-3 174-182.
- Kuzovkova, T.A., Sharavova, M.M. and Katunin, D.A. (2024), "Analysis of prospects for the development of artificial intelligence", *Economics and Quality of Communication Systems*, no. 1 (31), pp. 41-47.
- Malyshev, I.O. (2024), "Review of modern generative neural networks: Domestic and foreign practices", *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, no. 1–2 (88), pp. 168-171.
- Nefedov, I.V. (2023), "The voice assistant 'Yandex.Alice' as a virtual interlocutor in teaching Russian as a foreign language. Causes of communication failures", *Byulleten' gumanitarnykh issledovaniy v mezhdistsiplinarnom nauchnom prostranstve*, no. 1 (3), pp. 26-30.
- Pokamestov, I.E. and Nikitin, N.A. (2024), "Modern AI technologies as a tool of transformation of value chains of Russian commercial banks", *Finance: Theory and Practice*, no. 28 (4), pp. 122-135, DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-4-122-135.
- Sabirov, V.D. and Kolchina, V.V. (2021), "Impact of artificial intelligence on the economic performance of the company", *Economic development research journal*, no. 3, pp. 34-38.
- Semenova, A.A. (2024), "The journey of machine learning: An interdisciplinary analysis of technological development", *Problems of Scientist and Scientific Groups. Activity*, vol. 10, pp. 98-110.
- Shi, V. (2024), "Automatic speech recognition using artificial intelligence", *Nauchnyi aspekt*, vol. 36, no. 1, pp. 4710-4714.
- Semenova, A.A. (2024), "The journey of machine learning: An interdisciplinary analysis of technological development", *Problems of Scientist and Scientific Groups. Activity*, vol. 10, pp. 98-110.
- Slivnyi, D.I. (2024), "Natural language processing in question-answering systems", *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, no. 111-8, pp. 80-84.
- Tashkin, M.Yu. (2025), "Application of computer vision in production", *Vestnik nauki*, vol. 2, no. 1 (82), pp. 1178-1182.

Информация об авторе

Ирина В. Павлова, доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия; 125167, Россия, Москва, Ленинградский пр., д. 49/2; Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Москва, Россия; 105005, Москва, 2-я Бауманская ул., д. 5. стр. 1; pr.pavlova@mail.ru

Information about the author

Irina V. Pavlova, Dr. of Sci. (Economics), professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 49/2, Leningradskii Avenue, Moscow, Russia, 125167; Moscow Bauman State Technical University, Moscow, Russia; bld. 5/1, 2nd Baumanskaya Street, Moscow, Russia, 105005; pr.pavlova@mail.ru

Управление интеллектуальным капиталом предприятий в эпоху цифровой трансформации бизнеса

Елена И. Кубасова

*Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Москва, Россия, kubasova.elena@mail.ru*

Андрей Н. Киселев

*Федеральная налоговая служба № 43 по г. Москве
Москва, Россия, AndreiNKiselev@yandex.ru*

Аннотация. В статье отмечается важность построения эффективной системы управления интеллектуальным капиталом предприятия в современных условиях цифровизации бизнес-процессов. Указывается, что именно проактивный и стратегический подход к управлению такими нематериальными активами, как составляющие компоненты интеллектуального капитала, позволяют предприятиям создавать и поддерживать устойчивые конкурентные преимущества в условиях быстро меняющейся бизнес-среды. Практический опыт применения различных методов управления указывает на необходимость адаптировать процессы управления интеллектуальным капиталом к новым условиям, учитывая влияние цифровых технологий на все составляющие интеллектуального капитала. При этом предлагается сосредотачивать внимание на развитии цифровых навыков и компетенций сотрудников, автоматизировать процессы управления знаниями и инновациями, улучшать взаимодействия с клиентами и поставщиками с помощью цифровых каналов.

Ключевые слова: управление интеллектуальным капиталом, цифровая трансформация бизнеса, интеллектуальный капитал, человеческий капитал, потребительский капитал, организационный капитал

Для цитирования: Кубасова Е.И., Киселев А.Н. Управление интеллектуальным капиталом предприятий в эпоху цифровой трансформации бизнеса // Вестник РГТУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2025. № 3. С. 114–127. DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-114-127

Intellectual capital management of enterprises in the era of digital business transformation

Elena I. Kubasova

*Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia, kubasova.elena@mail.ru*

Andrey N. Kiselev

*Federal Tax Service No. 43 in Moscow,
Moscow, Russia, AndreiNKiselev@yandex.ru*

Abstract. The article highlights an importance of introduction of effective management system for the intellectual capital of an enterprise in modern conditions of digitalization of business processes. It notes that proactive and strategic approach to managing intangible assets such as the components of intellectual capital of an enterprise makes it possible for them to create and maintain sustainable competitive advantages in a rapidly changing business environment. Practical experience in applying various management methods indicates the need to adapt intellectual capital management processes to new conditions, taking into account the impact of digital technologies on all components of intellectual capital. At the same time, it is proposed to focus on the development of digital skills and competencies of employees, automate knowledge and innovation management processes, and improve interactions with customers and suppliers through digital channels.

Keywords: intellectual capital management, digital business transformation, intellectual capital, human capital, consumer capital, organizational capital

For citation: Kubasova, E.I. and Kiselev, A.N. (2025), "Intellectual capital management of enterprises in the era of digital business transformation", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 3, pp. 114-127, DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-114-127

Введение

Эпоха цифровизации постоянно меняет бизнес-среду и вносит коррективы во многие бизнес-процессы современных предприятий, предъявляя новые требования к управлению их активами [Сопилко, Мясникова 2021]. Так, в настоящее время интеллектуальный капитал принято считать активом организации, так как этот ресурс компания может использовать для получения прибыли, привлечения клиентов, создания новых или улучшения существующих продуктов, а также успешного развития

бизнеса [Цветкова 2024; Васильева 2023]. Он по праву становится ключевым фактором конкурентоспособности, а эффективное управление этим ресурсом в условиях цифровой трансформации бизнеса приобретает особую значимость.

Теоретические основы подходов к управлению интеллектуальным капиталом предприятий

По мнению экспертов в области менеджмента, под интеллектуальным капиталом следует понимать знания, которыми обладают сотрудники организации и которые могут быть использованы для получения прибыли, а также любая другая информация, которые обеспечивают предприятию конкурентное преимущество [Бобров и др. 2020], [Bai et al. 2024; Семенов 2021]. Он объединяет в себе различные ресурсы, но прежде всего к нему следует относить интеллектуальную собственность, ноу-хау, авторские права, патенты, структурный капитал, человеческий капитал, связи и прочие ресурсы, обеспечивающие конкурентное преимущество [Abdikeev et al. 2018; Коржак 2022].

В последние годы понимание дефиниции «интеллектуальный капитал» значительно расширилось. Ключевые свойства, которыми должен обладать интеллектуальный капитал современной организации, обозначены на рис. 1.

Рис. 1. Основные свойства
интеллектуального капитала организации

В современных условиях управление интеллектуальным капиталом представляет собой не просто набор тактических мероприятий, а часть общей стратегии компании, направленную на создание долгосрочной ценности. Он требует интеграции различных функций организации, таких как HR, R&D, маркетинг, IT и финансы.

Целесообразно обращать внимание не только на теоретические основы, но и на практические примеры и кейсы, демонстрирующие успешное применение систем управления интеллектуальным капиталом в различных организациях. Также важно учитывать контекст цифровой трансформации и влияние новых технологий на процессы управления интеллектуальным капиталом.

Так, многие зарубежные авторы делают акцент на практических аспектах управления интеллектуальным капиталом [Habib, Dalwai 2024; Anser et al. 2024; Broccardo et al. 2024], некоторые из которых трудятся над созданием систем показателей для оценки и управления интеллектуальными активами, уделяя при этом особое внимание его измерению и влиянию на эффективность деятельности предприятий.

В России многие специалисты в области менеджмента (Б.Н. Кузык, В.Л. Иноземцев, И.П. Скобелева, О.С. Сухарев, С.Н. Яшина, Е.С. Ефремов и др.) также активно занимаются исследованиями и анализом практического опыта управления интеллектуальным капиталом. Они вносят значительный вклад в адаптацию зарубежных концепций к российской специфике, а также уделяют внимание разработке собственных подходов. В их трудах работах рассматриваются вопросы формирования и использования интеллектуального капитала в контексте национальной экономики и отдельных предприятий. Особое внимание уделяется вопросам измерения интеллектуального капитала, а также его влиянию на конкурентоспособность предприятий. В его работах также освящается необходимость стимулирования развития инновационной деятельности и формирования национального интеллектуального капитала, способствующего экономическому развитию регионов.

Специалисты отмечают, что на практике особенно важно обеспечивать непрерывность управленческого процесса, так как мероприятия должны носить не единоразовый характер, а проводится постоянно с одновременным мониторингом и оценкой изменений, а также разработкой мероприятий, способствующих улучшению показателей [Коваленко, Дьячков 2022]. Этот нематериальный актив все чаще рассматривается основной фактор конкурентоспособности организации, так как конечной целью совершенствования процесса управления интеллектуальным

капиталом является увеличение стоимости компании как для акционеров, так и для других заинтересованных сторон.

В своих трудах ученые [Жданов 2024; Алексеева, Бабкин 2022] отмечают, что управление интеллектуальным капиталом – это системный и комплексный процесс, направленный, прежде всего, на создание устойчивых конкурентных преимуществ и повышения стоимости бизнеса (рис. 2).

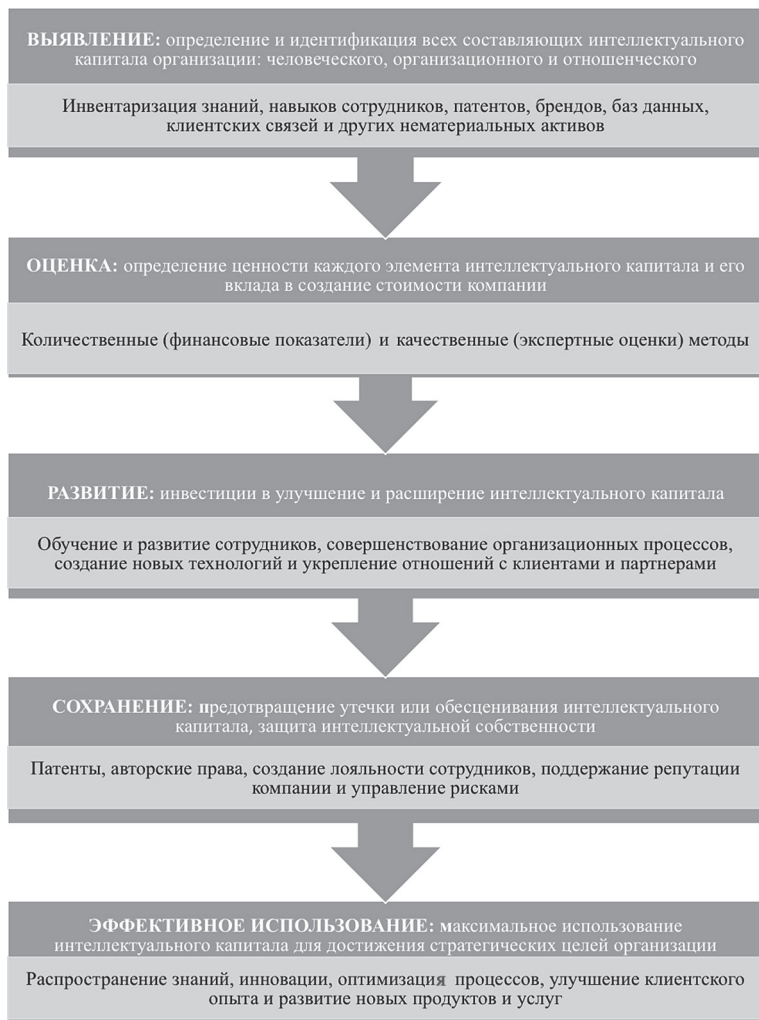

Рис. 2. Основные направления в управлении интеллектуальным капиталом предприятия

Согласно направлениям, выделенным на рис. 2, очевидно, что управление интеллектуальным капиталом компании представляет собой сложный и многогранный процесс, охватывающий различные направления деятельности. Следует отметить, что на практике необходимо учитывать особенности цифровой трансформации и активно использовать инновационные подходы к управлению.

С одной стороны, особую актуальность приобретает развитие цифровых компетенций сотрудников, то есть организация процесса обучения в области цифровых технологий. Внедрение специализированных цифровых онлайн-платформ значительно упрощает обмен знаниями и опытом между различными категориями сотрудников, независимо от географического местонахождения. Формирование цифровой культуры значительно помогает осуществлять мониторинг и оценку результатов деятельности. С другой стороны, внедрение инновационных технологий с использованием цифровых технологий помогает своевременно анализировать данные о клиентах для персонализации обслуживания, CRM-системы и инструменты аналитики данных способствуют улучшению взаимоотношений с клиентами.

Влияние цифровизации на управление интеллектуальным капиталом

Интеллектуальный капитал состоит из человеческого, организационного и потребительского капитала [Лозина и др. 2024], который в совокупности способствуют созданию стоимости предприятия и формирует его конкурентные преимущества на рынке. Цифровизация оказывает существенное влияние на все составляющие инновационного капитала (табл. 1).

В эру цифровой трансформации бизнеса особенно важным является своевременное совершенствование системы управления, в том числе в области управления интеллектуальным капиталом предприятия. Для увеличения человеческого капитала необходимо уделять постоянное внимание обучению и повышению квалификации сотрудников в сфере цифровых технологий, поощрять их креативность, создавать условия для обмена знаниями и опытом [Telegina et al. 2021]. Развитие организационного капитала возможно благодаря формированию цифровой инфраструктуры, то есть внедрению современных информационных систем и технологий, обеспечению безопасного хранения и обработки данных, автоматизации и оптимизации бизнес-процессов.

Таблица 1

Основные задачи при изменении подхода к управлению составляющими интеллектуального капитала в эпоху цифровизации

Вид капитала	Требования	Описание
Человеческий капитал	Изменение требований к сотрудникам организаций	Развитие цифровых компетенций, аналитических навыков, умения работать с Big Data, креативность и способность к адаптации
	Необходимость обеспечения непрерывности развития навыков сотрудников	Постоянное обучение и повышения квалификации персонала для освоения новых и инновационных технологий
	Удаленная работа и гибкий график	Повышение мобильности и использование возможностей привлечения специалистов из любой географической локации
Организационный капитал	Цифровая трансформация процессов	Автоматизация, оптимизация и интеграция процессов на основе цифровых технологий
	Увеличение объема данных	Необходимость эффективного управления данными и их анализа для принятия решений
	Развитие цифровых продуктов и услуг	Создание новых источников дохода на основе цифровых технологий
Потребительский капитал	Создание цифровых каналов взаимодействия с клиентами	Организация взаимодействия с клиентами при помощи социальных сетей, онлайн-платформ, мобильных приложений
	Персонализация клиентского опыта	Использование собранной информации для предоставления индивидуальных предложений и услуг
	Укрепление партнерских отношений через цифровые платформы	Оптимизация процессов взаимодействия с поставщиками и партнерами

Улучшение взаимодействия с клиентами за счет использования цифровых каналов для коммуникации, персонализации клиентского опыта на основе Big Data позволяют создавать лояльное комьюнити вокруг бренда. Также, следует отметить, что поддержка и стимулирование инновационных проектов, создание условий для экспериментов и тестирования новых идей, вовлечение сотрудников в процесс разработки и внедрения инноваций способствует развитию культуры инноваций предприятия.

Методы управления интеллектуальным капиталом организации представляют собой набор инструментов и подходов, направленных на выявление, оценку, развитие, сохранение и эффективное использование нематериальных активов компании для достижения стратегических целей. Эти методы можно классифицировать по различным критериям, в том числе по отдельным компонентам интеллектуального капитала, представленным на рис. 3.

Рис. 3. Совокупность методов управления интеллектуальным капиталом предприятия

Кроме организации разнообразных обучающих мероприятий, к базовым методам развития человеческого капитала относятся передача знаний и опыта от более опытных сотрудников к менее опытным, перемещение сотрудников между различными должностями для расширения их опыта и знаний, управление по целям (Performance Management Systems), которое предполагает установку целей, оценка результатов работы и предоставление обратной связи сотрудникам, а также создание онлайн-платформ и сообществ, на которых работники могут обмениваться знаниями и опытом.

Внедрение методов, целью которых является развитие организационного капитала, предполагает радикальное переосмысление и перепроектирование бизнес-процессов для повышения эффективности и результативности деятельности предприятия. Внедрение систем для сбора, хранения, систематизации и распространения знаний в организации, создание систем для генерации, отбора, оценки и внедрения инновационных идей также является неотъемлемой частью мероприятий по развитию интеллектуального капитала компании. Однако следует одновременно внедрять средства для защиты и отслеживания эффективности использования интеллектуальной собственности компании (патентов, товарных знаков, авторских прав).

Внедрение профессиональных CRM и SRM систем направлено на сбор и комплексный анализ информации о контрагентах, улучшения качества обслуживания и повышения лояльности клиентов, установление долгосрочных партнерских отношений с поставщиками для повышения эффективности поставок и снижения затрат. При этом использование социальных сетей в качестве маркетинговых каналов для взаимодействия с клиентами способствуют продвижению бренда и формированию лояльности.

При выборе методов управления интеллектуальным капиталом важно учитывать стратегические цели предприятия, отраслевые особенности, размер и структуру предприятия, так как небольшие организации могут использовать упрощенные методы управления, нежели крупные холдинги и компании. Внедрение системы управления интеллектуальным капиталом требует определенных ресурсов, в том числе временных, финансовых и трудовых.

Методы оценки уровня интеллектуального капитала

Оценка и измерение состояния интеллектуального капитала имеют особое значение для успешного функционирования и развития современного предприятия. Она включает разработку системы показателей оценки интеллектуального капитала, мониторинг и анализ динамики этих показателей, а также разработку мероприятий на основе собранных данных.

Наиболее распространенные и эффективные методы мониторинга интеллектуального капитала на предприятии представлены на рис. 4.

Основными показателями, которые обычно используют при сбалансированной оценке интеллектуального капитала, являются показатели удовлетворенности сотрудников, лояльности клиентов, а также инновационной активности. Среди качественных методов оценки особое распространение получили методы экспертных оценок, интервью, опросы, SWOT-анализ и бенчмаркинг.

Рис. 4. Основные модели оценки
интеллектуального капитала предприятия

По данным проводимых исследований [Родимушкина, Магомедрасулова 2024], в настоящее время особое внимание уделяется проблемам защиты и обеспечения безопасности интеллектуального капитала. Особую популярность приобретают программы удержания сотрудников, которые направлены на создание условий для удержания ценных сотрудников, например, путем предоставления конкурентоспособной заработной платы, возможностей для развития и карьерного роста, благоприятной рабочей среды. Также следует выделить метод кодификации знаний: преобразование неявных знаний в явные, которые могут быть задокументированы и переданы другим сотрудникам. Подписание соглашений о конфиденциальности NDA (non-disclosure agreement) с сотрудниками и партнерами, идентификация и управление рисками, связанными с потерей или обесцениванием интеллектуального капитала, позволяет защитить интеллектуальную собственность организации.

К основным и наиболее значимым преимуществам эффективного управления интеллектуальным капиталом в эпоху цифровизации можно отнести:

- повышение конкурентоспособности;
- увеличение инновационной активности, которая стимулирует создание новых продуктов и услуг;
- улучшение качества и персонализация обслуживания клиентов, способствуют повышению лояльности клиентов;
- повышение эффективности деятельности за счет оптимизации бизнес-процессов и автоматизация рутинных задач;
- привлечение и удержание талантливых сотрудников, создание благоприятной среды для развития и реализации их потенциала;
- повышение стоимости компании за счет увеличения нематериальных активов.

Заключение

Таким образом, в эпоху глобальной цифровой трансформации бизнеса создание эффективной и последовательной системы управления интеллектуальным капиталом предприятия становится неотъемлемым условием обеспечения устойчивого развития и конкурентоспособности. Необходимо активно развивать цифровые компетенции сотрудников, создавать и развивать цифровую инфраструктуру, поощрять инновации, улучшать взаимодействие с клиентами и осуществлять постоянный мониторинг уровня интеллектуального капитала.

Использование соответствующих инструментов и технологий позволит компаниям максимально эффективно использовать свой интеллектуальный капитал в условиях быстро меняющегося цифрового мира. Однако выбор конкретных методов управления интеллектуальным капиталом на предприятии зависит от многих факторов и требуют комплексного подхода. Важно постоянно мониторить и оценивать эффективность применяемых подходов и корректировать их в соответствии с изменениями в бизнес-среде и стратегических целях компании.

Исследования в области управления интеллектуальным капиталом постоянно продолжаются, появляются новые исследования, учитывающие изменения в бизнес-среде, в том числе в контексте цифровизации.

Построение эффективной системы управления позволяет компании создать устойчивое конкурентное преимущество, повысить свою рыночную стоимость и обеспечить долгосрочное устойчивое развитие. Практическое применение УИК часто зависит от специфики конкретной организации и отрасли. В свою очередь, практический выбор методов управления часто зависит от специфики конкретной организации и отрасли.

Литература

- Алексеева, Бабкин 2022 – *Алексеева Н.С., Бабкин А.В.* Развитие инноваций при управлении интеллектуальным капиталом промышленной экосистемы // Экономика и Индустрия 5.0 в условиях новой реальности (ИНПРОМ-2022): Сб. трудов Всерос. научно-практич. конф. с зарубежным участием. СПб., 2022. С. 356–358.
- Бобров и др. 2020 – *Бобров Д.В., Шулуз А.А., Фарисов Ф.Ф.* О междисциплинарном функционально-динамическом подходе к анализу политической системы современного общества // Социология и право. 2020. № 2 (48). С. 83–89. DOI: 10.35854/2219-6242-2020-2-83-89. EDN ZIRWOM.
- Васильева 2023 – *Васильева О.С.* Использование интеллектуального капитала в системе финансового менеджмента коммерческих организаций // Казанский экономический вестник. 2023. № 3. С. 50–54.
- Жданов 2024 – *Жданов Д.А.* Интеллектуальный капитал предприятия: состав и приоритеты // п-Economy. Т. 17. № 4. С. 139–152.
- Коваленко, Дьячков 2022 – *Коваленко Н.В., Дьячков Д.В.* Интеллектуальный капитал: сущность, структура // Экономический вестник Донбасского государственного технического университета. 2022. № 13. С. 19–25.
- Коржак 2022 – *Коржак В.А.* Эволюция понятия «интеллектуальный капитал» // Информационные процессы, системы и технологии. 2022. Т. 3. № 1 (22). С. 29–39.
- Лозина и др. 2024 – *Лозина Ю.А., Алексеева Н.С., Бабкин А.В.* Структурный капитал как катализатор создания инноваций в управлении интеллектуальным капиталом

- альным капиталом экосистемы // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. № 5 (55). С. 557–564.
- Родимушкина, Магомедрасулова 2024 – *Родимушкина О.В., Магомедрасулова Э.З.* Будущее интеллектуальной безопасности: стратегии защиты интеллектуального капитала // Закон и право. 2024. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/buduschee-intellektualnoy-bezopasnosti-strategii-zaschity-intellektualnogo-kapitala> (дата обращения 26 марта 2025).
- Семенов 2021 – *Семенов Н.А.* Интеллектуальный капитал: определение и структура // Russian economic bulletin. 2021. Т. 4. № 2. С. 298–303.
- Сопилко, Мясникова 2021 – *Сопилко Н.Ю., Мясникова О.Ю.* Основные тренды цифровой трансформации экономики государств ЕАЭС // Вопросы региональной экономики. 2021. № 2 (47). С. 207–213.
- Цветкова 2024 – *Цветкова Л. И.* Интеллектуальный капитал как объект оценки и управления // Международный бизнес. 2024. № 4 (10). С. 76–99.
- Abdikeev et al. 2018 – *Abdikeev N.M., Bogachev, Y.S., Trifonov P.V. et al.* The calculation of the cost of intangible assets based on intellectual property // International Journal of Civil Engineering and Technology. 2018. Vol. 9. No. 7. P. 1737-1748.
- Anser et al. 2024 – *Anser M.K. et al.* From knowledge to profit: business reputation as a mediator in the impact of green intellectual capital on business performance // Journal of Intellectual Capital. 2024. Vol. 25. № 5/6. P. 1133-1153.
- Bai et al. 2024 – *Bai F. et al.* Digital investment, intellectual capital and enterprise value: evidence from China // Journal of Intellectual Capital. 2024. Vol. 25. № 1. P. 210-232.
- Broccardo et al. 2024 – *Broccardo L. et al.* Business processes management as a tool to enhance intellectual capital in the digitalization era: the new challenges to face // Journal of Intellectual Capital. 2024. Vol. 25. № 1. P. 60-91.
- Habib, Dalwai 2024 – *Habib A.M., Dalwai T.* Does the efficiency of a firm's intellectual capital and working capital management affect its performance? // Journal of the Knowledge Economy. 2024. Vol. 15. № 1. P. 3202-3238.
- Telegina 2021 – *Telegina E.A. et al.* Diagnostics of Human Capital in the Adaptive Development of Personnel in International Oil and Gas Companies // Rigeo. 2021. Vol. 11. № 9. P. 1734-1745.

References

- Abdikeev, N.M., Bogachev, Y.S., Trifonov, P. V. et al. (2018), “The calculation of the cost of intangible assets based on intellectual property”, *International Journal of Civil Engineering and Technology*, vol. 9, no. 7, pp. 1737-1748.
- Alekseeva, N.S. and Babkin, A.V. (2022), “Development of innovations in the management of intellectual capital of the industrial ecosystem”, *Ekonomika i Industriya 5.0 v usloviyakh novoi real'nosti (INPROM-2022): Sb. trudov Vseros. nauchno-praktich. konf. s zarubezhnyim uchastiem*. [Economy and Industry 5.0 in the the new reality (INPROM-2022), Collection of works of the All-Russian Scientific and Practical Conference with foreign participation], Saint Petersburg, Russia, pp. 356-358.
- Anser, M.K. et al. (2024), “From knowledge to profit: business reputation as a mediator in the impact of green intellectual capital on business performance”, *Journal of Intellectual Capital*, vol. 25, no. 5/6, pp. 1133-1153.
- Bai, F. et al. (2024), “Digital investment, intellectual capital and enterprise value: evidence from China”, *Journal of Intellectual Capital*, vol. 25, no. 1, pp. 210-232.
- Bobrov, D.V., Shulus, A.A. and Farisov, F.F. (2020), “On the interdisciplinary functional dynamic approach to the analysis of the political system of modern society”, *Sociology and Law*, no. 2 (48), pp. 83-89.

- Broccardo, L. et al. (2024), "Business processes management as a tool to enhance intellectual capital in the digitalization era: the new challenges to face", *Journal of Intellectual Capital*, vol. 25, no. 1, pp. 60-91.
- Habib, A.M. and Dalwai, T. (2024), "Does the efficiency of a firm's intellectual capital and working capital management affect its performance?", *Journal of the Knowledge Economy*, vol. 15, no. 1, pp. 3202-3238.
- Korzhak, V.A. (2022), "Evolution of the concept of 'intellectual capital'", *Information Processes, Systems and Technologies*, vol. 3, no. 1 (22), pp. 29-39.
- Kovalenko, N.V. and Dyachkov, D.V. (2022), "Intellectual capital: essence, structure", *Economic Bulletin of the Donbass State Technical University*, no. 13, pp. 19-25.
- Lozina, Yu.A., Alekseeva, N.S. and Babkin, A.V. (2024), "Structural capital as a catalyst for innovation in ecosystem intellectual capital management", *Natural Humanities Studies*, no. 5 (55), pp. 557-564.
- Rodimushkina, O.V. and Magomedrasulova, E.Z. (2024), "The future of intellectual security: Strategies for protecting intellectual capital", *Law & Legislation*, no. 3, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/budushee-intellektualnoy-bezopasnosti-strategii-zaschity-intellektualnogo-kapitala> (Accessed 26 March 2025).
- Semenov, N.A. (2021), "Intellectual Capital: Definition and Structure", *Russian Economic Bulletin*, vol. 4, no. 2, pp. 298-303.
- Sopilko, N.Yu. and Myasnikova, O.Yu. (2021), "The main trends of digital transformation in the economy of the EAEU countries", *Voprosy regional'noi ekonomiki*, no. 2 (47), pp. 207-213.
- Telegina, E.A. et al. (2021), "Diagnostics of Human Capital in the Adaptive Development of Personnel in International Oil and Gas Companies", *Rigeo*, vol. 11, no. 9, pp. 1734-1745.
- Tsvetkova, L.I. (2024), "Intellectual Capital as Object of Assessment and Management", *International Business*, no. 4 (10), pp. 76-99.
- Vasilyeva, O.S. (2024), "The use of intellectual capital in the financial management system of commercial organizations", *Kazan Economic Bulletin*, no. 3, pp. 50-54.
- Zhdanov, D.A. (2024), "Intellectual capital of the enterprise: composition and priorities", *π-Economy*, vol. 17, no. 4, pp. 139-152.

Информация об авторах

Елена И. Кубасова, кандидат экономических наук, доцент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Стремянный переулок, д. 36; kubasova.elena@mail.ru

Андрей Н. Киселев, Инспекции федеральной налоговой службы № 43 по г. Москве, Москва, Россия; 125493, Россия, Москва, ул. Смольная, д. 25а; AndreiNKiselev@yandex.ru

Information about the authors

Elena I. Kubasova, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia; bld. 36, Stremyany Lane, Moscow, Russia, 117997; kubasova.elena@mail.ru

Andrey N. Kiselev, Inspectorate of the Federal Tax Service No. 43 in Moscow (Federal Tax Service of Russia No. 43 in Moscow), Moscow, Russia; bld. 25a, Smolnaya Street, Moscow, Russia, 125493; AndreiNKiselev@yandex.ru

Релокация персонала в условиях масштабирования бизнеса: проблемы и решения

Святослав В. Назайкинский

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, svyatoslavrsuh@gmail.com*

Аннотация. В статье приведены результаты проведенного автором исследования роли и тенденций развития релокации персонала. Целью исследования является анализ особенностей релокации персонала в условиях масштабирования бизнеса, выявление основных категорий релоцируемого персонала, факторов его мотивации и демотивации к переезду для осуществления трудовой деятельности.

На основе анализа статистических данных, результатов исследований консалтинговых компаний и экспертов, а также практического опыта реализации программ релокации персонала выявлены ее основные проблемы и показаны направления их решения.

Ключевые слова: релокация, персонал, бизнес, масштабирование, мотивация, релокационный пакет

Для цитирования: Назайкинский С.В. Релокация персонала в условиях масштабирования бизнеса: проблемы и решения // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2025. № 3. С. 128–142. DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-128-142

Personnel relocation in the context of business scaling: issues and solutions

Svyatoslav V. Nazaikinskiy

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, svyatoslavrsuh@gmail.com*

Abstract. The article presents the results of the author's research on the role and development trends of personnel relocation. The purpose of the study is to analyze the specifics of staff relocation in the context of business scaling, identify the main categories of relocated personnel, factors of their motivation and demotivation to move for work.

Based on the analysis of statistical data, research results of consulting companies and experts, as well as practical experience in implementing personnel relocation programs, its main issues have been identified and directions for their solution shown.

Keywords: relocation, personnel, business, scaling, motivation, relocation package

For citation: Nazaikinskiy, S.V. (2025), "Personnel relocation in the context of business scaling: issues and solutions", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 3, pp. 128-142, DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-128-142

Введение

Несмотря на устойчивый рост отечественной экономики, экономическая активность сосредоточена в ограниченном числе регионов – преимущественно в столичных агломерациях и минерально-сырьевых центрах. Это формирует устойчивую тенденцию концентрации населения в этих территориях при одновременном сокращении его доли в средних и малых городах, а также в сельской местности.

Как отмечено в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года»¹, учитывая неблагоприятную демографическую ситуацию, снижение доли занятого трудоспособного населения, низкий уровень безработицы, дисбаланс на региональных и отраслевых рынках труда в современных условиях возросли риски дефицита кадров для обеспечения экономического роста территорий страны, особенно с низким уровнем производительности труда и существенным оттоком населения.

Одним из направлений решения этой проблемы является стимулирование мобильности трудовых ресурсов с учетом кадровых потребностей регионов, которое должно решаться как на государственном, так и на корпоративном уровне.

С целью вовлечения трудоспособного населения в занятость в 2025 г. в Российской Федерации началась реализация национального проекта «Кадры», который предусматривает повышение мобильности трудовых ресурсов, их привлечение для работы в «трудододефицитные» регионы.

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года, утв. Распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 г. № 4146-р.

В настоящее время в рамках национального проекта «Кадры» реализуются две программы, направленные на повышение мобильности трудовых ресурсов: «Мобильность 1.0» и «Мобильность 2.0», в соответствии с которыми гражданам оказывается содействие в смене места жительства с целью трудоустройства и при необходимости в дополнительном обучении.

В соответствии с условиями программы «Мобильность 1.0» для граждан, которые переезжают для работы по востребованным профессиям (специальностям, должностям) в регионы Дальневосточного федерального округа, предусмотрены выплаты в размере от 225 тыс. до 1 млн рублей. По программе «Мобильность 2.0»² предприятия приоритетных отраслей экономики, в т. ч. ОПК, а также ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей, которые испытывают потребность в кадрах, могут получить субсидии на привлечение работников из другой местности в размере до 350 тыс. рублей на одного работника.

Релокация граждан в другую местность с целью трудоустройства может быть осуществлена как по направлению органов службы занятости, так и инициативным способом. С этой целью на общероссийской платформе «Работа России» и на других сайтах по поиску работы созданы специальные разделы вакансий, которые предполагают переезд граждан для трудоустройства. Например, по состоянию на март 2025 г. на портале Город Работ.ру (<https://gorodrabot.ru/>) было размещено 7778 активных вакансий от прямых работодателей с предложением работы с релокацией, на портале Rabota1000.ru – 10 524 вакансий и т. д.

В 2022 г. отечественной компанией Talent Tech была разработана цифровая платформа, которая позволяет осуществлять непосредственное взаимодействие работодателей и специалистов из разных регионов по вопросам трудоустройства. В соответствии с запросами работодателей с помощью ATS Potok производится поиск релевантных резюме специалистов, которые согласны на переезд, оценка компетенций соискателей с использованием искусственного интеллекта Sever.AI и в случае положительного результата формирование предложения о работе.

Наряду с государственными мерами поддержки трудовой мобильности населения большую роль в экономическом разви-

² Приказ Минтруда России от 11.02.2025 № 61 «Об утверждении методических рекомендаций по организации мероприятий по стимулированию найма отдельных категорий граждан, привлечению работодателями работников из другой местности (других территорий) в рамках программы Мобильность 2.0».

тии территорий и адаптации отечественных организаций к современным условиям играет внутрикорпоративная релокация персонала. Являясь одной из форм трудовой мобильности населения, релокация персонала имеет отличные от других ее форм цели, объект, предмет, механизм реализации и т. д.

Наиболее универсальное определение понятия «релокация персонала» приведено в статье «Релокация персонала: новые вызовы и возможности» [Архипова и др. 2023, с. 15; Архипова и др. 2024], где под релокацией персонала понимается «перевод работодателем с целью повышения эффективности деятельности организации сотрудников (сотрудника) в структурные подразделения, расположенные в другой местности, с сохранением трудовых отношений и возмещением расходов на переезд и обустройство».

Особую актуальность вопросы релокации персонала имеют в условиях масштабирования бизнеса в другие регионы или страны, слияния и поглощения компаний, перевода «обеспечивающих» структурных подразделений в регионы с более низким уровнем заработной платы с целью оптимизации затрат и т. д.

Следует отметить, что в последние годы вопросы миграции, мобильности трудовых ресурсов, релокации персонала были предметом теоретических и практических исследований. Комплексный анализ институциональных основ новой стратегии пространственного развития отечественной экономики проведен учеными Института экономики РАН. Вопросы мобильности трудовых ресурсов и миграции рабочей силы рассмотрены в работах Е.А. Колесник и В.С. Половинко [Колесник 2023], Н.А. Волгина [Волгин 2023], Д.М. Камари [Камари 2023], Н.И. Архиповой, Е.С. Васютиной, М.А. Чавыкиной [Архипова и др. 2023], М.А. Макарова [Макаров 2024], М.Р. Шамсутдиновой [Шамсутдинова 2023], М.Г. Хохловой [Хохлова 2022] и других авторов. Проблемам релокации персонала посвящены исследования Р.А. Долженко [Долженко 2019], Е.А. Чагиной и В.А. Мамедовой [Чагина 2017], А.М. Михайлова [Михайлов 2024] и других авторов.

Обобщение результатов данных исследований позволяет сделать вывод о важной роли релокации персонала как в реализации стратегии пространственного развития региональной и отраслевой экономики, так и в адаптации отечественных организаций к современным условиям.

Однако большинство публикаций по данной тематике посвящены вопросам государственного регулирования мобильности трудовых ресурсов, региональным программам содействия занятости и трудовой мобильности. Исследования релокации пер-

сонала в условиях масштабирования бизнеса носят фрагментарный характер, что требует дополнительного изучения данного вопроса.

Методологической основой исследования являются общенаучные методы познания, а также статистические, расчетные и графические методы. В качестве информационной базы исследования использованы статистические данные Росстата, результаты исследований консалтинговых компаний и экспертов, социальные отчеты отечественных компаний по реализации корпоративных программ релокации персонала.

Релокация персонала государственных корпораций и компаний с государственным участием

По итогам XXVII Петербургского международного экономического форума 2024 года Президент РФ поручил правительству разработать предложения о поэтапном перемещении государственных корпораций и компаний крупного бизнеса с государственным участием из г. Москвы в регионы «по месту осуществления их основной производственной и (или) операционной деятельности» (Пр-1381, п. 1 з)³.

Целью перемещения государственных корпораций и крупных отечественных компаний в регионы является не только рост налоговых поступлений в региональные бюджеты, но и создание в регионе высокопроизводительных рабочих мест, развитие инфраструктуры, а также привлечение в экономику региона квалифицированных специалистов, в т. ч. молодых, и их удержание. Как отмечают специалисты, это может замедлить «отток» молодой талантливой молодежи из регионов и снизить риски кадрового дефицита.

Анализ организационных структур государственных корпораций и крупных компаний с государственным участием, выполненный специалистами Центра стратегических разработок «Северо-Запад»⁴, показал, что большинство из них относятся к

³ Перечень поручений по итогам Петербургского международного экономического форума // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/74631> (дата обращения 22 февраля 2025).

⁴ Организационная структура крупных российских госкомпаний. URL: https://csr-nw.ru/upload/iblock/92a/Структура%20корпораций_BotInsight.pdf (дата обращения 24 февраля 2025).

вертикально-интегрированным компаниям (ВИК), которые интегрированы в соответствии:

- с продуктовой линейкой (АО «Вертолеты России», АО «Объединенная судостроительная корпорация», АО «Объединенная авиастроительная корпорация» и др.);
- по всей цепочке создания стоимости (ГК «Росатом», ПАО «Аэрофлот» и др.);
- с функционально-территориальной спецификой (ПАО «РусГидро», ПАО «Газпром», ПАО «Россети» и др.).

Таким образом, «производственная или операционная деятельность» государственных корпораций и компаний крупного бизнеса с государственным участием осуществляется в разных регионах, что затрудняет выбор оптимального места их перемещения. Как правило, предполагается переезд из Москвы штаб-квартиры (головного офиса) государственных корпораций или компаний и их официальной регистрации в другом регионе. В связи с этим с точки зрения релокации персонала речь может идти в основном о релокации персонала штаб-квартиры (головного офиса).

Например, в 2021 г. штаб-квартира АО «Объединенная судостроительная корпорация» была переведена из Москвы в Санкт-Петербург, что обусловило релокацию ее персонала: из 470 сотрудников 350 дали согласие на переезд. Общая стоимость переезда составила около 1,5 млрд рублей⁵. Однако в 2023 г. компания перешла под управление ВТБ и часть персонала была возвращена в Москву.

При переезде головного офиса крупнейшей отечественной электроэнергетической компании ПАО «РусГидро» в г. Красноярск релокации подлежит 1,5 тыс. сотрудников. В настоящее время идет подготовка к переезду из Москвы в Ярославль 5 тысяч сотрудников и членов их семей ПАО «Промсвязьбанк».

⁵ ОСК завершила переезд своего головного офиса из Москвы в Петербург. URL: <https://tass.ru/armiya-i-neopk/12658367> (дата обращения 25 февраля 2025).

Релокация персонала в крупных отечественных компаниях

В настоящее время, по данным сервиса «БИР-Аналитик»⁶, 53 из 100 крупнейших отечественных компаний зарегистрированы в г. Москве, 9 – в Московской области, 5 – в Санкт-Петербурге. Основными видами экономической деятельности этих компаний являются добыча полезных ископаемых (нефти и газа), финансовая и инвестиционная деятельность, металлургическое производство, торговля.

В компаниях крупного бизнеса как с государственным участием, так и частных, релокация персонала проводится не столько в результате перемещения их штаб-квартир в другие регионы, сколько в целях эффективного осуществления производственной деятельности в различных региональных или функциональных подразделениях.

Во многих компаниях крупного бизнеса, например, в Группе «Лукойл», ПАО «Сибур Холдинг», ПАО «Сбербанк», ПАО «Роснефть» и других релокация персонала является инструментом реализации стратегии управления персоналом, направленной на устойчивое функционирование бизнеса и кадровое обеспечение реализуемых масштабных инвестиционных проектов.

Например, в группе «Лукойл» работает более 100 тысяч человек, в т. ч. 86,7% в различных регионах России, 7,3% – в европейских странах, 2,8% – в странах Азии, 2,9% – в странах Ближнего Востока и Африки, 0,3% – в странах Северной Америки⁷. С целью достижения стратегических целей компании и распространения единых стандартов деятельности и единой корпоративной культуры во всех ее подразделениях сформирован пул мобильного персонала, в состав которого входят руководители и высококвалифицированные специалисты. При отсутствии на местных рынках труда необходимых специалистов осуществляется релокация сотрудников из группы мобильного персонала.

В ПАО «Сбербанк» и других крупных компаниях разработаны программы регулярной ротации топ-менеджеров и руководителей территориальных подразделений, которые предусматри-

⁶ БИР-Аналитик. Официальный сайт. URL: <https://site.birweb.1prime.ru/> (дата обращения 25 февраля 2025).

⁷ Отчет об устойчивом развитии Группы «ЛУКОЙЛ», 2023. URL: <https://lucoil.ru/Sustainability/SustainabilityReport> (дата обращения 27 февраля 2025).

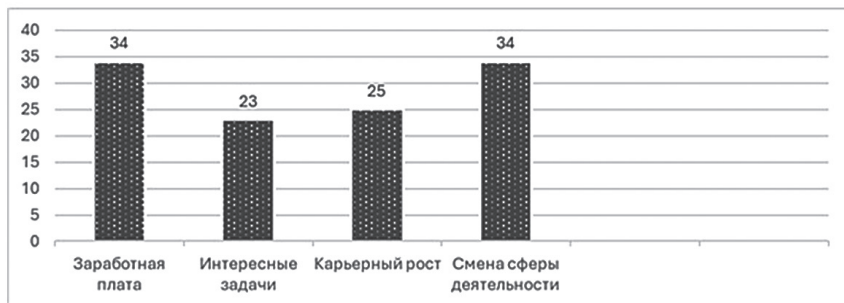

Рис. 1. Факторы мотивации руководителей к релокации, %
Источник: составлено автором по результатам исследования компании Marksman⁸

вают не только смену должности, но и смену места осуществления трудовой деятельности и места жительства.

По данным исследования информационно-аналитического центра рекрутинговой компании Marksman, в котором приняли участие 850 руководителей отечественных компаний, расположенных в г. Москве, 67% топ-менеджеров и 50% руководителей среднего звена готовы к релокации в другие регионы. Основными факторами мотивации руководителей к участию в данных программах являются не только повышение заработной платы, но и возможность решения интересных профессиональных задач, смена сферы деятельности (новые функциональные задачи), карьерный рост (см. рис. 1).

Следует отметить, что релокация руководителей и высококвалифицированных специалистов в региональные подразделения компаний может являться условием их профессионального развития и дальнейшего карьерного продвижения.

В крупных производственных компаниях часто возникает необходимость релокации не только руководителей и высококвалифицированных специалистов, но и рабочих. Например, в ПАО «Сибур Холдинг», которое является крупной нефтегазохимической компанией с численностью персонала более 36 тыс. человек, разработаны и реализуются программы релокации персонала между региональными производственными подразделе-

⁸ Готовы ли специалисты уезжать из Москвы в регионы? URL: <https://acenter.ru/article/gotovy-li-spetsialisty-uezzhat-iz-moskvy-v-regiony> (дата обращения 27 февраля 2025).

ниями и сферами бизнеса⁹. Так, в 2023 г. более 560 сотрудников компании было релоцировано в г. Тобольск для участия в запуске ООО «ЗапСибНефтехим»; 570 человек – на Амурский газохимический комплекс.

Для сотрудников компании, которые меняют место своей трудовой деятельности и место проживания, предусмотрены релокационные пакеты, состав которых зависит от категории релоцируемого работника, типа его трудового договора, срока перемещения и других факторов. В базовый релокационный пакет входят такие опции, как оплата проезда и провоза багажа, проживания в гостинице на период поиска постоянного жилья, пособие и предоставление оплачиваемых дней на благоустройство на новом месте жительства и др.

В компании создано Сообщество равных возможностей, в функции которого входит информационное обеспечение, психологическая сопровождение релокантов, а также их интеграция в общественную жизнь предприятия. В период массового привлечения персонала для релокации в г. Тобольск был создан Центр адаптации релокантов для оказания услуг психологической помощи, карьерного консультирования, вовлечения сотрудников в волонтерство, творческие коллективы, спортивные мероприятия и т. д.

Важным условием успешности реализации программ релокации персонала является сохранение или превышение уровня их жизни в новом регионе. Для решения этой задачи в компании разработана программа социальных инвестиций «Формула хороших дел», согласно которой предусмотрено ее участие в реализации региональных и муниципальных проектов комплексного развития городов присутствия.

Согласно мониторингу индекса качества жизни сотрудников, который определяется по 36 критериям в соответствии с методикой Минстроя РФ, во всех городах присутствия ПАО «Сибур Холдинг» отмечена тенденция к его росту, например в г. Тобольск он увеличился со 177 баллов в 2017 г. до 236 баллов в 2022 г.

⁹ Отчет ответственного работодателя. ПАО «СИБУР Холдинг». URL: <https://reportcollection.inion.ru/reports/download/?reportId=4000/> (дата обращения 26 февраля 2025).

Релокация персонала в сетевых компаниях

В последнее время можно отметить активное масштабирование бизнеса в сетевых отечественных компаниях в сфере ритейла, строительства, промышленности, телекоммуникаций и т. д. Это обусловлено территориальной экспансией компаний и расширением географии ведения бизнеса на новые территории или изменением бизнес-модели компании, например, открытием новых направлений бизнеса, оказанием сопутствующих услуг.

Так, по данным Retail.ru, в 2024 г. продолжился активный рост крупнейших отечественных FMCG-ритейлеров: в компании X5Group было открыто 2543 новых предприятия торговли; в компании «Лента» – 669, «ВкусВилл» – 670, «Fix Price» – 751¹⁰.

По данным опроса журнала «Генеральный директор», 49% респондентов-руководителей ответили, что реализовывали проекты по масштабированию бизнеса, а 30% планируют это сделать (см. рис. 2).

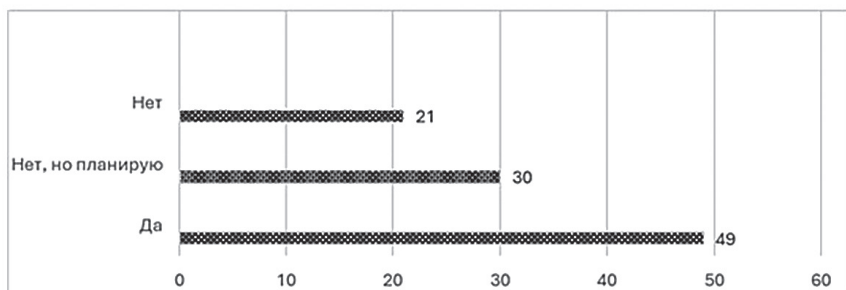

Рис. 2. Ответы на вопрос:

«Занимались ли Вы масштабированием бизнеса?», %

Источник: составлено автором по материалам журнала «Генеральный директор». URL: <https://e.gd.ru/1056576>

В условиях масштабирования бизнеса возрастает спрос на территориальных управляющих, директоров направления e-com, директоров по логистике, коммерческих директоров, специалистов по управлению персоналом и др.

Как правило, персонал на линейные позиции привлекается с местного рынка труда, а на позиции руководителей и специ-

¹⁰ Как росли розничные сети в 2024 году: беспрецедентные темпы крупнейших. URL: <https://www.retail.ru/articles/kak-rosli-seti-v-2024-godu-bespretsedentnye-tempy-krupneyshikh/> (дата обращения 28 февраля 2025).

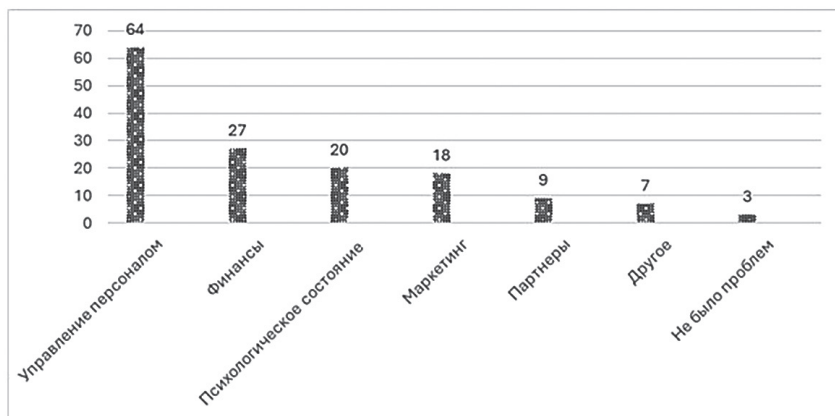

Рис. 3. Основные проблемы компаний в условиях масштабирования бизнеса, %

Источник: составлено автором по материалам журнала «Генеральный директор». URL: <https://e.gd.ru/1056576>

алистов, обладающих уникальными профессиональными компетенциями, назначается соискатель из головного офиса или другого территориального подразделения. С одной стороны, это обусловлено дефицитом управленческих кадров высокой квалификации на местных рынках труда, а с другой стороны, серьезными задачами по организации эффективной работы филиала или подразделения, поддержанию единых стандартов управления, корпоративной кадровой политики, организационной культуры.

Рассмотрим основные проблемы масштабирования бизнеса (см. рис. 3).

Как видно на рис. 3, 64% руководителей компаний, которые масштабировали бизнес в регионы, в качестве основной отметили проблемы в сфере управления персоналом.

Одной из проблем в сфере управления персоналом при масштабировании бизнеса является привлечение персонала в условиях кадрового голода. В феврале 2025 г. Исследовательский центр портала Superjob.ru с целью определения готовности соискателей из разных регионов к релокации проанализировал 8 млн резюме. Согласно полученным данным, к смене места трудовой деятельности и жительства готовы 23% трудоспособных занятых граждан, но только 16% молодых соискателей в возрасте до 24 лет. При этом заинтересованность в программах рело-

кации из Москвы отметили только 11% соискателей, из Санкт-Петербурга – 12%, из ЦФО – 13%. Самая высокая заинтересованность в программах релокации у соискателей из ДФО – 25%, из ЮФО и Сибирского ФО – 21%¹¹. Таким образом, работники заинтересованы в «центростремительном» направлении релокации: из дальних регионов страны в центральные. Вместе с тем масштабирование бизнеса в основном осуществляется «из центра – в регионы».

Следует также отметить изменение ценностных трудовых установок молодых специалистов – представителей поколений «Y» (1981–1996 гг. рождения) и «Z» (1997–2012 гг. рождения). Как показали результаты опроса 1000 экономически активных представителей поколений «Y» и «Z», в последние годы снизилась численность работников, которые готовы ради карьеры переезжать в другой город, иметь ненормированный рабочий день, рисковать здоровьем, жить в тяжелых бытовых условиях, жертвовать интересами семьи и т. д. (см. табл. 1).

Таблица 1

К чему готовы работники ради карьерного продвижения
(процент опрошенных респондентов разных поколений)

Вариант ответа	Поколение «Y»		Поколение «Z»	
	2023	2021	2023	2021
Готовность к переезду в другой город	22,0	29,0	20,0	24,0
Отказ от развлечений	17,0	23,0	28,0	28,0
Ненормированный график работы	14,0	18,0	17,0	22,0
Жертвовать интересами семьи	5,0	5,0	4,0	6,0
Жить в тяжелых бытовых условиях	8,0	4,0	2,0	6,0

Источник: составлено автором по результатам исследования портала Superjob.ru

URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/114365/gotovnost-rossiyan-idi-na-zhertvy-radi-karery-vse-nizhe>

¹¹ Чем дальше регион от столицы, тем чаще молодежь готова к переезду ради работы – Исследовательский центр портала SuperJob.ru. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/115177/chem-dalshe-region-ot-stolicy/> (дата обращения 27 февраля 2025).

Таким образом, несмотря на то, что карьерное продвижение для молодых специалистов является одним из важных факторов мотивации, в последние годы они придают большое значение соблюдению баланса «работа – жизнь», обеспечению не только финансового, но и физического, эмоционального, социального благополучия, самореализации и саморазвитию и т. д.

Заключение

Релокация персонала является одним из направлений развития трудовой мобильности трудовых ресурсов, реализации стратегии пространственного развития РФ, адаптации отечественных организаций к современным условиям. Реализация корпоративных программ релокации персонала позволяет обеспечить «кадровую устойчивость» компании и создать условия для повышения эффективности ее деятельности в условиях масштабирования бизнеса.

Следует отметить, что основными категориями релоцируемого персонала на стадии роста во всех вертикально-интегрированных компаниях являются руководители и высококвалифицированные специалисты, а в крупных производственных компаниях, реализующих масштабные инвестиционные проекты – и производственные рабочие.

Одной из проблем практической реализации программ релокации персонала является заинтересованность работников в «центростремительном» направлении релокации (из дальних регионов страны в центральные), а компаний – в «центробежной» (из центральных регионов в дальние). Кроме того, можно отметить изменение трудовых ценностей молодых специалистов – представителей поколений «Y» и «Z», которые не готовы даже ради карьерного продвижения ухудшать качество своей жизни.

С целью мотивации работников к участию в программах релокации целесообразно разрабатывать комплексные корпоративные программы обеспечения физического, профессионального, финансового, социального, психологического благополучия персонала, формировать релокационные пакеты с учетом потребностей работников, участвовать в реализации региональных и муниципальных проектов комплексного развития городов присутствия компании.

Литература

- Архипова 2023 – Архипова Н.И., Васютина Е.С., Чавыкина М.А. Миграционные процессы: проблемы и решения // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. № 4. С. 8–25. DOI: 10.28995/2073–6304-2023-4-8-25.
- Архипова и др. 2024 – Архипова Н.И., Назайкинский С.В., Седова О.Л. Релокация персонала: новые вызовы и возможности // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. № 1. С. 8–26. DOI: 10.28995/2073–6304-2024-1-8-26.
- Волгин 2023 – Волгин Н.А. Воспроизводственный классический и современный уточненный подходы к пониманию рынка труда и занятости // Социально-трудовые исследования. 2023. № 2. С. 5–8.
- Долженко 2019 – Долженко Р.А. Инструменты релокации менеджеров для мотивации к переезду // Мотивация и оплата труда. 2019. № 3. С. 170–175.
- Камари 2023 – Камари Д.М. К вопросу о мобильности и иммобильности рабочей силы в России и в мире // Социально-трудовые исследования. 2023. № 4 (53). С. 171–178. DOI: 10.34022/2658–3712-2023-53-4-171-178.
- Колесник 2023 – Колесник Е.А., Половинко В.С. Трудовая мобильность в системе стратегий занятости населения региона // Вестник университета. 2023. № 7. С. 99–108.
- Макаров 2024 – Макаров М.А. Современные социально-экономические концепции в фокусе развития российских регионов // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. № 1. С. 111–121. DOI: 10.28995/2073-6304-2024-1-111-121.
- Михайлов 2024 – Михайлов А.В. Экономические показатели успешной релокации инновационных проектов компаний // Инновации и инвестиции. 2024. № 4. С. 14–16.
- Хохлова 2022 – Хохлова М.Г. Профессиональная мобильность рабочей силы в России // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2022. № 4. С. 74–83. DOI: 10.20542/afij-2022-4-74-83.
- Чагина 2017 – Чагина Е.А., Мамедова В.А. Релокация в рамках территориальной мобильности трудовых ресурсов // Неделя науки СПбПУ: Материалы научной конференции с международным участием. СПб., 2017. С. 127–129.
- Шамсутдинова 2023 – Шамсутдинова М.Р. Картирование регионов как элемент системной сбалансированности экономики регионов // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. № 4. С. 89–99. DOI: 10.28995/2073-6304-2023-4-89-99.

References

- Arkhipova, N.I., Vasiutina, E.S. and Chavykina, M.A. (2023), “Migration processes. The issues and solutions”, *RSUH/RGGU Bulletin. Economics. Management. Law Series*, no. 4, pp. 8-25.
- Arkhipova, N.I., Nazaikinskiy, S.V. and Sedova, O.L. (2024), “Personnel relocation. New challenges and opportunities”, *RSUH/RGGU Bulletin. Economics. Management. Law Series*, no. 1, pp. 8-26.

- Chagina, E.A. and Mammadova, V.A. (2017), "Relocation within the framework of territorial mobility of labor resources", *Nedelya nauki SPbPU. Materialy nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [SPbPU Science Week. Proceedings of a scientific conference with international participation], Saint Petersburg, Russia, pp. 127-129.
- Dolzhenko, R.A. (2019), "Relocation tools for managers to motivate them to move", *Motivatsiya I okhrana truda*, no. 3, pp. 170-175.
- Kamari, D.M. (2023), "On the issue of (im)mobility of labour forces in Russia and in the world", *Social and Labor Research*, pp. 171-178.
- Khokhlova, M.G. (2022), "Professional labour mobility in Russia", *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, no. 4, pp. 74-83.
- Kolesnik, E.A. and Polovinko, V.S. (2023), "Labor mobility in the system of employment strategies of the region's population", *Vestnik Universiteta*, no. 7, pp. 99-108.
- Makarov, M.A. (2024), "Modern socio-economic concepts in the focus of regional development in Russia", *RSUH/RGGU Bulletin. Economics. Management. Law Series*, no. 1, pp. 111-121.
- Mikhailov, A.V. (2024), "Economic indicators of successful relocation of the companies' innovative projects", *Innovation & Investment*, no. 4, pp. 14-16.
- Shamsutdinova, M.R. (2023), "Mapping of regions as an element of the systemic balance of the regional economy", *RSUH/RGGU BULLETIN. Economics. Management. Law. Series*, no. 4, pp. 89-99.
- Volgin, N.A. (2023), "Reproductive classic and modern refined approaches to understanding the labor market and employment", *Social and Labour Research*, no. 2, pp. 5-8.

Информация об авторе

Святослав В. Назайкинский, кандидат экономических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; svyatoslavrsh@gmail.com

Information about the author

Svyatoslav V. Nazaikinskiy, Cand. of Sci. (Economics), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; svyatoslavrsh@gmail.com

Анализ современных направлений развития финансовых рынков в условиях цифровой трансформации мировой экономики

Ирина П. Салманова

Технологический университет им. А.А. Леонова, филиал Московского государственного университета геодезии и картографии, Королев, Московская область, Россия, grachev@yandex.ru

Марина В. Самошкина

Технологический университет им. А.А. Леонова, филиал Московского государственного университета геодезии и картографии, Королев, Московская область, Россия, samoshkina@ut-mo.ru

Наталья В. Бабина

Технологический университет им. А.А. Леонова, филиал Московского государственного университета геодезии и картографии, Королев, Московская область, Россия, babina@ut-mo.ru

Аннотация. Цифровая трансформация мировой экономики оказывает значительное влияние на современные финансовые рынки в разных странах. В статье рассматриваются ключевые особенности функционирования финансовых рынков в текущих условиях, рассматривается широкий спектр факторов, в том числе внедрение инновационных цифровых финансовых технологий и искусственного интеллекта, которые влияют на развитие как глобального рынка финансов, так и на финансовые рынки отдельных государств, в свою очередь. Отмечается, что современные тенденции развития требуют разработки новых правил и стандартов регулирования деятельности, обеспечивающих защиту потребителей и стабильность финансовой системы, так как цифровая трансформация бизнес-процессов экономики создает как новые возможности, так и сопряжена с повышением рисков и угроз. Подчеркивается важность устойчивого развития и усиления внимания к ESG-факторам, которые становятся ключевыми аспектами для многих потребителей в современном мире. рассмотрены эволюционные этапы и особенности развития финансового рынка России, приведен анализ показателей, с помощью которых проводится оценка текущего состояния отечественного финансового рынка.

Ключевые слова: мировая финансовая система, финансовый рынок, цифровые финансовые технологии, цифровая трансформация

Для цитирования: Салманова И.П., Самошкина М.В., Бабина Н.В. Анализ современных направлений развития финансовых рынков в условиях цифровой трансформации мировой экономики // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2025. № 3. С. 143–157. DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-143-157

Analysis of modern trends of financial markets development in the context of the digital transformation of world economy

Irina P. Salmanova

Leonov University of Technology, branch of Moscow State University of Geodesy and Cartography, Korolev, Moscow region, Russia, grachevartn@yandex.ru

Marina V. Samoshkina

Leonov University of Technology, branch of Moscow State University of Geodesy and Cartography, Korolev, Moscow region, Russia, samoshkina@ut-mo.ru

Natalya V. Babina

Leonov University of Technology, branch of Moscow State University of Geodesy and Cartography, Korolev, Moscow region, Russia, babina@ut-mo.ru

Abstract. Digital transformation of global economy has a significant impact on modern financial markets in different countries. The paper discusses the key features of financial markets functioning in current conditions, considers a wide range of factors, including the introduction of innovative digital financial technologies and artificial intelligence, which affect the development of both the global financial market and the financial markets of individual countries. It is noted that modern development trends require the new rules and standards for regulating activities that ensure consumer protection and financial system stability, since digital transformation of business processes in the economy creates both new opportunities and is associated with increased risks and threats. The authors emphasize importance of sustainable development and sharpening the attention to ESG factors, which are becoming key aspects for many consumers in the modern world. Further to that the evolutionary stages and features of Russia's financial market development are reviewed along with an analysis of the indicators used to assess the current state of the national financial market.

Keywords: global financial system, financial market, digital financial technologies, digital transformation

For citation: Salmanova, I.P., Samoshkina, M.V. and Babina, N.V. (2025), "Analysis of modern trends of financial markets development in the context of the digital transformation of world economy", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 3, pp. 143-157, DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-143-157

Современный глобальный финансовый рынок – это сложная, высокотехнологичная и взаимосвязанная система, именно она играет ключевую роль в распределении капитала, стимулировании экономического роста и управлении рисками различных государств [Балюк 2022]. Развитие мирового финансового рынка – непрерывный и постоянно изменяющийся процесс. Понимание основных тенденций и факторов, влияющих на развитие рынка, необходимо всем участникам рынка, включая инвесторов, заемщиков, финансовые институты и регуляторов.

По мнению специалистов по финансовым рынкам, он имеет ряд особенностей и характеризуется высокой динамичностью, изменчивостью, а также неопределенностью, поэтому требует от участников глубокого понимания не только возможностей, но и рисков и угроз [Khan 2024; Maharajabdinul 2024]. Представляя сложную и взаимосвязанную систему, состоящую из множества членов, инструментов и инфраструктур, которые облегчают перемещение капитала по всему миру, он имеет ряд характеристик, определяющих его сущность (табл. 1).

Таблица 1

Ключевые особенности функционирования финансовых рынков в современных условиях

Особенность	Ключевые факторы	Описание
Глобальная взаимосвязанность	Трансграничные потоки капитала	Капитал свободно перемещается между различными государствами
	Взаимозависимость рынков	События на одном рынке могут быстро распространиться на другие рынки, создавая эффект домино
	Глобальные финансовые институты	Крупные банки, инвестиционные фонды и страховые компании работают по всему миру, объединяя национальные рынки в единую систему
Технологическая трансформация	Цифровизация	Применение инновационные технологии в области финансов меняют ландшафт финансового рынка
	Автоматизация	Автоматизация систем обработки данных
	Криптовалюты	Криптовалюты являются новым классом активов

Окончание табл. 1

Особенность	Ключевые факторы	Описание
Комплексность и разнообразие	Широкий спектр финансовых инструментов	Акции, облигации, деривативы, валюты, сырьевые товары и другие сложные финансовые инструменты
	Множество участников	Инвесторы, эмитенты, финансовые посредники, регуляторы и прочие участники
	Разнообразие рынков	Рынки акций, облигаций, валютные рынки, рынки деривативов, сырьевые рынки
Влияние ESG-факторов	Устойчивое развитие	Влияние факторов экологического, социального и корпоративного управления
	Зеленые финансы	«Зеленые» облигации и другие финансовые инструменты
	Социальная ответственность	Рост инвестиционной привлекательности компаний с высокими стандартами социальной ответственности
Изменчивость и неопределенность	Волатильность	Финансовые рынки подвержены колебаниям и внезапным изменениям
	Риски	Кредитные, рыночные, операционные, регуляторные и другие риски
Регулирование и надзор	Национальные и международные регуляторы	Центральные банки, международные организации
	Правила и стандарты	Регламент, позволяющий обеспечивать стабильность функционирования финансовой системы, защиту интересов инвесторов
	RegTech	Использование технологий для автоматизации процессов соответствия нормативным требованиям

Источник: составлено авторами.

С одной стороны, в процессе глобализации финансовых рынков отдельных государств наблюдается рост объема международного финансового взаимодействия, что позволяет инвесторам диверсифицировать портфели, а предприятиям – привлекать финансирование из разнообразных источников. С другой стороны, проблемы отдельных стран начинают значительно влиять на другие страны, появляются новые типы финансовых кризисов, такие как валютные, банковские, долговые и т. д.

Технологическая трансформация и активное использование цифровых технологий перестраивают систему взаимодействия предприятий с потребителями товаров и услуг, формируя новую конъюнктуру рынка и конкурентную среду, требующую поиска новых подходов к нормативно-правовому регулированию финансовой отрасли [Адамов 2021]. Распространение и использование современных финансовых технологий, таких как блокчейн, искусственный интеллект, машинное обучение, Bid Data и облачные ресурсы, вносят значительные изменения в сложную систему функционирования финансового рынка (рис. 1).

Использование технологий искусственного интеллекта для усовершенствования финансовых бизнес-процессов повышает не только улучшает эффективность и скорость финансовых операций, но в тоже время способствует более глубокому пониманию потребностей потребителей финансовых услуг.

ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА			
Цифровые платежи и переводы: мобильные кошельки, использование криптовалют и других альтернативных платежных систем	P2P-кредитование: прямое кредитование между физическими лицами или между бизнесом и физическими лицами без участия традиционных банков.	Блокчейн и криптовалюты: технология блокчейн способствует повышению прозрачности, безопасности и эффективности транзакций на финансовом рынке.	Алгоритмическая торговля: Использование компьютерных алгоритмов для автоматической торговли на бирже

Рис. 1. Базовые цифровые сервисы финансового рынка

Внедрение технологий автоматизации бизнес-процессов положительно влияет на эффективность деятельности при одновременной оптимизации издержек за счет освобождения сотрудников от трудоемких операций. Появление возможности анализа больших объемов Big Data и отчетности в кратчайшие сроки позволяет своевременно оценивать риски и угрозы, улучшать качество принятия управленческих решений [Luo et al. 2024].

Использование разнообразных подходов, инновационных финансовых инструментов и технологий расширяет возможности управления инвестициями и связанных с ними рисками.

Наблюдается рост привлекательности расчетов в криптовалюте, которая постепенно становится конкурентной на рынке традиционных денежных средств и цифровых валют, а лежащий в основе криптовалют алгоритм блокчейна, в свою очередь, способствует повышению прозрачности и безопасности финансовых платежей [Жигас, Кузьмина 2023; Judijanto 2024].

В последнее десятилетие стало заметно усиление влияния ESG-факторов (экологического, социального и корпоративного управления) на деятельность различных участников финансового рынка и выбор стратегий развития. Во многих странах этим факторам уделяется большое внимание, и организации, придерживающиеся высоких стандартов экологической и социальной ответственности, имеют большую инвестиционную привлекательность, чем те, которые пренебрегают ими [Бобров и др. 2020; Miletkov, Staneva 2025].

Однако на глобальную финансовую систему значительное влияние оказывают изменчивость политических настроений, непредсказуемость обстановки в ряде стран, а также экономическая неопределенность и нестабильность – факторы, воздействующие не только на национальные финансовые рынки, но и на мировую экономику в целом. В последнее время деятельность специально созданных международных организаций-регуляторов, таких как, например, МВФ, Банк международных расчетов, призванная осуществлять надзор, организовывать сотрудничество между странами на международном финансовом рынке, подвергаются критике, поскольку они полноценно не способны справляться с задачами сохранения стабильности на мировом финансовом рынке.

Основные направления развития финансовых рынков в условиях цифровой трансформации

В настоящее время последующее развитие глобальной финансовой системы, которое позволит обеспечивать устойчивый рост мировой экономики, повышать финансовую надежность и доступность финансовых услуг, предполагает формирование многополярной системы [Блажевич, Сафонова 2021]. В условиях глобализации торговых и инвестиционных операций именно постоянное развитие финансовых рынков разных стран способствует росту гибкости и ликвидности, которая необходима для адекватного реагирования на изменения, происходящие в мировой экономике.

При разработке стратегии развития финансового рынка отдельного государства следует принимать во внимание мировые тренды и тенденции, своевременно внедрять инновации, разрабатывать и соблюдать эффективные нормы правового регулирования и учитывать потребности участников рынка, которые и определяют вектор дальнейшего развития финансовых структур страны.

Так, технологические инновации постоянно трансформируют финансовый сектор, поддержка использования которых помогает повысить эффективность операций, открывает новые возможности как для инвесторов, так и для потребителей финансовых услуг.

Поддержка научных исследований и образовательных программ, направленных на повышение финансовой грамотности и подготовку кадров для работы в быстро меняющемся финансовом мире также приобретает важное значение.

Некоторые специалисты в области финансового менеджмента полагают, что перспективным трендом развития финансовых рынков [Курилова 2022; Махкамова, Няргинен 2022] становится обеспечение высокоразвитости системы финансовой инклюзии, которая, по сути, представляет собой процесс обеспечения доступа людей и предприятий к финансовым услугам, таким как банковские счета, кредитование, страхование и другие финансовые инструменты. Финансовая инклюзия играет ключевую роль в экономическом развитии, снижении бедности и повышении общего уровня жизни государства [Голова 2023]. Наиболее важные аспекты этого процесса отражены на рис. 2.

Доступность финансовых услуг	• Организация легкого доступа к финансовым продуктам для различных групп населения, независимо от социального статуса и географического местоположения
Обучение финансовой грамотности	• Обучение населения основам финансового планирования, управления долгами и инвестирования
Использование технологических финансовых инновации	• Развитие цифровых финансовых технологий, мобильных платежей и онлайн-банкинга значительно упрощает доступ к финансовым услугам, особенно в удаленных районах
Организация поддержки со стороны правительства и различных финансовых организаций	• Программы и инициативы, поступающие от государственных органов, специализированных международных организаций и НПО способствуют созданию среды, поддерживающей финансовую инклюзию
Развитие рынка микрофинансирования	• Микрозаймы и микрокредиты позволяют людям, которые не имеют доступа к традиционным банковским услугам, получать небольшие суммы для начала или развития бизнеса
Правовое регулирование	• Создание устойчивой и прозрачной регуляторной среды, которая защищает потребителей, обеспечивает и одновременно регулирует доступность финансовых средств

Рис. 2. Основные элементы финансовой инклюзии
в контексте цифровизации финансового рынка государства

Для многих граждан, а также представителей малого и среднего бизнеса в разных странах, доступ к финансовым услугам по-прежнему остается ограниченным. Поэтому будущая трансформация финансовых рынков должна быть направлена, в том числе, на создание более инклюзивной системы, которая обеспечит доступ к кредитам, инвестициям и другим услугам для различных сегментов потребителей финансовых продуктов. В целом,

финансовая инклюзия способствует достижению экономической стабильности и росту, улучшая качество жизни и помогая людям в достижении своих финансовых целей.

Также следует отметить необходимость создания условий, позволяющих поддерживать высокую скорость адаптации финансовых рынков к различным изменениям и факторам внешней и внутренней среды страны: макроэкономические факторы (экономические показатели, инфляционные колебания, изменение процентных ставок и прочие); геополитические риски (политическая нестабильность, торговые войны и т. д.); демографические изменения (старение населения, изменение миграционных потоков, урбанизация и другие); изменения потребительского поведения (повышение спроса на цифровые финансовые услуги, персонализированные продукты и усиление значимости социальной ответственности).

Необходимо добавить, что развитие финансовых рынков невозможно без усовершенствования рыночной инфраструктуры, в том числе создания современных электронных торговых платформ, систем клиринга и расчетов, а также без разработки и апробации новых финансовых инструментов для удовлетворения разнообразных потребностей инвесторов и заемщиков.

Эволюция и особенности развития финансового рынка России

В последние десятилетия финансовый рынок России претерпел значительные преобразования, которые происходили в несколько этапов, каждый из которых оказал значимое влияние на его структуру и функционал.

После распада Советского Союза в 1991 г. Россия столкнулась с необходимостью создания рыночной экономики, которая открывала как ряд возможностей, так и серьезных вызовов. Финансовый рынок до 1994 г. был крайне нестабильным в связи с неконтролируемым ростом инфляции, банковским кризисом и отсутствием эффективных правовых норм. Только в конце 1990-х и начале 2000-х гг. были созданы важные финансовые институты, такие как Центральный банк России и фондовые рынки. Важным событием стало проведение в 1996 г. первой волны приватизации, началось развитие обыкновенных и бюджетных облигаций, способствовавших росту государственных заимствований.

Мировой финансовый кризис 2008 года оказал значительное негативное влияние на состояние отечественной экономики и финансового рынка. В период 2008–2014 гг. наметилась устойчивая тенденция к интеграции российского финансового рынка в мировую финансовую систему, усилился интерес иностранных инвесторов [Сопилко, Мясникова 2021].

В связи с усилением геополитического напряжения и введением санкций против России отечественный финансовый рынок столкнулся с новыми вызовами. Необходимость адаптировать экономическую систему государства к новым условиям функционирования поспособствовала развитию альтернативных источников финансирования, таких как внутренние заемные инструменты, наметился рост интереса к инновационным финансовым технологиям и цифровым валютам [Лебедева 2024]. Современные тренды предполагают дальнейшее развитие финтех-компаний, рост интереса к альтернативным видам валют, внедрению финансовых инноваций в банковском секторе, разработка эффективных инструментов законодательного регулирования деятельности участников финансового рынка [Баранова и др. 2022].

Так, в последние годы Банк России усиливает надзор за финансовым рынком, чтобы предотвратить риски и защитить инвесторов, планомерно формирует правовую базу для внедрения инноваций, развивает цифровые платежные инструменты, создает инфраструктурные решения с целью повышения уровня финансовой инклюзии и качественного улучшения финансовых услуг для населения и представителей бизнеса, роста конкуренции среди участников финансового рынка, а также оптимизации затрат в области финансов.

Развитие современной платежной экосистемы, цифровая трансформация отечественного финансового рынка являются приоритетными трендами, которые приняты Банком России в ключевом среднесрочном стратегическом документе «Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2025 год и период 2026 и 2027 годов». Эти векторы развития финансового рынка сформированы на основе анализа актуальных мировых и отечественных трендов, учитывают актуальные задачи по развитию социально-экономического уровня государства, а также потенциальные возможности и вызовы рынка финансов.

Мониторинга состояния финансового рынка Банком России в 2023 г. было предложено проводить на основе оценки определенного набора агрегированных показателей (табл. 2).

Таблица 2

Индикаторы мониторинга развития
финансового рынка России 2023–2024 гг.

Показатель	2023 г.	2024 г.	Ожидаемая динамика
Отношение активов финансовых организаций к ВВП, %	105,0	131,5*	Рост индикатора
Отношение капитализации фондового рынка к ВВП, %	–	25,4*	Рост индикатора
Доля долгосрочных сбережений граждан в общем объеме их сбережений, %	36,0	35,5*	Рост индикатора
Уровень цифровизации финансовых услуг для физических лиц, %	78,8	83,4	Рост индикатора
Уровень цифровизации финансовых услуг для юридических лиц, %	68,6	80,2	Рост индикатора
Композитный индекс удовлетворенности населения работой финансовых организаций, финансовыми продуктами, (услугами) и каналами предоставления финансовых услуг, баллов**	49,7	56,6	Рост индикатора
* С учетом данных о ВВП за II квартал 2024. ** Опрос будет проводиться 1 раз в 3 года, следующий замер в мае 2027 года.			

Источник: составлено авторами по данным документов Банка России «Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2023 год и период 2024 и 2025 годов», «Основные направления развития финансовых технологий на период 2025–2027 годов» от 15 октября 2024 г.

Для оценки развития финансового рынка Российской Федерации в 2023 г. Банк России использовал четыре показателя, приоритетным из которых является показатель отношения активов финансовых организаций к ВВП. Прирост данного показателя с 2023 по 2024 г., а также ожидаемая положительная динамика в дальнейшем свидетельствует об эффективности трансформационных процессов в экономике России. Этот индикатор, в первую очередь, свидетельствует о возможностях финансового рынка обслуживать потребности экономики государства. Эти потребности зависят от масштабов, глубины и охвата финансо-

выми услугами различных сфер экономической деятельности. При этом важно учитывать активы как кредитных организаций, так и НФО, принимая во внимание, что для развития экономики, удовлетворения жизненных потребностей граждан и бизнеса важен весь спектр основных финансовых услуг.

Повышение уровня цифровизации финансовых услуг для населения с 79% до 83% и юридических лиц с 69% до 80% свидетельствует об увеличении уровня финансовой инклюзии в 2024 г., в том числе за счет расширения зоны покрытия интернет-сетью. Также было установлено незначительное снижение индикатора долевой составляющей долгосрочных сбережений граждан в общем объеме их накоплений, который составил 35,5% в 2024 г. Однако, согласно Указу «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» президент РФ В.В. Путин поручил правительству обеспечить рост этого показателя и достижение уровня 40% к 2030 году и 45% к 2036 г.

Также следует отметить, что в 2024 г. Банк России ввел в систему агрегатных показателей такие индикаторы, как макроэкономический показатель отношения капитализации фондового рынка к ВВП или «коэффициент Баффета», отражающий развитость фондового рынка по отношению к размеру экономики страны (около 25% по состоянию на 01.12.2024).

Заключение

Таким образом, дальнейшее развитие мирового финансового рынка играет ключевую роль в обеспечении финансовой стабильности, улучшении экономического роста и повышении качества жизни населения. Этому способствуют мировые процессы глобализация и интеграция поскольку, развитие глобальных финансовых рынков облегчает трансграничные потоки капитала, способствует усилению интеграции между финансовыми рынками разных стран и развитию международных финансовых центров, так как это влияет на усиление конкуренции за привлечение капитала и бизнеса. Участники мирового финансового рынка, в том числе финансовые посредники, такие как банки, брокеры, индивидуальные и институциональные инвесторы, различные компании, и прочие, выступающие эмитентами, задают тренды и формируют экосистему современного финансового рынка.

Одной из наиболее важных направлений остается необходимость усиления регулирования деятельности финансовых рын-

ков, в том числе во время и после финансовых кризисов для предотвращения рисков и защиты инвесторов. Разработка нормативных актов для регулирования использования криптовалют, увеличение требований к капиталу банков и финансовых институтов с целью повышения устойчивости финансовой системы, улучшение защиты прав потребителей финансовых услуг и обеспечение прозрачности финансовых продуктов, а также использование технологий для автоматизации процессов соблюдения нормативных требований и упрощения отчетности приобретают особую актуальность.

Финансовый рынок России продолжает развиваться, проходя через различные этапы и адаптируясь к глобальным изменениям. Несмотря на существующие вызовы, рынок демонстрирует потенциал для роста и инноваций. Правительство и Банк России совместно разрабатывают и реализуют мероприятия по развитию и обеспечению стабильности финансового рынка, учитывая современную геополитическую ситуацию, риски санкций. В то же время органы государственной власти адаптируют и совершенствуют подходы к оценке состояния финансового рынка для эффективного управления внутренними процессами.

Литература

- Адамов 2021 – Адамов Д.В. Влияние цифровых финансовых технологий на инновационные решения в финансовом секторе // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 2. С. 52–69.
- Балюк 2022 – Балюк И.А., Балюк М.А. Проблема асимметричности развития мирового финансового рынка // Финансы: теория и практика. 2022. Т. 26. № 6. С. 72–87.
- Баранова и др. 2022 – Баранова И.В., Гапон М.Н., Голова Е.Е. Цифровизация финансовых услуг как направление инновационного развития России // Вопросы инновационной экономики. 2022. № 4. С. 2583–2598.
- Блажевич, Сафонова 2021 – Блажевич О.Г., Сафонова Н.С. Особенности развития финансового рынка в условиях цифровизации // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. № 1 (54). С. 106–124.
- Бобров и др. 2020 – Бобров Д.В., Шулуз А.А., Фарисов Ф.Ф. О междисциплинарном функционально-динамическом подходе к анализу политической системы современного общества // Социология и право. 2020. № 2 (48). С. 83–89. DOI: 10.35854/2219-6242-2020-2-83-89. EDN ZIRWOM.
- Голова 2023 – Голова Е.Е. Финансовая инклюзия: новые задачи в современных условиях // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. № 5. С. 1663–1682.

- Жигас, Кузьмина 2023 – *Жигас М.Г., Кузьмина С.Н.* Криптовалюты как направление развития мирового финансового рынка // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2023. № 1 (105). С. 71–91.
- Курилова 2022 – *Курилова А.А.* Финансовая инклюзивность: понятие и измерение // Наука, общество, образование в современных условиях: монография. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. С. 29–38.
- Лебедева 2024 – *Лебедева Д.В.* Перспективы использования цифровых валют в контексте современных преобразований в экономике // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2024. № 4. С. 103–116.
- Махкамова, Няргинен 2022 – *Махкамова Г.М., Няргинен В.А.* Моделирование развития социально-экономической системы государства в контексте финансовой инклюзии // Региональные проблемы преобразования экономики. 2022. № 4 (138). С. 97–108.
- Сопилко, Мясникова 2021 – *Сопилко Н.Ю., Мясникова О.Ю.* Основные тренды цифровой трансформации экономики государств ЕАЭС // Вопросы региональной экономики. 2021. № 2 (47). С. 207–213.
- Judijanto 2024 – *Judijanto L. et al.* Integration of blockchain technology in the financial system: assessing its impact on efficiency, security, and stability of financial markets // International Journal of Economic Literature. 2024. Vol. 2. № 1. P. 41-53.
- Khan 2024 – *Khan M.A. et al.* Do institutional quality, innovation and technologies promote financial market development? // European Journal of International Management. 2024. Vol. 22. № 3. P. 484-507.
- Luo et al. 2024 – *Luo H., Wang H., Wu Y.* Digital financial inclusion and tourism development // International Review of Economics & Finance. 2024. Vol. 90. P. 207-219.
- Maharajabdinul 2024 – *Maharajabdinul M.* Understanding the Linkages Between Financial Markets and Sustainable Economic Development // Advances in Economics & Financial Studies. 2024. Vol. 2. № 2. P. 76-87.
- Miletkov, Staneva 2025 – *Miletkov M.K., Staneva V.* Financing a Sustainable Future: The Diverging Effects of Equity and Credit Market Development on Corporate Social Responsibility // Journal of Business Ethics. P. 1-23.

References

- Adamov, D.V. (2024), “The impact of digital financial technologies on innovative solutions in the financial sector”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*. no. 2, pp. 52-69.
- Balyuk, I.A. and Balyuk, M.A. (2022), “The problem of asymmetric of development of the global financial market”, *Finance: Theory and Practice*, vol. 26, no. 6, pp. 72-87.
- Baranova, I.V., Gapon, M.N. and Golova, E.E. (2022), “Digitalisation of financial services as a direction of Russia’s innovative development”, *Russian Journal of Innovation Economics*, no. 12 (4), pp. 2583-2598.
- Bobrov, D.V., Shulus, A.A. and Farisov, F.F. (2020), “The Interdisciplinary Functional Dynamic Approach to the Analysis of the Political System of Modern Society”, *Sociology and Law*, no. 2 (48), pp. 83-89.
- Blazhevich, O.G. and Safonova, N.S. (2021), “Features of the of the financial market development in the conditions of digitalization”, *Scientific Bulletin: finance, banking, investment*, no. 1 (54), pp. 106-124.

- Golova, E.E. (2023), "Financial inclusion: new challenges in today's environment", *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, no. 13 (5), pp. 1663-1682.
- Judijanto, L. et al. (2024), "Integration of blockchain technology in the financial system: assessing its impact on efficiency, security, and stability of financial markets", *International Journal of Economic Literature*, vol. 2, no 1, pp. 41-53.
- Khan, M.A. et al. (2024), "Do institutional quality, innovation and technologies promote financial market development?", *European Journal of International Management*, vol. 22, no. 3, pp. 484-507.
- Kurilova, A.A. (2022), "Financial inclusivity: concept and measurement", *Nauka, obshchestvo, obrazovanie v sovremennykh usloviyakh: monografiya* [Science, society, education in modern conditions, monograph], Nauka i Prosveshchenie, Penza, Russia, pp. 29-38.
- Lebedeva, D.V. (2024), "The prospects for digital currencies using in the context of modern economic transformations", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 4, pp. 103-116.
- Luo H., Wang H. and Wu, Y. (2024), "Digital financial inclusion and tourism development", *International Review of Economics & Finance*, vol. 90, pp. 207-219.
- Maharajabdinul, M. (2024), "Understanding the Linkages Between Financial Markets and Sustainable Economic Development", *Advances in Economics & Financial Studies*, vol. 2, no. 2, pp. 76-87.
- Makhkamova, G.M. and Nyarginen, V.A. (2022), "Modeling of socio-economic development state systems in the context of financial inclusion", *Regional problems of transforming the economy*, no. 4 (138), pp. 97-108.
- Miletkov, M.K. and Staneva, V. (2025), "Financing a Sustainable Future: The Diverging Effects of Equity and Credit Market Development on Corporate Social Responsibility", *Journal of Business Ethics*, <https://doi.org/10.1007/s10551-025-05967-1>, pp. 1-23.
- Sopilko, N.Yu. and Myasnikova, O.Yu. (2021), "The main trends of digital transformation in the economy of the EAEU countries", *Questions of the regional economy*, no. 2 (47), pp. 207-213.
- Zhigas, M.G. and Kuzmina, S.N. (2023), "Cryptocurrencies as a direction of development in the global financial market", *Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management*, no. 1 (105), pp. 71-91.

Информация об авторах

Ирина П. Салманова, кандидат экономических наук, доцент, Технологический университет им. А.А. Леонова, филиал Московского государственного университета геодезии и картографии, Королев, Московская область, Россия; 141074, Россия, Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42; grachevarn@yandex.ru

Марина В. Самошкина, кандидат экономических наук, доцент, Технологический университет им. А.А. Леонова, филиал Московского государственного университета геодезии и картографии, Королев, Московская область, Россия; 141074, Россия, Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42; samoshkina@ut-mo.ru

Наталья В. Бабина, кандидат экономических наук, доцент, Технологический университет им. А.А. Леонова, филиал Московского государственного университета геодезии и картографии, Королев, Московская область, Россия; 141074, Россия, Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42; babina@ut-mo.ru

Information about the authors

Irina P. Salmanova, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Leonov University of Technology, branch of Moscow State University of Geodesy and Cartography, Korolev, Moscow region, Russia; bld. 42, Gagarin Street, Korolev, Moscow region, Russia, 141074; grachevarn@yandex.ru

Marina V. Samoshkina, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Leonov University of Technology, branch of Moscow State University of Geodesy and Cartography, Korolev, Moscow region, Russia; bld. 42, Gagarin Street, Korolev, Moscow region, Russia, 141074; samoshkina@ut-mo.ru

Natalya V. Babina, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Leonov University of Technology, branch of Moscow State University of Geodesy and Cartography, Korolev, Moscow region, Russia; bld. 42, Gagarin Street, Korolev, Moscow region, Russia, 141074; babina@ut-mo.ru

Основные направления торгового-экономического сотрудничества между Россией и Индией

Евгений В. Васильев

*Институт Китая и современной Азии РАН
Москва, Россия, vasiliev@iccaras.ru*

Елена А. Исаева

*РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина
Москва, Россия, isaeva.e@gubkin.ru*

Ирина А. Лукашова

*Школа индийских языков «Хинди гуру»
Москва, Россия, ilukashowa@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена изучению перспектив экономического сотрудничества между Россией и Индией в условиях новых геополитических реалий. Авторы рассматривают ключевые направления взаимодействия стран, включая торговлю, инвестиции, фармацевтическую промышленность, кинематограф, энергетику, инфраструктуру и оборонную промышленность. Особое внимание уделено индийским инвестициям в российскую экономику. В работе проанализированы механизмы взаимодействия на государственном и региональном уровнях, межправительственные комитеты и форумы, направленные на укрепление деловых связей и стимулирование инновационного развития. Отдельно акцентируется внимание на роли Индии как стратегического партнера России в области атомной энергетики и переработки энергоресурсов. Авторы ставят своей целью проанализировать текущие тенденции экономического сотрудничества между Россией и Индией, а также исследовать влияние современных геополитических факторов на российско-индийские экономические отношения. В статье делается вывод о том, что российско-индийские экономические отношения обладают значительным потенциалом для развития в условиях формирования новой многополярной системы международных отношений.

Ключевые слова: Россия, Индия, экономическое партнерство, двусторонняя торговля, энергетика, инвестиции, геополитические вызовы

Для цитирования: Васильев Е.В., Исаева Е.А., Лукашова И.А. Основные направления торгового-экономического сотрудничества между Россией и Индией // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2025. № 3. С. 159–170. DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-159-170

Priorities of trade and economic cooperation between Russia and India

Evgeny V. Vasiliev

*Russian Academy of Sciences Institute of China and Contemporary Asia
Moscow, Russia, vasiliev@iccaras.ru*

Elena A. Isaeva

*Gubkin Russian State University of Oil and Gas
Moscow, Russia, isaeva.e@gubkin.ru*

Irina A. Lukashova

*Hindi Guru Indian Language School
Moscow, Russia, ilukashova@gmail.com*

Abstract. The article deals with the study of the prospects for economic cooperation between Russia and India in the context of new geopolitical realities. The authors consider the key areas of interaction between the two countries, including trade, investments, the pharmaceutical industry, cinema, energy, infrastructure, and the defense industry. Special attention is paid to Indian investments in the Russian economy. The paper analyzes the mechanisms of interaction at both the state and regional levels, intergovernmental committees and forums concerned with strengthening business ties and stimulating innovative development. It also highlights the role of India as a strategic partner for Russia in the fields of nuclear energy and resource processing. The authors aim to analyze current trends in economic cooperation between Russia and India, as well as to investigate the influence of contemporary geopolitical factors on Russian-Indian economic relations. The article concludes that Russian-Indian economic relations possess significant potential for growth in the context of the emerging new multipolar system of international relations.

Keywords: Russia, India, economic partnership, bilateral trade, energy, investment, geopolitical challenges

For citation: Vasiliev, E.V., Isaeva, E.A. and Lukashova, I.A. (2025), "Priorities of trade and economic cooperation between Russia and India", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 3, pp. 159-170, DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-159-170

Перемены на внешней и внутриполитической арене создают для России и Индии благоприятные условия для укрепления торгового и инвестиционного сотрудничества. В начале 2022 г. Россия столкнулась с беспрецедентным давлением со стороны Запада, что привело к необходимости пересмотреть приоритеты в своих внешнеэкономических отношениях. Сложившаяся

геополитическая ситуация заставила страну обратиться к восточным партнерам, и Индийская Республика стала одним из ключевых союзников России в этом регионе. Также, как отмечается [Сопилко 2015], можно подчеркнуть важность развития различных производственных связей в рамках международного экономического сотрудничества стран в контексте расширения внешнеторговых связей и укрепления своих позиций на мировой арене.

Индия, со своей стороны, стремится к независимости в своей внешней и внутренней экономической политике. Благодаря ключевым инициативам индийского правительства, таким как «Атманирбхар Бхарат» («Самодостаточная Индия»), «Make in India» (Сделай в Индии), «Skill India» («Квалифицированная Индия»), уровень производства в стране значительно возрос, что открыло возможности для реализации иностранных проектов на территории Индии. За последние годы страна активно расширяет свои логистические пути и партнерские связи. Индийские компании инвестировали более 10 млрд долларов в Россию. Они имеют особенно сильное присутствие в нефтегазовом, ИТ-, машиностроительном, пищевом и химическом секторах. Россия, в свою очередь, нацелена на новых покупателей для продажи нефти и газа, чтобы компенсировать приостановление поставок в Европу. После начала Специальной военной операции (далее – СВО) Россия стала импортировать нефть в Индию в больших объемах, и индийские закупки стали компенсировать снижение спроса со стороны Северо-Западной Европы. В результате европейские потребители стали приобретать переработанную в Индии нефть. Экспорт нефтепродуктов значительно увеличил доходы индийских нефтеперерабатывающих компаний, которые выработали схему покупки нефти у России по сниженным ценам и продажи ее по более высоким в другие европейские страны, с которыми Россия прекратила сотрудничество [Warren, Ganguly 2022].

В итоге такие действия позволили Индии не только укрепить свои позиции на мировом энергетическом рынке, но и подтвердили важность стратегического партнерства двух стран в условиях меняющегося мирового порядка.

Одним из основных элементов взаимовыгодного сотрудничества между Россией и Индией является рост товарооборота (табл. 1). В финансовом году 2023–2024 объем двусторонней торговли между Индией и Россией достиг рекордных 65,7 млрд долл. США, что на 33% превышает уровень предыдущего года и

Таблица 1

Данные по экспорту и импорту из Индии в Россию по годам,
млн долл. США

Годы	Импорт	Экспорт	Товарооборот	Торговый баланс
2024	61 159,30	4 261,31	65 420,60	−56 897,99
2023	46 212,71	3 146,95	49 359,67	−43 065,76
2022	9 869,99	3 254,68	13 124,68	−6 615,31
2021	5 485,75	2 655,52	8 141,26	−2 830,23
2020	7 093,01	3 017,67	10 110,68	−4 075,34

Источник: составлено авторами на основе данных с официального сайта Министерства торговли и промышленности Индии.

почти в 6,5 раза больше, чем объем торговли до пандемии, который составлял 10,1 млрд долл. США (рис. 1).

Россия занимает четвертое место среди основных торговых партнеров Индии в 2024 г., уступая США (товарооборот стран составил 119 710,52 млн долл. США), Китаю (118 394,67 млн долл. США) и ОАЭ (83 650,60 млн долл. США).

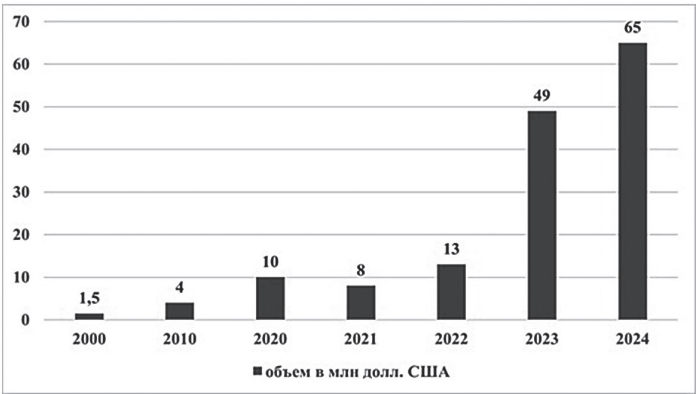

Рис. 1. Товарооборот между Россией и Индией по годам, млн долл. США
Источник: составлено авторами на основе данных с официального сайта Министерства торговли и промышленности Индии¹

¹ Министерство торговли и промышленности Индии. URL: <https://www.commerce.gov.in/trade-statistics/>

Главной статьёй экспорта из Индии являются технологии и энергетическое оборудование – на более чем 500 млн долл. США. Многие индийские компании производят продукцию с использованием инновационных технологий, что привлекает интерес со стороны России [Kulik 2023]. Индия является одним из мировых лидеров в производстве медицинских препаратов и дженериков, имеет высококвалифицированных специалистов в химической промышленности. Это обуславливает высокий показатель экспорта фармацевтической и химической продукции из Индии в РФ – более 370 и 320 млн долл. США соответственно.

Индия обладает значительными запасами железных руд, что способствует развитию металлургической отрасли. Это позволяет стране производить и экспортировать сталь и другие изделия металлургической отрасли. Аграрная продукция: специи и рис (например, басмати), чай и кофе, рыба и морепродукты, является не только важной частью индийской культуры, но и ключевой статьёй мирового экспорта [Галищева 2019]. Страна также поставляет на мировой рынок множество текстильных изделий: готовую одежду и разнообразные ткани.

Таблица 2

Экспорт Индии в Россию в 2023 г., млн долл. США

Статья экспорта	Стоимость, млн долл. США
Машины, ядерные реакторы, котлы	576,88
Фармацевтическая продукция	371,72
Органические химикаты	323,87
Железо и сталь	321,90
Электрическое, электронное оборудование	269,43

Источник: UN COMTRADE, Trading Economics.

Что касается импорта из России, в него входят в основном нефть и нефтепродукты, удобрения, драгоценные металлы, животные и растительные жиры, древесина, целлюлозно-бумажные изделия. Основная доля экспорта в Индию сосредоточена на минеральном сырье и продуктах переработки. Они составляют более 95% от общего экспорта. Индия, будучи одним из крупнейших потребителей энергетических ресурсов в мире, использует эти ресурсы в различных секторах экономики: производстве электроэнергии, химической промышленности, транспортном секторе и сельском хозяйстве.

Таблица 3

Экспорт России в Индию в 2023 г., млрд долл. США

Статья экспорта	Стоимость, млрд долл. США
Нефть и нефтепродукты	58,73
Удобрения	2,63
Жемчуг, драгоценные камни, металлы, монеты	1,31
Животные и растительные жиры и масла	1,26

Источник: UN COMTRADE, Trading Economics.

Благодаря своему географическому положению, наличию технологий и высококвалифицированного персонала, Индия получает сырье из различных стран, включая Россию, и перерабатывает его для внутреннего потребления и экспорта. Индийское правительство полагает, что с учетом наличия развитой инфраструктуры, включая порты, дороги и логистические центры, страна имеет огромный потенциал для превращения в мировой хаб переработки ресурсов. И Россия как ключевой поставщик энергетических ресурсов для Индии играет ключевую роль для реализации этой перспективы [Sharma, Cyril 2024].

Россия также занимает значительное место в сфере атомной энергетики Индии. В декабре 2021 г. состоялась встреча В.В. Путина и Н. Моди, в результате которой лидеры договорились о возможности расширить российское присутствие в индийском энергетическом секторе. Особое внимание было уделено атомной энергетике и экологической повестке. Взаимодействие охватывает совместные инициативы по возведению атомных электростанций, обмен технологиями и опытом, а также совместные исследования в сфере ядерной безопасности и устойчивого развития.

Одной из перспективных сфер взаимодействия России и Индии является фармацевтика. Страны сотрудничают в фармакологии более пяти десятилетий, и в последние годы партнерство только усилилось. Пандемия и западные санкции, освободили нишу для азиатских компаний, чем успешно воспользовались индийские фармацевтические предприятия. Многие из них зашли на российский рынок не только благодаря увеличению экспорта медикаментов (в 2023 г. Индия стала лидером по поставкам лекарств в Россию), но и путем строительства крупномас-

штабных производственных предприятий. На территории РФ многие годы присутствуют официальные представительства широко известных по всему миру индийских фирм, таких как Dr. Reddy's Laboratories, Jodas Exproim и Hetero Labs. Индийские и российские компании создают совместные предприятия, например Auropharma Company – результат коллаборации мирового гиганта Aurobindo Pharma и отечественной фирмы «Диод». Нельзя не отметить, что российская фармакология сделала огромный прорыв в последние годы. Ориентация на биофармацевтику, высокие технологии и искусственный интеллект, сделала российскую медицинскую отрасль привлекательной не только для талантливых отечественных ученых, но и для зарубежных специалистов, ориентированных на создание инновационного продукта [Korybko, Morozov 2020].

В рамках культурного обмена нельзя не отметить важность индийского кино для российского зрителя. Еще со времен Советского Союза, когда индийский кинематограф был одним из немногих зарубежных развлечений для советского человека, Болливуд завораживал зрителей своей яркой, красочной и всегда доброй историей [Нефедова 2016]. И сегодня Болливуд продолжает радовать зрителей, собирая поклонников индийского кино на различных фестивалях, публичных кинопоказах и обсуждениях с участием приглашенных индийских звезд.

Еще одной сферой российско-индийского взаимодействия является экспорт услуг, который демонстрирует стабильный рост в последние годы. Ключевыми статьями российского экспорта в Индию в 2023 г. стали бизнес-консультации и осуществление технической поддержки. С увеличением товарооборота между странами, активно развиваются логистическая и строительная отрасли. Так, например, происходит строительство автомобильных дорог, электростанций, газопроводов и трубопроводов, чтократно увеличило заказы на транспортировку грузов и выполнение строительных работ российскими компаниями на территории Индии.

За последние пять лет наблюдается значительный прирост импорта услуг. Анализ структуры импорта индийских услуг в Россию показывает явное преобладание двух секторов: туризма и строительства. Это частично связано с проведением программы «Год России в Индии», способствовавшей укреплению деловых связей и повышению узнаваемости индийских компаний на российском рынке. Услуги по организации отдыха российских туристов в Индии составляют значительную долю, обусловленную, среди прочего, ростом популярности Индии как туристиче-

ского направления благодаря ее богатому культурному наследию, экзотической природе и сравнительно невысокой стоимости путешествий. Этот сегмент рынка активно развивается, и прогнозируется дальнейший рост с учетом повышения доступности авиаперелетов, расширения туристической инфраструктуры в Индии и возможной отмене визового режима между странами в будущем. Параллельно существенный вклад в импорт услуг вносит строительный сектор. Российские компании, осуществляющие крупные проекты в Индии, активно сотрудничают с местными строительными фирмами. Местные компании обладают конкурентоспособными ценами и значительным опытом работы в сложных условиях, что позволяет эффективно реализовывать совместные проекты и повышать качество выполнения работ.

Другим приоритетным направлением индийско-российского экономического сотрудничества являются масштабные инфраструктурные проекты: программа развития индустриального коридора «Дели-Мумбаи», инициативы по созданию «умных городов», а также строительство новых грузовых транспортных коридоров. Индустриальный коридор «Дели-Мумбаи», например, представляет собой амбициозный проект по созданию высокоскоростной железнодорожной магистрали протяженностью более 1500 километров. Сейчас доставка грузов из Северной Индии в порты занимает около 14 суток, что существенно удорожает логистику. Новая железнодорожная линия значительно сократит эти сроки, позволяя индийским компаниям снизить издержки и повысить конкурентоспособность своей продукции на мировом рынке. Проект также предусматривает развитие сопутствующей инфраструктуры – логистических центров, промышленных парков и других объектов, что создаст дополнительные возможности для российских инвестиций и экспорта технологий. Прокладка трассы через шесть наиболее экономически развитых штатов Индии (на которые приходится около 45% ВВП страны) гарантирует высокую отдачу от инвестиций и обеспечит доступ к крупнейшим рынкам сбыта [Коновалова 2015].

Говоря о российско-индийских отношениях, нельзя не упомянуть сферу военно-технического сотрудничества. Несмотря на многочисленные сложности, экспорт российского вооружения и военной техники (ВВТ) в Индию остается на достаточно высоком уровне. Россия является крупнейшим поставщиком ВВТ в Индию с середины 1960-х гг., и сегодня оружие российского производства составляет основу боевого потенциала вооруженных сил этой страны. Согласно оценкам индийских официальных лиц, более 60% систем, состоящих на вооружении индийской

армии, было произведено в СССР или России. Это усиливает зависимость Индии от российской оборонной промышленности, поскольку для поддержания боеготовности национальной армии необходимы комплектующие, запасные части и принадлежности для ВВТ российского (советского) производства [Chaudhury 2020]. Другим перспективным направлением двустороннего военно-технического сотрудничества является дальнейшее развитие совместного производства авиационного, ракетного и другого высокотехнологичного вооружения. Имеющийся потенциал при совместной заинтересованности и усилиях обеих сторон, как представляется, позволит обеспечить успешное проектирование, испытания, производство и принятие на вооружение передовых образцов ВВТ мирового уровня.

Для укрепления экономического взаимодействия между Россией и Индией используется широкий спектр механизмов, включающих как государственные, так и общественные структуры. Межправительственный индийско-российский комитет по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству играет важную роль в развитии двусторонних экономических отношений на уровне межгосударственного взаимодействия. Наряду с этим Индийско-российский торгово-инвестиционный форум и Совет создают возможности для прямого общения и сотрудничества между представителями деловых кругов обеих стран.

К 2030 г. Россия и Индия планируют увеличить взаимный товарооборот до 100 млрд долл., как заявил заместитель министра экономического развития России Дмитрий Вольвач на XV Индийско-Российском бизнес-диалоге. Таким образом, торговые и экономические взаимоотношения России и Индии будут только расширяться. Это сотрудничество имеет потенциал для значительных результатов в увеличении двусторонней торговли, особенно с учетом изменений в макроэкономической ситуации и восприятия предпринимателей в обеих странах. Российские бизнесмены проявляют большой интерес к тенденциям индийского рынка и быстро адаптируются к развивающимся требованиям и возможностям Индии. В свою очередь, в индийских деловых кругах постепенно формируется стремление к изучению современной России. Эта перестройка открывает новые возможности для расширения торговли за пределами традиционных товаров и создания новых инвестиционных связей между двумя странами [Соколова 2020].

В рамках международного взаимодействия Россия и Индия планируют совместные проекты по разработке новых источни-

ков энергии, включая возобновляемые. Российские компании могут предложить свой опыт в строительстве АЭС, а также в разработке и производстве оборудования для нефтегазового сектора. В дорожном строительстве возможно совместное внедрение современных технологий дорожного строительства и ремонтно-восстановительных работ, что позволит Индии улучшить качество своей дорожной инфраструктуры [Шептухина 2016]. В целом российско-индийское партнерство в сфере услуг и инвестиций обещает быть взаимовыгодным и имеет огромный потенциал для дальнейшего развития, основанного на взаимном доверии и стремлении к совместному процветанию. Роль правительств обеих стран в создании благоприятного инвестиционного климата и снятии бюрократических барьеров будет играть ключевую роль в реализации этого потенциала.

В настоящее время наблюдается значительное увеличение роли индийских прямых инвестиций в экономике России. Причем интересен тот факт, что Индия расширяет свое присутствие не только в крупных городах, но и в регионах. Новым столпом в российско-индийских отношениях является российская сырая нефть и рафинированное топливо. Импорт этих продуктов из Индии вырос примерно с 4 млрд долл. США в 2019 г. до 6 млрд долл. США в 2023 г.

Следует отметить, что индийский капитал привлекает не только крупные компании, но и малый и средний бизнес, что способствует модернизации их технологической инфраструктуры. Создание совместных предприятий с участием передовых индийских компаний стимулирует инновационное развитие российских регионов.

Эти позитивные изменения в движении капитала будут способствовать укреплению двустороннего экономического сотрудничества. Учитывая, что Россия и Индия являются лидерами мировой экономики, совместные усилия этих стран лишь укрепят их позиции на международной арене.

Литература

- Галищева 2019 – Галищева Н.В. Взаимная торговля России и Индии: основные тенденции и проблемы // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 3. С. 60–73.
- Коновалова 2015 – Коновалова Ю.А. Российско-индийское торгово-экономическое сотрудничество на современном этапе // Интернет-журнал «Науковедение». 2015. Т. 7. № 2. DOI: 10.15862/157EVN215.

- Нефедова 2016 – *Нефедова Д.Н.* Судьба индийского кинематографа в России // Вестник ВГИК. 2016. Т. 8. № 4. С. 66–74.
- Соколова 2020 – *Соколова О.Ю.* Внешнеторговые связи Индии на современном этапе: особенности и тенденции развития // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2020. № 1 (80). С. 27–31.
- Сопилко 2015 – *Сопилко Н.Ю.* Производственные связи и региональная интеграция: теоретические аспекты. М.: Российский ун-т дружбы народов (РУДН), 2015. 235 с.
- Шептухина 2016 – *Шептухина И.И.* Российско-индийские отношения на современном этапе // Актуальные проблемы и тенденции развития современной экономики: Материалы междунар. научно-практич. конф. Самара, 2016. С. 464–468.
- Chaudhury 2020 – *Chaudhury D.* More than 60–70% of India Armed Forces Equipped with Russian Origin Weapons: Indian Envoy // *Economic Times*. 2020. Vol. 11.
- Korybko, Morozov 2020 – *Korybko A., Morozov V.M.* The prospects of Russia and India jointly leading a new non-aligned movement // *MGIMO review of international relations*. 2020. № 13 (2). С. 94–122.
- Kulik 2023 – *Kulik L.* Russia-India Economic Cooperation: Current Trends and Promising Directions // *MGIMO Review of International Relations*. 2023. № 16 (2). P. 159-175.
- Sharma, Cyril 2024 – *Sharma A., Cyril M.* India-Russia Economic Partnership: Strengthening Ties Across Trade and Investment // *India Briefing*. URL: <https://www.india-briefing.com/news/india-russia-economic-partnership-trade-and-investment-maritime-developments-35233.html/> (дата обращения 13 февраля 2025).
- Warren, Ganguly 2022 – *Warren S., Ganguly S.* India–Russia Relations after Ukraine // *Asian Survey*. 2022. Vol. 62 (5–6). P. 811-837.

References

- Chaudhury, D. (2020), “More than 60–70% of India’s Armed Forces Equipped with Russian-Origin Weapons: Indian Envoy”, *Economic Times*, vol. 11.
- Galisheva, N.V. (2019), “Mutual trade between Russia and India: key issues and prospects”, *Russian Foreign Economic Bulletin*, no. 3, pp. 60-73.
- Konovalova, Yu.A. (2015), “Present condition of Russia and India trade and economic cooperation”, *Naukovedenie*, vol. 7, no. 2, DOI: 10.15862/157EVN215.
- Korybko, A. and Morozov, V.M. (2020), “The prospects of Russia and India jointly leading a new non-aligned movement”, *MGIMO Review of International Relations*, no. 13 (2), pp. 94-122.
- Kulik, L. (2023), “Russia-India economic cooperation. Current trends and promising directions”, *MGIMO Review of International Relations*, no. 16 (2), pp. 159-175.
- Nefyodova, D.N. (2016), “Destiny of Indian cinema in Russia”, *Vestnik VGIK*. vol. 8, no. 4, pp. 66-74.
- Sharma, Cyril 2024 – Sharma, A. and Cyril, M. (024), “India-Russia Economic Partnership: Strengthening Ties Across Trade and Investment”, *India Briefing*, available at: <https://www.india-briefing.com/news/india-russia-economic-partnership-trade-and-investment-maritime-developments-35233.html/> (Accessed 13 February 2025).

- Sheptukhina, I.I. (2016), "Russian-Indian Relations at the Present Stage", *Aktual'nye problemy i tendentsii razvitiya sovremennoi ehkonomiki: Materially mezhdunar. nauchno-praktich. konf.* [Current Issues and Trends in the Development of Modern Economy. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference], Samara, Russia, pp. 464-468.
- Sokolova, O.Yu. (2020), "India's place in global trade: current status and development trends", *Bulletin of Saratov State Socio-Economic University*, no. 1 (80), pp. 27–31.
- Sopilko, N.Yu. (2015), *Proizvodstvennye svyazi i regional'naya integratsiya: teoreticheskie aspekty* [Production ties and regional integration: theoretical aspects], RUDN, Moscow, Russia.
- Warren, S. and Ganguly, S. (2022), "India-Russia relations after Ukraine", *Asian Survey*, vol. 62 (5–6), pp. 811-837.

Информация об авторах

Евгений В. Васильев, Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Нахимовский пр., д. 32; vasiliev@iccaras.ru

Елена А. Исаева, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинский пр-т., д. 65; isaeva.e@gubkin.ru

Ирина А. Лукашова, Онлайн-школа индийских языков «Хинди гуру», Москва, Россия; эл. адрес: <https://hindiguru.ru/>; ilukashowa@gmail.com

Information about the authors

Evgeny V. Vasiliev, Russian Academy of Sciences Institute of China and Contemporary Asia, Moscow, Russia; bld. 32, Nakhimovskii Avenue, Moscow, Russia, 117997; vasiliev@iccaras.ru

Elena A. Isaeva, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University), Moscow, Russia; bld. 65, Leninskii Avenue, Moscow, Russia, 119991; isaeva.e@gubkin.ru

Irina A. Lukashova, Hindi Guru Indian Language School, Moscow, Russia; URL: <https://hindiguru.ru/>; ilukashowa@gmail.com

Китай как драйвер трансрегиональных экономических процессов в Евразии

Татьяна И. Кузьмина

*Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Москва, Россия, kuzmina.ti@rea.ru*

Мария А. Чавыкина

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, mariya-chavykina@mail.ru*

Даниил А. Потапов

*Российский государственный гуманитарный университет
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Москва, Россия, potapov.dpeng@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли Китая в трансрегиональных экономических процессах в Евразии. Актуальность темы обусловлена, с одной стороны, тем, что экономика КНР сегодня обеспечивает более 30% глобального роста, с другой – обострением американо-китайского соперничества, ужесточением западных санкций и, как следствие, падением спроса на американском и европейском рынках, которые замедляют внешнюю торговлю Китая. Цель статьи – проанализировать торгово-инвестиционные отношения между КНР и ЕАЭС, ССАГПЗ, АСЕАН и ШОС. Статистическая база исследования опирается на данные ООН, МВФ, ЮНКТАД, Банка развития Китая. Для анализа влияния Китая в рамках институционального измерения предложена модель трансрегиональных экономических связей. Показано, что в настоящее время КНР сталкивается с тем, что Америка и Европа стремятся перестроить цепочки поставок, создавая альтернативные транспортные коридоры, которые могут ограничить возможности КНР по влиянию на трансрегиональные связи. В заключении обосновывается вывод, что китайские проекты под эгидой инициативы «Один пояс – один путь» сегодня успешно реализуются и способствуют формированию трансрегиональных экономических связей в Евразии, несмотря на определенные разногласия как на региональном, так и глобальном уровне.

Ключевые слова: региональная экономическая интеграция, межрегионализм, Китай, ЕАЭС, АСЕАН, ШОС, ССАГПЗ

Для цитирования: Кузьмина Т.И., Чавыкина М.А., Потапов Д.А. Китай как драйвер трансрегиональных экономических процессов в Евразии // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2025. № 3. С. 171–190. DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-171-190

China as the driver for transregional economic processes in Eurasia

Tatyana I. Kuzmina

*Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia, kuzmina.ti@rea.ru*

Mariya A. Chavykina

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, mariya-chavykina@mail.ru*

Daniil A. Potapov

*Russian State University for the Humanities
Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia, potapov.dpeng@gmail.com*

Abstract. This article deals with the study of China's role in trans-regional economic processes in the Eurasian space. The topic has become relevant, on the one hand, due to the fact that the Chinese economy today provides more than 30 percent of global growth and on the other hand, the intensification of US–Chinese rivalry, tightening Western economic sanctions and, as a result, falling demand in the American and European markets – slow down China's foreign trade. The purpose of the article is to analyse trade and investment relations between China and EAEU, GCC, ASEAN and SCO. The statistical base of the study is based is premised on data from the United Nations, the IMF, UNCTAD, Development Bank of China. A model of trans-regional economic ties is proposed to analyse China's influence within the institutional dimension. The article shows that China is currently facing the fact that America and Europe are seeking to rebuild supply chains by creating alternative transport corridors that may limit China's ability to influence trans-regional ties. In conclusion, it is justified that Chinese projects under the aegis of the 'One Belt, One Road' Initiative are being successfully implemented today and contribute to the formation of trans-regional economic ties in Eurasia, despite certain disagreements both at the regional and global levels.

Keywords: regional economic integration, China, EAEU, ASEAN, SCO, GCC

For citation: Kuzmina, T.I., Chavykina, M.A. and Potapov, D.A. (2025), "China as the driver for transregional economic processes in Eurasia", *RSUH/ RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 3, pp. 171-190, DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-171-190

Введение

Экономические процессы на пространстве Евразии, как и в других частях мира, испытали серьезное влияние кризиса, вызванного пандемией COVID–19, в частности, сбои в глобальных цепочках поставок, а в настоящее время набирающего оборот противостояние между коллективным Западом, с одной стороны, и Китаем и Россией, с другой. Экономический кризис и геополитическое противостояние обнажили и обострили процессы эрозии мировой экономики как на региональном, так и глобальном уровне. Среди ключевых характеристик данного процесса следует выделить: во-первых, истощение потенциала экономического роста, основанного на либеральной Бреттон-Вудской модели стимулирования потребления; во-вторых, разобщенность мирового сообщества и неэффективность межгосударственных институтов; в-третьих, усиление тенденций протекционизма в рамках международной торговли [Халова, Иллерицкий 2021], а также изменение формата международного взаимодействия. Мировой ВВП в 2020 г. снизился на 3,1%, при этом в развитых странах снижение составило 4,5%, в т. ч. для стран Еврозоны наблюдалось падение 6,3%. Несколько лучшая динамика наблюдалась в развивающихся странах, падение составило 2,1% за счет роста ВВП Китая¹. Изменения динамики развития мировой экономики можно проследить по показателям ВВП (табл. 1).

На основании данных табл. 1 можно сделать вывод, что после острой фазы пандемии COVID–19 в 2019–2020 гг. многие страны перешли в фазу восстановительного роста в 2021–2022 гг. Обратной стороной подобных действий стало увеличение темпов инфляции во всех странах мира. Если в допандемийный период (2017–2019 гг.) она составляла 3,5%, то в 2022 г. она уже достигла 8,8%. В связи с чем встал вопрос о необходимости пересмотра денежно-кредитной политики в сторону ужесточения, что потенциально может затормозить восстановление экономики. Прогнозировалось, что в 2024 г. темпы роста мировой экономики составят 2,4%, что отражает замедление по сравнению

¹ World Economic Outlook: Recovery During a Pandemic (October 2021) // International Monetary Fund. 2021. P. 9–10. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/10/12/world-economic-outlook-october-2021> (дата обращения 10 марта 2023).

Таблица 1

Динамика изменения ВВП в период с 2019 по 2023 г. (%)

Экономические группы и регионы	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Мир	2,8	–3,1	6,2	3,4	2,9
Развитые страны	1,7	–4,5	5,4	2,7	1,2
Еврозона	1,5	–6,3	5,3	3,5	0,7
США	2,3	–3,4	5,9	2,0	1,4
Развивающиеся страны	3,7	–2,1	6,7	3,9	4,0
КНР	6,0	2,3	8,4	3,0	5,2
Россия	2,0	–3,0	4,7	–2,2	0,3
АСЕАН-5	4,9	–3,4	3,8	5,2	4,3

Источник: составлено по данным МВФ².

с 2,7% в 2023 г.³ Возможным треком для содействия стабильному экономическому росту при ужесточении денежно-кредитной политики является дальнейшее развитие региональных и межрегиональных экономических связей, а также региональной интеграции. В рамках Евразии подобный трек может получить выражение в виде углубления трансрегионального сотрудничества, а Китай может выступить в качестве основного актора и сыграть в этом процессе позитивную роль.

Обзор литературы и источников

В последнее время отмечается значительное количество трудов, посвященных исследованию роли КНР в рамках интеграционных процессов в Евразии. Важной работой можно назвать монографию «Механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследования и прогнозы» [Ли, Воскресен-

² World Economic Outlook: Inflation Peaking amid Low Growth. (January 2023) // International Monetary Fund. 2023. P. 4-6. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2023/01/31/world-economic-outlook-update-january-2023> (дата обращения 10 января 2023).

³ Темпы роста мировой экономики в 2024 году замедлятся до 2,4 процента // ООН. 04.01.2024. URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/01/1448302> (дата обращения 5 января 2024).

ский 2016] под редакцией Ли Сина и А.Д. Воскресенского, в рамках которой целый раздел посвящен анализу инициативы «Экономического пояса Шелкового пути». Ученые отмечают, что в процессе реализации транспортного коридора из Китая через Евразию в направлении Европы в рамках инициативы одной из целей является нивелирование разницы в уровне развития Северо-Западных и Юго-Восточных прибрежных территорий Китая.

В монографии «Конкурирующие модели и современные тенденции восточноазиатского и азиатско-тихоокеанского регионализма», посвященной внешней политике КНР и восточноазиатскому регионализму, отмечается, что инициатива «Один пояс – один путь» является результатом эволюционных изменений в рамках китайской внешней политики от ограниченного участия в интеграционных процессах до высокой степени вовлеченности в них и выдвижением собственных интеграционных инициатив [Севастьянов и др. 2014].

В контексте роли Китая в рамках интеграционных процессов в АТР и Евразии, Воскресенский А.Д. в одной из своих работ [Воскресенский 2018] отмечает, что, несмотря на возросшую роль Китая для экономик АТР и Евразии, говорить о полном доминировании КНР в экономических процессах невозможно. При этом КНР активно создает различные межрегиональные форматы и инициативы, в том числе в рамках инициативы «Один пояс – один путь», для расширения своего экономического влияния. По его мнению, скорее можно сделать вывод о набирающей обороты конкуренции Китая и США в геополитической и геоэкономической сферах в рамках АТР и Евразии.

Таким образом, учитывая рассмотренные позиции отечественных и зарубежных ученых, важно подчеркнуть, что дальнейший анализ влияния КНР на трансрегиональные экономические связи будет исходить из позиции, что процесс геоэкономической экспансии Китая и наращивания экономических связей, который подчинен внутренним целям развития Китая, также стимулирует межрегиональные связи. Благодаря этому страны могут обеспечить себе возможность диверсификации экономических связей для балансирования влияния Китая.

КНР в трансрегиональных экономических связях в Евразии

Роль Китая в развитии трансрегиональных процессов [Кузнецов 2017] в Евразии целесообразно проанализировать посредством экономического и институционального измерений. Рассмотрим трансрегиональные экономические связи в Евразии как единый комплекс между всеми субъектами – региональными интеграционными объединениями и странами из регионов Ближнего Востока, Центральной, Южной, Юго-Восточной, Северо-Восточной Азии и региона СНГ. В институциональном измерении можно представить трансрегиональный комплекс в Евразии следующей моделью (рис. 1).

Предлагаемая модель не учитывает интенсивность связей. В рамках такой модели евразийского трансрегионального пространства КНР имеет плотные межгосударственные экономические связи со странами разных регионов, в том числе в рамках инициативы «Один пояс – один путь» [Лю, Авдокушин 2019], а также связи с региональными интеграционными объединениями и региональными организациями (в случае ШОС КНР является членом организации). Далее на примерах взаимодействия КНР с АСЕАН, ЕАЭС и ССАГПЗ рассмотрим основные особенности данного комплекса экономических взаимосвязей.

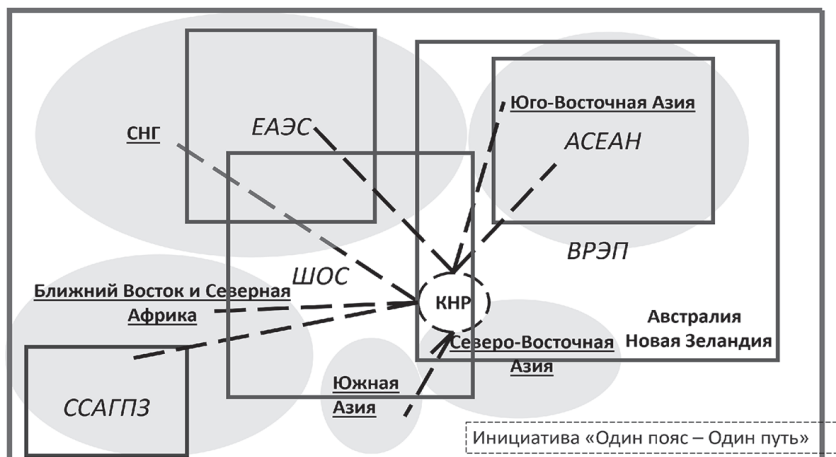

Рис. 1. Модель трансрегиональных связей на Евразийском пространстве

Примечания: Южная Азия – регион; ЕАЭС – региональные интеграционные объединения/международные организации/торговые соглашения. Источник: составлено авторами

Взаимодействие между КНР и АСЕАН идет как на двустороннем уровне – между КНР и отдельными странами объединения, так и в многостороннем формате – по линии КНР – АСЕАН, АСЕАН+1, АСЕАН+3 и др. В странах АСЕАН активно реализуются проекты инициативы «Один пояс – один путь» преимущественно в двустороннем формате, что обусловлено особенностями институционального устройства АСЕАН – крайне ограниченной наднациональной составляющей. В связи с этим большинство решений и планов по развитию инфраструктуры носят рекомендательный характер. Но, несмотря на это, в 2019 г. было подписано заявление о синергии плана о развитии транспортной инфраструктуры АСЕАН 2025 (*Master Plan on ASEAN Connectivity 2025*) с проектными инициативами «Один пояс – один путь».

Межрегиональные экономические связи между ЕАЭС и КНР динамично развиваются и получают институциональную основу. Свидетельством этого является реализация соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между КНР и ЕАЭС, подписанного в 2018 г. В структуре соглашения предусматривается развитие взаимодействия таможенных служб, сотрудничество для повышения транспарентности технических торговых барьеров, санитарных и фитосанитарных норм, стимулирование электронной коммерции. Помимо этого, КНР и ЕАЭС планируют углубить финансовое сотрудничество и взаимодействие между биржами⁴, что будет способствовать развитию сотрудничества в финансовой сфере.

Взаимодействие между КНР и ССАГПЗ в экономической сфере обладает достаточно высоким уровнем институализации, несмотря на отсутствие соглашения о зоне свободной торговли (ЗСТ). Важную роль в продвижении экономического взаимодействия играют Форум сотрудничества между КНР и Арабскими государствами, стратегический диалог между ССАГПЗ и Китаем, а также рамочное соглашение между КНР и ССАГПЗ, которое включает в себя сотрудничество в сфере экономики, торговли, инвестиций и технологий [Narutyunyan 2021]. В рамках инициативы «Один пояс – один путь» были созданы совместные инвестиционные фонды КНР-ОАЭ, КНР-Катар, КНР-Саудовская Аравия, объем каждого из которых составляет до 20 млрд долл.

⁴ ЕАЭС и Китай выразили взаимный интерес к развитию сотрудничества между биржами // ЕАЭС. 17.02.2023. URL: <https://eaeunion.org/news/eaes-i-kitay-vyrazili-vzaimnyy-interes-k-razvitiyu-sotrudnichestva-mezhdu-birzhami/> (дата обращения 7 апреля 2023).

США. Помимо этого, в рамках проекта “*Industrial Park – Connecting ports, Two-Wheel and Two-Wing Approach*” запланировано создание китайских индустриальных парков в Египте, Саудовской Аравии, ОАЭ и Омане в районе ключевых морских портов [Нагу-туануан 2021]. Вышеуказанные примеры иллюстрируют, что Китай развивает не только торговые, но и производственные связи со странами ССАГПЗ.

Несмотря на высокую интенсивность взаимодействия между Китаем и регионами Евразии, ключевым фактором, на основании которого можно рассматривать модель трансрегиональных экономических связей, является активное развитие торгового и экономического сотрудничества между региональными интеграционными объединениями. Например, в 2018 г. ЕАЭС и АСЕАН заключили меморандум о взаимопонимании в области экономического сотрудничества и была принята соответствующая программа до 2025 г. для реализации заявленных целей. ЕАЭС заключил соглашения о ЗСТ с Вьетнамом, Сингапуром, Ираном, проводит переговоры с Индонезией и ОАЭ [Березина 2021]. ССАГПЗ имеет тесные связи с АСЕАН на основании общего видения АСЕАН-ССАГПЗ от 2009 г., а также меморандума о взаимопонимании между секретариатами организаций. Несмотря на отсутствие непосредственного соглашения о ЗСТ между АСЕАН и ССАГПЗ, вступившее в силу в 2013 г. соглашение между ССАГПЗ и Сингапуром создает возможности для углубления экономических связей на межрегиональном уровне⁵. В целом за период с 2016 по 2020 гг. суммарный товарооборот составил более 270 млрд долл. США, а объем инвестиционных операций из стран Персидского залива в АСЕАН более 13,4 млрд долл. США, из стран АСЕАН в ССАГПЗ более 3,5 млрд долл. США⁶. Ключевыми инвесторами являются ОАЭ и Сингапур соответственно. Также в контексте межрегиональных связей ССАГПЗ стоит упомянуть попытки подписания соглашений по созданию ЗСТ со странами Азиатско-тихоокеанского региона – Китаем, Новой Зеландией, Австралией, Южной Кореей.

⁵ The GCC-Singapore Free Trade Agreement: Opportunities for Gulf Businesses in ASEAN. ASEAN Briefing. 02.09.2022. URL: <https://www.aseanbriefing.com/news/the-gcc-singapore-free-trade-agreement/> (дата обращения 7 марта 2023).

⁶ Uncharted Territory: Deepening trade and investment between ASEAN and the GCC // The Economist Group. 2021. URL: https://impact.economist.com/perspectives/sites/default/files/ei-dcci_asean_report_21st_november_2021_web.pdf (дата обращения 7 марта 2023).

*Влияние Китая на трансрегиональные
экономические связи в Евразии:
институциональное измерение*

Влияние КНР на трансрегиональные экономические процессы в институциональном измерении осуществляется через три основные направления: инициатива «Один пояс – один путь» [Потапов 2022], расширение ШОС и развитие ее экономической повестки, активное развитие двухсторонних экономических отношений со странами Евразии. В первую очередь это касается двухсторонних отношений, где наиболее показательным будет анализ существующих соглашений о ЗСТ и переговоров по ним на основе уже имеющихся соглашений между КНР и партнерами (табл. 2).

Таблица 2

Соглашения о ЗСТ между Китаем и его торговыми партнерами

Действующие		В процессе переговоров	
Партнер	Дата вступления в силу	Партнер	Дата последних переговоров
Камбоджа	01.01.2022	ССАГПЗ	19–21.12.2016
Южная Корея	20.12.2015	Япония и Южная Корея	23.12.2019
Сингапур	23.10.2008	Израиль	18–21.11.2019
Пакистан	10.10.2009	Норвегия	11.03.2021
Австралия	20.12.2015	Молдавия	29.12.2017
Грузия	01.01.2018	Шри-Ланка	16–19.01.2017
Мальдивы	07.12.2017		

Источник: составлено на основе данных Министерства коммерции КНР⁷.

Как видно из табл. 3, КНР имеет небольшое количество двусторонних договоров о создании ЗСТ. Однако Китай активно углубляет торговые связи через присоединение к региональным договорам (например, ВРЭП). Также в последние

⁷ China FTA Network // Ministry of Commerce PRC. URL: <http://fta.mofcom.gov.cn/topic/enpakistanphase.shtml> (дата обращения 8 марта 2023).

годы альтернативным механизмом, способствующим углублению торгового и экономического сотрудничества КНР, является меморандум по сотрудничеству в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Среди условий меморандумов могут содержаться не только инвестиции в инфраструктурные проекты, но и создание особых экономических и промышленных зон с льготными налоговыми и таможенными условиями для размещения китайских предприятий. На начало 2023 г. соглашения о сотрудничестве подписаны с 151 государством и 32 международными организациями.

В качестве следующего трека следует отметить деятельность ШОС, где КНР является одним из основателей и одним из самых влиятельных ее членов. В последнее десятилетие в ШОС был взят курс на включение новых стран и выход сотрудничества за рамки исключительно Центральной Азии. С момента основания организации к Китаю, России и странам Центральной Азии присоединились Индия, Пакистан и Иран. Помимо этого, в качестве наблюдателей присутствуют Афганистан, Белоруссия и Монголия. Кроме расширения состава ШОС, другим важным вектором развития организации является экономическое сотрудничество. Для адаптации к современным процессам и тенденциям, происходящим в системе международных отношений и мировой экономике ШОС, изначально ориентированная на решение проблем безопасности, в 2019 г. приняла Программу многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов организации до 2035 г. Среди наиболее важных решений, которые должны содействовать экономическому сотрудничеству были заявлены: выявление барьеров и ограничений в торговле и последовательное упрощение процедур взаимной торговли и осуществления инвестиций; расширение сотрудничества в сфере электронной торговли; обеспечение возможности проведения расчетов в рамках прямых межбанковских отношений и расширение практики использования национальных валют во взаиморасчетах между государствами-членами ШОС; развитие механизмов для финансового сотрудничества в рамках ШОС, включая изучение возможности создания Банка развития ШОС и Фонда развития (Специального счета) ШОС; сотрудничество в целях сбалансированного развития эффективной транспортной инфраструктуры для обеспечения устойчивого экономического роста и др.

*Влияние Китая на трансрегиональные
экономические связи в Евразии: экономическое,
торговое и финансовое измерение*

Для более глубокого понимания степени влияния КНР на трансрегиональные экономические процессы в Евразии в табл. 3 проведены сводные данные по объему товарооборота отдельных стран и интеграционных объединений.

Таблица 3

Товарооборот некоторых стран, региональных интеграционных объединений и место Китая среди торговых партнеров

РИО/страны	Товарооборот в 2022 г., млрд долл. США*		Доля КНР в общем товарообороте, %		Место КНР в товарообороте
	с Китаем	Общий	2022 г.	2021 г.	2022 г.
АСЕАН	1066,09	3830,42	27,83	18,77	1
Бруней	3,12	23,41	13,32	15,69	1
Вьетнам	222,76	729,60	30,53	24,87	1
Индонезия	140,14	529,45	26,47	25,71	1
Камбоджа	13,54	50,37	26,87	24,62	1
Лаос	4,43	14,26	31,06	26,29	1
Малайзия	172,53	646,71	26,68	18,91	1
Мьянма	9,56	34,49	27,71	27,09	1
Сингапур	299,42	991,18	30,21	14,16	1
Таиланд	136,00	586,14	23,20	19,20	1
Филиппины	64,60	224,81	28,73	20,23	1
ССАГПЗ	380,42	2083,82	18,26	16,10	1
Бахрейн	2,42	45,32	5,34	5,66	4
Катар	29,70	163,01	18,22	13,01	1
КСА	128,02	613,90	20,85	19,00	1
Кувейт	21,79	138,77	15,70	22,83	1
ОАЭ	171,62	1023,03	16,78	12,25	1
Оман	26,87	99,78	26,93	26,79	1
ШОС	430,27	2371,28	18,14	34,91	1

Окончание табл. 3

РИО/страны	Товaroоборот в 2022 г., млрд долл. США*		Доля КНР в общем товaroобороте, %		Место КНР в товaroобороте
	с Китаем	Общий	2022 г.	2021 г.	2022 г.
Иран	38,72	123,64	31,32	33,28	1
Казахстан	24,35	134,44	18,12	24,23	1
Киргизия	4,20	11,82	35,56	53,20	1
Пакистан	20,40	102,92	19,83	24,06	1
Таджикистан	1,83	7,32	24,96	24,71	1
Узбекистан	9,57	43,55	21,97	19,36	1
ЕАЭС	195,60	986,03	19,84	25,85	1
Армения	2,14	13,94	15,34	13,19	2
Беларусь	6,57	63,49	10,35	6,27	3
Россия	158,34	762,35	20,77	28,64	1

* *Примечание:* данные из источника рассматривают КНР, Гонконг, Макао и Тайвань как отдельные экономические субъекты, в рамках исследования они рассматриваются как одно целое. Полужирным шрифтом выделены страны, для которых доля Китая в структуре товарооборота в 2022 г. выросла по отношению к 2021 г.

Источник: составлено на основе данных *Observatory of Economic Complexity*⁸, *ASEANStatsData*⁹ и *UNCTAD*¹⁰.

Для большинства стран Китай занимает место крупнейшего торгового партнера (табл. 5). Помимо этого, для большинства стран доля КНР в структуре внешней торговли выросла в 2022 г. по сравнению с 2021 г. и в среднем составила более 20% в рамках выборки. Однако оценивать степень взаимосвязанности между КНР и странами Евразии, основываясь исключительно на взаимном торговом обороте недостаточно. Для более полной картины, необходимо оценить объемы накопленных прямых иностранных инвестиций КНР в страны АСЕАН, ЕАЭС и ССАГПЗ (табл. 4).

⁸ Observatory of Economic Complexity. URL: <https://oec.world/en> (дата обращения 1 марта 2023).

⁹ Trade in Goods, Annually. ASEANStatsDataPortal. URL: <https://data.aseanstats.org/trade-annually> (дата обращения 1 марта 2023).

¹⁰ Merchandise trade matrix in thousands United States dollars, annual. UNCTAD STAT. 2023. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (дата обращения 1 сентября 2023).

Таблица 4

Объем накопленных ПИИ КНР в АСЕАН, ЕАЭС и ССАГПЗ,
в млн долл. США

РИО/Страны	2019 г.	2020 г.	2021 г.
АСЕАН	109 891,2	127 602,9	140281
Бруней	426,96	388,12	96,28
Вьетнам	7073,71	8574,56	10852,11
Индонезия	15132,55	17928,83	20080,48
Камбоджа	6463,70	7038,52	6965,59
Лаос	8249,59	10201,42	9939,74
Малайзия	7923,69	10211,84	10355,15
Мьянма	4134,45	3809,04	3988,21
Сингапур	52636,56	59857,85	67202,28
Таиланд	7185,85	8825,55	9917,21
Филиппины	664,09	767,13	883,90
ССАГПЗ	11643,91	13989,81	15432,14
Бахрейн	70,74	70,94	134,69
Катар	458,92	618,51	789,46
КСА	2527,73	2930,91	3524,19
Кувейт	834,51	849,23	853,56
ОАЭ	7635,67	9283,24	9844,94
Оман	116,34	236,98	285,30
ШОС	38264,11	37469,73	38521,64
Индия	3610,09	3183,31	3518,89
Иран	3055,62	3527,24	3419,97
Казахстан	7254,13	5869,37	7487,43
Киргизия	1550,03	1767,33	1531,42
Пакистан	4797,98	6218,94	7485,38
Таджикистан	1946,08	1568,01	1627,22

Окончание табл. 4

РИО/Страны	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Узбекистан	3246,21	3264,64	2807,22
ЕАЭС	22272,82	20327,12	20336,03
Армения	12,89	12,25	27,02
Беларусь	651,80	607,28	646,05
Россия	12803,97	12070,89	10644,11

Источник: составлено на основе данных Министерства коммерции КНР¹¹.

Рассматривая представленные данные, можно сделать несколько выводов. Во-первых, основными направлениями инвестиционной активности КНР являются страны Юго-Восточной Азии, в первую очередь Сингапур, Индонезия, Вьетнам, Малайзия, Таиланд и Лаос. В рамках других интеграционных объединений приоритетными направлениями являются Россия, ОАЭ, Саудовская Аравия, Казахстан, Пакистан. Во-вторых, можно выделить ряд стран, в которые Китай вложил значительно меньше инвестиций (менее 1 млрд долл. США) – Бруней, Филиппины, Оман, Бахрейн, Катар, Кувейт, Армения, Беларусь. С одной стороны, такую особенность можно связать с небольшим размером экономик данных стран (исключение здесь представляют Филиппины), с другой, с тем, что данные страны не имеют такого значительного числа производственных цепочек, связывающих их с Китаем.

На основании приведенных данных по инвестициям можно сделать вывод, что КНР играет роль одного из крупнейших инвесторов для стран Евразии, хотя для отдельных стран доля Китая в структуре накопленных инвестиций составляет менее 5%, (Армения – 0,08%, Россия – 0,41%, Беларусь – 3,9%, Казахстан – 4,1%, Бахрейн – 4,2%).

Можно констатировать, что КНР может оказывать стимулирующее влияние на трансрегиональные экономические связи

¹¹ 2021 年度中国对外直接投资统计公报 (2021 Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment) // 中华人民共和国商务部 (Ministry of Commerce of the People's Republic of China). URL: <http://images.mofcom.gov.cn/fec/202211/20221118091910924.pdf> (дата обращения 5 марта 2023).

на пространстве Евразии с помощью двусторонних и многосторонних форматов сотрудничества. Развитие трансрегиональных связей в Евразии является важным для КНР со стратегической точки зрения на фоне ухудшения его взаимоотношений с ЕС и США, которые долгое время были ее крупнейшими экономическими партнерами. В экономической плоскости конфликт между Китаем и Западом выражается не только в снижении объемов торговли, но и изменении производственных цепочек добавленной стоимости в связи с тенденцией к релокации производств западных компаний из Китая, а также введением технологических санкций против Китая. С учетом этого, переориентация Китая на Евразию и формирование новых производственных и экономических цепочек в рамках трансрегиональных связей с помощью реализации инициативы «Один пояс – один путь» в ближайшее время может стать одним из ключевых направлений внешнеэкономической политики Китая. Отчасти подтверждает данную гипотезу наметившийся за последние годы тренд на снижение доли США и ЕС в торговле с КНР и увеличением доли стран АСЕАН (табл. 5). На конец 2022 г. доля региональных интеграционных объединений Евразии (ССАГПЗ, АСЕАН, ШОС, ЕАЭС) во внешней торговле КНР практически сравнялась с долей США и ЕС (24,3% и 24,6% соответственно).

Таблица 5

Доля ключевых торговых партнеров в структуре торговли КНР, %

Торговый партнер	2018 г.	2021 г.	2022 г.
США	13,8	12,5	11,5
ЕС	14,8	13,7	13,1
АСЕАН	12,6	14,5	12,5
Россия	2,2	2,4	2,4
Южная Корея	6,8	6,0	5,5
Япония	7,1	6,1	5,3

Источник: составлено по данным UNCTAD¹² и Министерства коммерции КНР.

¹² Merchandise trade matrix in thousands United States dollars, annual // UNCTAD STAT. 2023. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (дата обращения 1 сентября 2023).

Факторы, ограничивающие влияние КНР на трансрегиональные экономические процессы в Евразии

В процессе исследования роли Китая в трансрегиональных экономических процессах в Евразии нельзя не учитывать фактор внешних игроков и конкуренции с их проектами и инициативами. В первую очередь альтернативные Китаю проекты экономического сотрудничества выдвигают США и Япония. Например, проект Транстихоокеанского партнерства в его изначальной конфигурации (в январе 2017 г. США вышли из соглашения), и «Стратегия свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (*Free and Open Indo-Pacific Strategy – FOIP*), выдвинутая Японией в 2016 г. и активно поддерживаемая Индией и США. *FOIP* географически пересекается с инициативой «Один пояс – один путь» в регионах Юго-Восточной, Южной Азии, Ближнего Востока и Восточной Африки, так как запланировано создание экономических коридоров «Восток–Запад», Южного коридора и Северного коридора в Восточной Африке. С помощью двусторонних и многосторонних форматов западные страны поддерживают реализацию данной инициативы. Проиллюстрировать это можно на примерах трехсторонней инфраструктурной инициативы Японии, США и Австралии, предложенной в 2018 г. (в рамках данной инициативы США предоставили около 60 млрд долл. США, а Австралия порядка 1,7 млрд долл. США для развития инфраструктуры) и «Партнерство ЕС-Япония для устойчивого объединения и высококачественной инфраструктуры» (*EU-Japan Partnership on Sustainable Connectivity and Quality Infrastructure*), в рамках которого ЕС готов предоставить 60 млрд евро для развития инфраструктуры в Азиатско-тихоокеанском регионе.

К основным социальным и экономическим проблемам, с которыми КНР сталкивается на текущем этапе, можно отнести следующие: замедление темпов роста экономики; перегрев рынка недвижимости; старение населения; низкий уровень рождаемости; проблема устойчивости к эпидемиологическим угрозам; обеспечение продовольственной и технологической безопасности; геополитическое противостояние с США; проблема перехода на «зеленые источники энергии» [Авдокушин 2022]. Среди вышеперечисленных проблем непосредственное влияние на роль Китая в трансрегиональных процессах Евразии оказывает противостояние с США. Остальные вызовы оказывают опосредованное влияние, так как, являясь структурными проблемами китайской экономики, требуют направления значительного

количества ресурсов для их решения, что снижает потенциал КНР в рамках трансрегионального экономического сотрудничества и торговли.

Затрагивая геополитическое противостояние КНР и США, необходимо подчеркнуть, что оно носит системный многогранный характер, так как включает экономическую, технологическую, военно-политическую и информационную сферы. Главным следствием противостояния в контексте трансрегиональных экономических процессов является выдвигание США альтернативных «Одному поясу – Одному пути» трансрегиональных инициатив (инициатива G-7 *“Build Back Better World”*) и поддержка инициатив партнеров (например, японской стратегии *“Free and Open Indo-Pacific”*).

Выводы

Рассматривая роль Китая в рамках трансрегиональных экономических процессов в Евразии, необходимо отметить следующее. Во-первых, КНР имеет развитые торговые и инвестиционные связи со всеми регионами Евразии. Такой уровень взаимосвязи является фундаментом для углубления межрегионального и трансрегионального экономического сотрудничества. Во-вторых, КНР активно развивает различные институты и механизмы для межрегионального и трансрегионального взаимодействия, которые можно структурировать следующим образом: двустороннее сотрудничество между Китаем и региональными интеграционными организациями (АСЕАН, ЕАЭС, ШОС и ССГАПЗ); региональные и межрегиональные финансовые институты для осуществления инвестиционного и финансового сотрудничества, в частности АБИИ, Фонд Шелкового пути, Новый банк развития БРИКС и др.; институтом, связывающим выше указанные форматы, и предлагающим возможности для межрегионального сотрудничества между региональными интеграционными объединениями и организациями разных регионов мира, является инициатива «Один пояс – один путь».

В контексте перспектив дальнейшего развития трансрегиональных экономических процессов в Евразии можно предположить следующее. Во-первых, роль Китая и создаваемых им институтов и форматов сотрудничества, в частности инициативы «Один пояс – один путь», будет оставаться центральной. Инициативу «Один пояс – один путь» можно рассматривать как рамочный формат для развития трансрегиональных экономических

связей. Однако и другие крупные экономики (США, Япония, ЕС) будут пытаться создавать альтернативные экономические проекты для межрегионального и трансрегионального сотрудничества. Во-вторых, не менее важным направлением развития будут межрегиональные связи между ЕАЭС, ШОС, ССАГПЗ и АСЕАН как на двустороннем уровне, так и в рамках «Одного пояса – одного пути».

Литература

- Авдокушин 2022 – *Авдокушин Е.Ф.* Развитие «социализма с китайской спецификой в новую эпоху»: К итогам XX съезда коммунистической партии Китая // Международная торговля и торговая политика. 2022. Т. 8. № 4 (32). С. 35–47.
- Березина 2021 – *Березина Е.К.* Особенности политико-правовых документов ЕАЭС с третьими странами// Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 15 (4). С. 61–66. URL: <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-04-61-66>.
- Воскресенский 2018 – *Воскресенский А.Д.* Новые тихоокеанские стратегии: возможность или реальность? Влияние «китайского фактора» на обстановку в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 3. С. 128–145.
- Кузнецов 2017 – *Кузнецов Д.А.* Дискуссии экспертов о перспективах и роли трансрегиональных проектов в Евразии: проблемы теоретического осмысления и практического воплощения. По итогам круглого стола «Трансрегионализм Евразии», X Конвент РАМИ, МГИМО МИД России, 8 декабря 2016 г. // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 2. С. 163–171.
- Ли, Воскресенский 2016 – *Ли Син, Воскресенский А.Д.* Механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследования и прогнозы. Пекин, 2016. 495 с.
- Лю, Авдокушин 2019 – *Лю И., Авдокушин Е.Ф.* Проект «Один пояс, один путь» 2.0 – стратегия стимулирования глобальной экспансии Китая // Мир новой экономики. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-odin-poyas-odin-put-2-0-strategiya-stimulirovaniya-globalnoy-ekspansii-kitaya> (дата обращения 12 мая 2023).
- Потапов 2022 – *Потапов Д.А.* Роль инициативы КНР «Один пояс – один путь» в контексте трансформации мировой экономики // Наука и искусство управления / Вестник Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. 2022. № 4. С. 116–128.
- Севастьянов и др. 2014 – *Севастьянов С.В., Азизян Р., Бобыло А.М. и др.* Конкурирующие модели и современные тенденции восточноазиатского и азиатско-тихоокеанского регионализма. Владивосток: Дальнаука, 2014. 360 с.
- Халова, Иллерицкий 2021 – *Халова Г.О., Иллерицкий Н.И.* Евразийское пространство в пост-кризисной мировой экономике и энергетике// Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. № 2. С. 126–134. URL: <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2021-2-126-134>.

Harutyunyan 2021 – Harutyunyan A. Chinese Belt and Road Initiative in the countries of the Gulf Cooperation Council// Bulletin of the Institute of Oriental Studies. 2021. Vol. 1. No. 2. P. 112–143. URL: http://www.orientcpnme.am/media/attachments/29/29__2021-12-29-09-36-36.pdf (дата обращения 13 мая 2024).

References

- Avdokushin, E.F. (2022), “The Development of ‘Socialism with Chinese Specifics in a New Era’: to the Results of the XX Congress of the Communist Party of China”, *International Trade and Trade Policy*, vol. 8, no. 4 (32), pp. 35–47.
- Berezina, E.K. (2021), “Specifics of the Political and Legal Documents of the EAEU with Third Countries”, *Eurasian Integration: economics, law, politics*, no. 15 (4), pp. 61–66. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-04-61-66>
- Harutyunyan, A. (2021), “Chinese Belt and Road Initiative in the countries of the Gulf Cooperation Council”, *Bulletin of the Institute of Oriental Studies*, vol. 1, no. 2, pp. 112–143, available at: http://www.orientcpnme.am/media/attachments/29/29__2021-12-29-09-36-36.pdf (Accessed 13 May 2024).
- Khalova, G.O. and Illeritskii, N.I. (2021), “Eurasia in post-crisis economy and energy”, *RSUH/RGGU Bulletin. Economics. Management. Law Series*, no. 2, pp. 126–134.
- Kuznetsov D.A. (2017), “Expert discussions on prospects and a role of transregional projects in Eurasia: From theory to practical implementation. Roundtable “Trans-regionalism in Eurasia”, X RISA Convention, MGIMO University, December 8, 2016”, *Comparative Politics, Russia*, vol. 8, no. 2, pp. 163–171.
- Li Xing and Voskressenskii, A.D. (2016), *Mekhanizmy transregional'nogo razvitiya Tsentral'noi Evrazii: issledovaniya i prognozy* [Mechanisms of Transregional Development of Central Eurasia. Research and Forecast], Beijing, China.
- Liu Yiju and Avdokushin, E.F. (2019), “‘One Belt One Road’ Project 2.0 – a strategy to stimulate China’s global expansion, *World of the new economy*, no. 13 (1), pp. 67–76, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-odin-poyas-odin-put-2-0-strategiya-stimulirovaniya-globalnoy-ekspansii-kitaya> (Accessed 12 May 2023).
- Potapov, D.A. (2022), The role of the ‘Belt and Road Initiative’ in the transformation of the world economy, *Science and Art of Management / Bulletin of the Institute of Economics, Management and Law of the Russian State University for the Humanities*, no. 4, P. 116–128.
- Sevastyanov, S.V., Azizyan, R., Bobylo, A.M. et al. (2014), *Konkuriruyushchie modeli i sovremennye tendentsii vostochnoaziatskogo i aziatsko-tikhookeanskogo regionalizma*. [Competing models and contemporary trends of East Asian and the Asia-Pacific regionalism], Dal'nauka, Vladivostok, Russia.
- Voskressenski, A.D. (2018), “New Pacific Strategies. Opportunity or Reality? Influence of the ‘Chinese Factor’ on the Situation in Eurasia and the Asia-Pacific Region”, *Comparative Politics Russia*, no. 3, pp. 128–145.

Информация об авторах

Татьяна И. Кузьмина, доктор экономических наук, профессор, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Стремянный переулок, д. 36; kuzmina.ti@rea.ru

Мария А. Чавыкина, кандидат экономических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; mariya-chavykina@mail.ru

Даниил А. Потапов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6;
аспирант, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Стремянный переулок, д. 36; potapov.dpeng@gmail.com

Information about authors

Tatyana I. Kuzmina, Dr. of Sci. (Economics), professor, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia; bld. 36, Stremyanniy Alleyway, Moscow, Russia, 117997; kuzmina.ti@rea.ru

Mariya A. Chavykina, Cand. of Sci. (Economics), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia 125047; mariya-chavykina@mail.ru

Daniil A. Potapov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia 125047;
postgraduate student, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia; bld. 36, Stremyanniy Alleyway, Moscow, Russia, 117997; potapov.dpeng@gmail.com

Влияние цифровой трансформации экономики на финансовую политику банков

Георгий А. Кузнецов

*Университет «Синергия»
Москва, Россия, gkuznetsov106@gmail.com*

Александр Ю. Анисимов

*Университет «Синергия»
Москва, Россия, anisimov_au@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию цифровой трансформации мировой и национальной финансовых систем и оценки влияния последствий цифровизации на финансовую политику банков как на макро-, так и на микроуровне. Выделение положительных и отрицательных эффектов цифровизации экономики позволяет найти новые подходы к оценке эффективности финансовой политики банков. Такая ситуация обуславливается тем, что для оценки эффективности финансовой политики необходимо правильно определить ожидаемый эффект от ее реализации.

Целью данного исследования является выявление основных эффектов от влияния цифровой трансформации экономики на финансовую политику банков. Задачами исследования являются: исследование цифровизации финансового, в том числе, банковского, сектора экономики; выделение тенденций, влияющих на банковский сектор; анализ динамики показателей, характеризующих цифровизацию банковского сектора российской экономики. Предметом исследования являются процессы трансформации финансовой системы и политики банков под воздействием цифровизации экономики.

Авторами, в процессе исследования, была применена следующая совокупность общенаучных методов: компаративный анализ источников, синтез научных знаний, статистические методы. Результатом исследования является перечень основных эффектов от внедрения цифровых технологий в финансовые процессы банков. Авторы делают вывод о том, что структура и динамика цифровых преобразований в экономике и, в том числе, мировой финансовой системе, напрямую влияют на трансформацию финансовой политики банков, как на макро-, так и на микроуровнях, это затрагивает и взаимодействие между элементами финансовой системы.

Ключевые слова: финансовая политика банков; мировая финансовая политика; мировая финансовая система; оценка финансовой политики; цифровая экономика

Для цитирования: Кузнецов Г.А., Анисимов А.Ю. Влияние цифровой трансформации экономики на финансовую политику банков // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2025. № 3. С. 191–206. DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-191-206

The impact of the digital transformation of the economy on the financial policy of banks

Georgy A. Kuznetsov

*Synergy University, Moscow, Russia
gkuznetsov106@gmail.com*

Aleksandr Yu. Anisimov

*Synergy University, Moscow, Russia
anisimov_au@mail.ru*

Abstract. The article deals with the study of the digital transformation of the global and national financial systems, and the assessment of the impact of digitalization on the financial policy of banks, both at the macro and micro levels. Highlighting the positive and negative effects of digitalization of the economy allows finding new approaches to assessing the effectiveness of the financial policy of banks. Such a situation is caused by the fact that in order to assess the effectiveness of financial policy, it is necessary to correctly determine the expected effect of its implementation. The purpose of the study is to identify the main effects of the influence of the digital transformation of the economy on the financial policy of banks. The objectives of the study are: to study the digitalization of the financial, including banking, sector of the economy; identifying trends affecting the banking sector; analysis of the dynamics of indicators characterizing the digitalization of the banking sector in the Russian economy. The subject of the study is the transformation processes in the financial system and banking policies under the influence of the economy digitalization. The authors, in the process of research, applied the following set of general scientific methods: comparative analysis of sources, synthesis of scientific knowledge, statistical methods. The result of the study is a list of the main effects of introducing digital technologies into the financial processes of banks. The authors conclude that the structure and dynamics of digital transformations in the economy, including the global financial system, directly affect the transformation of the financial policy of banks, both at the macro and micro levels, what also affects the interaction between the elements of the financial system.

Keywords: financial policy of banks; global financial policy; global financial system; financial policy assessment; digital economy

For citation: Kuznetsov, G.A. and Anisimov, A.Yu. (2025), "The impact of the digital transformation of the economy on the financial policy of banks", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 3, pp. 191-206, DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-191-206

Введение

Последние пять лет характеризуются значительными изменениями в мировой финансовой системе, в том числе в банковском секторе. Сформировавшиеся в результате этого тенденции оказали прямое влияние на финансовую политику банков. Необходимо отметить, что большинство тенденций были порождены цифровой трансформацией экономики. В результате появились совершенно новые эффекты цифровой экономики, которые повлияли на процессы трансформации финансовой политики банков и требований к ней [Чернышов и др. 2024, с. 636; Minges 2016].

Процессы цифровизации экономики коснулись всех компонентов финансовой системы, что повлияло на текущую эффективность финансовой политики банков, которая вынуждена была подстраиваться под новые требования [Крылова 2021, с. 39]. Такая ситуация обусловлена необходимостью учитывать те угрозы, которые порождаются упущенными возможностями от развития цифровой экономики. Следовательно, актуальным является формирование определенного переходного механизма, который позволит финансовой политике банков выйти на конкурентоспособный уровень. Такой механизм должен учитывать эффекты от внедрения цифровых технологий в финансовые процессы банков. Все указанное выше обуславливает актуальность выбранной темы исследования.

Целью исследования является выявление основных эффектов от влияния цифровой трансформации экономики на финансовую политику банков. Задачами исследования являются: исследование цифровизации финансового, в том числе банковского, сектора экономики; выделение тенденций, влияющих на банковский сектор; анализ динамики показателей, характеризующих цифровизацию банковского сектора российской экономики.

Обзор литературы

Проблемы цифровизации экономики являются темой исследования многих отечественных авторов, среди которых можно отметить Д.А. Артеменко, Е.С. Зеленеву, С.В. Зенченко, Н.А. Ковалеву и др. Так, Д.А. Артеменко, исследуя перспективы применения финансовых технологии в банковской деятельности, указывает, что

...современное развитие банковской деятельности предполагает модификацию бизнес-моделей и поиск подходящей стратегии развития, чтобы революционизировать свой бизнес на основе FinTech [Артеменко, Зенченко 2021, с. 96].

Е.С. Зеленева, изучая влияние цифровизации финансовой сферы на процентный канал трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики Банка России, отмечает, что

...цифровизация финансовой сферы оказывает значимое влияние на объем рынка кредита и депозитов, что способствует общему усилению проводимости процентного канала трансмиссионного механизма Банка России [Зеленева 2024, с. 1425].

Необходимо отметить, что исследование влияния цифровой экономики на конкурентоспособность банков очень важно в современных условиях. Основные тенденции этого процесса прослеживаются в работах: А.Ю. Анисимова, М.А. Плахотниковой, М.А. Сусловой, О.О. Скрыбина, А.В. Шелепова. Данные авторы рассматривают проблему повышения конкурентоспособности банка в условиях цифровой трансформации и приходят к выводу, что «современный банк может быть конкурентоспособным только в том случае, если он в полном объеме использует возможности цифровизации» [Анисимов и др. 2024, с. 99; Шелепов и др. 2024]. При этом многие аспекты цифровой экономики напрямую влияют на развитие банков [Шелепов и др. 2024].

Роль и значение больших данных (Big Data) в экономике и в банковском секторе исследуют следующие авторы: С.С. Кузора, А.Х. Мямиев, И.П. Натаров, А.М. Нобатов, С.С. Кузора, И.П. Натаров, которые выделяют в своих работах, что «анализ больших данных играет огромную роль в понимании потребностей клиентов бизнеса, прогнозировании рыночных тенденций крупных организаций, разработке стратегий развития многих стран мира» [Кузора, Натаров 2022].

Среди иностранных авторов, которые исследуют актуальные проблемы финансовой политики банков в условиях цифровой экономики, можно выделить: J. Bellens, F. Mastropietro, M. Minges [Bellens, Mastropietro 2023; Minges 2016]. Так, J. Bellens и F. Mastropietro отмечают, что

...объективная необходимость цифровой трансформации мирового финансового рынка обусловлена рядом следующих детерминант: глобальная цифровая экономическая трансформация;

динамичное развитие информационно-коммуникационных технологий, мобильных сетей и Интернета и т. п. [Bellens, Mastropietro 2023].

Несмотря на повышенный интерес к исследуемой проблеме, на данный момент единый перечень эффектов от внедрения цифровых технологий в финансовые процессы банков не выявлен, при этом учет влияния цифровизации экономики на банковский сектор позволит сформировать эффективные стратегии цифровизации их бизнес-процессов.

Методы исследования

Компаративный анализ источников был использован для исследования цифровизации финансового, в том числе, банковского сектора, экономики. В результате проведенного анализа были выделены тенденции, влияющие на банковский сектор. В качестве источника информации использовались статистические данные Банка России¹. Применение компаративного анализа обусловливается необходимостью выявить особенности процессов цифровизации банковского сектора.

Статистические методы были применены в процессе изучения динамики показателей, характеризующих цифровизацию банковского сектора российской экономики. Применение статистических методов обусловлено необходимостью обосновать влияние процессов цифровизации на развитие банковского сектора в России.

Для выявления наиболее значимых эффектов и оценки их характера (положительный или отрицательный) был проведен опрос 36 (10%) представителей банков из 360 зафиксированных Банком России на начало 2025 г. банков². Репрезентативность выборки обеспечивалась соблюдением структуры банковского сектора в выборке, то есть было опрошено 10 банков с базовой лицензией (ББЛ), 21 банк с универсальной лицензией (БУЛ), одна системно значимая кредитная организация (СЗКО) и четыре небанковских кредитных организаций (НКО). Опрос про-

¹ Статистика. Банк России. Официальный сайт. URL: <https://cbr.ru/statistics/> (дата обращения 19 апреля 2025).

² О развитии банковского сектора российской федерации в январе 2024: Информационно-аналитический материал. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/48912/razv_bs_24_01.pdf (дата обращения 19 апреля 2025).

водился авторами с помощью анкеты, где был зафиксирован вопрос: «Какие основные эффекты цифровой трансформации экономики повлияли на финансовую политику вашего банка?» Опрос проводился по электронной почте.

Гипотеза исследования

Цифровая трансформация экономики создает ряд эффектов, которые оказывают влияние на финансовую политику банков, создавая новые условия для поддержания его конкурентоспособности.

Результаты исследования

Специфика банковской деятельности, в том числе, определяется характером финансовой политики, которой придерживаются банки в своей стратегической перспективе. В рамках исследования под финансовой политикой банков понимается следующее: это система основных принципов, которая определяет действия банка при принятии решений в рамках кредитной деятельности [Подругина 2020, с. 174]. На то, какой характер приобретает финансовая политика банка, влияют как внешние, так и внутренние факторы. Среди наиболее важных внешних факторов можно выделить уровень цифровизации банковского сектора, который напрямую влияет на потребность руководства конкретного банка цифровизировать свои бизнес-процессы, в том числе связанные с кредитной деятельностью. Повышение общего уровня цифровизации банковского сектора усиливает значение степени цифровизации бизнес-процессов конкретного банка, поскольку это влияет на его конкурентоспособность и клиентоориентированность.

Цифровизация финансового сектора экономики выражается в определенных тенденциях, наиболее значимыми из которых являются следующие: развитие банковских технологий на основе искусственного интеллекта [Основные направления ... 2024] и необходимость управления большими данными (Big Data) [Нобатов 2023], в том числе, внедрение технологий API (Application Programming Interface) в банковский сектор; эффективная автоматизация финансового, управленческого и бухгалтерского учета [Цифровизация платежей ... 2024]; применение технологии распределенного реестра в финансовых системах разного уровня, в том числе, развитие цифровых токенизированных активов [Лукашенко 2021].

Для ясного понимания, каким образом поддерживать эффективность финансовой политики на микроуровне в сложившихся условиях, необходимо проследить влияние каждой из описанных выше тенденций в отдельности. Причиной динамичного развития современного финансового рынка является перманентное возникновение все новых и новых субъектов данного рынка, а также финансовых систем и инструментов. Скорость изменения финансового рынка сказывается на необходимости получения, хранения и обработки огромного количества информации, что, в свою очередь, приводит к необходимости учета множества ретроспективных и вновь поступающих данных, а это сказывается на требованиях к оперативности в обработке и скорости доставки информации конечному пользователю из-за быстрой потери актуальности, все это привело к возрастающей потребности в программных продуктах, которые могут справиться с такими задачами. Именно поэтому управление большими данными (Big Data) стало приоритетной задачей в финансовых процессах любого уровня. С момента появления данной технологии в 2010 г. она стала высоко востребованной как в области информационных технологий, так и в других сферах, в том числе финансовой [Кузора и др. 2022].

Термин Big Data означает технологию управления большим объемом данных и анализа постоянно обновляемых данных [Нобатов и др. 2023]. Объем хранимых данных – это уже преодолимая проблема, и внимание необходимо обратить на инструменты анализа и принятия управленческих решений на основе этих данных. Однако ситуация осложняется еще и тем, что финансовые данные быстро теряют свою актуальность, поэтому финансовая политика банков выигрывает, если адаптируется к использованию технологий Big Data. Игнорирование данной тенденции может привести к тому, что эффективность финансовой системы банков будет очень низкой по сравнению с конкурентами, внедрившими эту технологию [Горда 2023, с. 106]. Как показывают исследования, в области неструктурированных данных лидируют китайские банки [Подругина и др. 2020, с. 190; Bellens, Mastropietro 2023]. При этом потребность в использовании неструктурированных данных во всем мире постоянно возрастает. Именно использование технологии Big Data позволяет создавать эффективную информационную базу для управленческих решений в финансовой области. Одной из важнейших задач руководства банковских учреждений является выбор программных продуктов, автоматизирующих процессы технологии Big Data. Наиболее распространенные из них представлены в табл. 1.

Таблица 1

Программные продукты (ПП), автоматизирующие процессы
технологии BigData

Наименование (ПП)	Направление использования	Описание
1. Electron Data Solutions	Поиск новых финансовых стратегий	Программа, которая «грузит» необходимые данные в определенное время для конкретного пользовательского приложения, а также осуществляет нормализацию, изучение, распространение данных для различных финансовых целей
2. HADOOP	Прогнозирование на основе ретроспективных (исторических) данных	Программный комплекс, который включает определенный набор утилит и библиотек, применяемый для разработки и исполнения определенных программ
3. Big Data from IBM, Oracle, Teradata	Выделение наиболее влияющих на финансовую политику факторов	Программа, которая обслуживает и автоматизирует финансовые процессы указанных банков
4. Electron Community Solutions	Оценка финансово-го рынка	Программа, которая дает возможность подключения к мировому сообществу с целью обеспечения эффективного и динамичного взаимодействия в финансовой и других сферах

Источник: составлено авторами на основе данных³.

Необходимо обратить внимание на то, что каждая из представленных в таблице 1 программ обладает определенными особенностями, которые влияют на оптимальность ее использования для разных направлений деятельности. Как уже упоминалось выше, второй не менее важной тенденцией является автоматизация различных видов учета, применяемых в банках [Артеменко, Зенченко 2021, с. 90; Кузора, Натаров 2022; Малых и др. 2024, с. 54; Нобатов, Мямиев 2023]. Автоматизация финансовых бизнес-про-

³ Каталог программ от российских разработчиков. URL: <https://ит-маркетплейс.рф/catalog/category/112/sredstva-obrabotki-bolsix-dannyx-bigdata/?industryTags=7> (дата обращения 19 апреля 2025).

цессов положительно влияет на повышение качества и эффективности финансового управления банками, а следовательно, улучшает саму финансовую политику, делая ее более эффективной, значительно уменьшая вероятность ошибок и экономя временные затраты персонала, затрачиваемые на рутинные операции, то есть способствует повышению производительности труда и росту качества учетных данных [Кузнецов, Анисимов 2023, с. 252]. Однако для получения максимального положительного эффекта, способствующего повышению эффективности финансовой политики, необходимо сделать оптимальный выбор автоматизированной системы учета [Лукашенко 2021; Нобатов, Мямиев 2023; Петрова 2020]. Она, в первую очередь, должна способствовать ликвидации нерациональных расходов банков и, тем самым, повышению качества учетных данных, отчетности и финансовых решений [Анисимов и др. 2024, с. 99]. Автоматизация бухгалтерского учета как важнейшей части финансовой системы банков является неотъемлемым элементом современного банка независимо от масштаба [Петрова, Кузнецова 2020]. В самом общем виде эффекты от автоматизации бухгалтерского учета можно подразделить на следующие группы: повышение эффективности управления банком и, в том числе, финансовой сферой; повышение качества ведения бухгалтерского учета, выражающееся в уменьшении ошибок и оперативности подготовки аналитических документов [Анисимов и др. 2024, с. 100].

Все эффекты, в конечном счете, приводят к повышению качества управленческих решений в финансовой сфере, поскольку формируют релевантную информационную базу, которая постоянно актуализируется. В данный момент рынок программного обеспечения предоставляет различные варианты решений для автоматизации финансового, бухгалтерского и управленческого учетов. Подобная автоматизация ускоряет и облегчает исполнение рутинной работы не только в бухгалтерской, но и финансовой сферах, при этом снижается количество ошибок, обеспечивается оперативность и актуальность в области ведения учета и принятия на основе аналитических данных управленческих решений, в том числе и в финансовой сфере. В то же время автоматизация учетных процессов повышает их эффективность и улучшает качество ведения учета в банках в целом, что оказывает положительное влияние на эффективность финансовой политики банков. Однако для достижения оптимального эффекта от автоматизации, выбор программного продукта следует осуществлять после учета всех факторов, в том числе масштаба и характера деятельности банка, а также целей автоматизации.

Третьей заслуживающей внимания тенденцией является применение в финансовых системах технологии блокчейн [Лукашенко 2021]. Данная технология развивается с 2008 г. и является технологией распределенного реестра. По данным различных аналитических агентств, на конец 2023 г. технологию блокчейн применяли 33% российских банков [Лукашенко 2021]. Наибольшая доля организаций, применяющих технологию блокчейн, принадлежит именно финансовой сфере [Артеменко, Зенченко 2021, с. 100]. Таким образом, появление и развитие блокчейн-технологии повлияло на финансовую политику банков следующим образом: во-первых, увеличилась скорость финансовых транзакций и частота обмена информацией с контрагентами, что повысило качество управленческих решений в финансовой сфере; во-вторых, финансовые аналитические данные (конфиденциальная информация) стали иметь высокую степень защиты от хакерства, что позволяет устранить случайные ошибки или избежать намеренного мошенничества; в-третьих, упрощение взаиморасчетов с кредитными организациями и трансграничного взаимодействия.

Как показывают исследования [Анисимов и др. 2024; Артеменко, Зенченко 2021. 2021; Горда 2023; Зеленева 2024; Крылова 2021; Кузнецов, Анисимов 2023; Кузора, Натаров 2022; Лукашенко 2021; Малых и др. 2024; Нобатов, Мямиев 2023; Петрова, Кузнецова 2020; Подругина, Табах 2020; Чернышов, Анисимов 2024; Bellens, Mastropietro 2023; Minges 2016], в современном научном сообществе на данный момент нет единой концепции, позволяющей максимально результативно оценивать эффективность цифровизации финансовой политики банков. При этом много параллелей проводится с оценкой эффективности проектов, в том числе инвестиционных, поскольку внедрение цифровых технологий происходит в виде проекта. Однако в перечисленных выше исследованиях отсутствует четкий ответ, касающийся направлений определения эффективности внедрения цифровых технологий в финансовую сферу. По данным Центрального банка России на 2025 год в РФ действуют 360 банков⁴. Для выявления наиболее значимых эффектов и оценки их характера (положительный или отрицательный) был проведен опрос 36 (10%) представителей банков. Репрезентативность выборки обеспечивалась соблюдением структуры банковского сектора в выборке, то есть было опрошено 10 ББЛ, 21 БУЛ, 1 СЗКО и 4 НКО. По результатам обработки полученных данных был получен следующий результат (рис. 1, 2).

⁴ Статистика. Банк России: официальный сайт. URL: <https://cbr.ru/statistics/> (дата обращения 19 апреля 2025).

Рис. 1. Доли положительных эффектов от цифровой трансформации экономики, повлиявшие на финансовую политику банков, %

Источник: составлено авторами на основании данных проведенного исследования

Рис. 2. Доли отрицательных эффектов от цифровой трансформации экономики, повлиявшие на финансовую политику банков, %

Источник: составлено авторами на основании данных проведенного исследования

Используя принцип Парето, были выбраны наиболее значимые эффекты от цифровой трансформации экономики, повлиявшие на финансовую политику банков. Таким образом, было выявлено четыре положительных, а именно: повышение качества отчетности за счет автоматизации процессов учета и анализа первичных данных; повышение качества бизнес-планирования за счет автоматизации управленческих процессов и внедрения технологии Big Data; повышение прозрачности учета в банке за счет устранения лишних звеньев, согласований и неэффективных бизнес-процессов; повышение капитализации за счет накопления и использования новых финансовых данных и исполь-

зования блокчейн-технологии и три отрицательных эффекта: увеличение затрат на повышение квалификации сотрудников в области информационных технологий; увеличение затрат на привлечение специалистов по цифровизации бизнес-процессов; необходимость обновления ИТ-оборудования, имеющих 80% значимость для финансовой политики банков. В результате исследования выдвинутая гипотеза подтвердилась, что позволило выявить базовые эффекты, позволяющие адаптировать финансовую политику банков под условия цифровой трансформации экономики.

Заключение

Обобщая все вышесказанное, можно сделать ряд выводов о том, что структура и динамика цифровых преобразований в экономике, и в том числе в мировой финансовой системе, напрямую влияют на трансформацию финансовой политики, как на макро-, так и на микроуровнях, что затрагивает и взаимодействие между элементами финансовой системы. Исследование тенденций трансформации всех элементов финансовой системы позволило выделить следующие основные положительные эффекты от цифровой трансформации экономики, повлиявшие на финансовую политику банков: во-первых, повышение качества отчетности за счет автоматизации процессов учета и анализа первичных данных; во-вторых, повышение качества бизнес-планирования за счет автоматизации управленческих процессов и внедрения технологии Big Data; в-третьих, повышение прозрачности учета в банке за счет устранения лишних звеньев, согласований и неэффективных бизнес-процессов; в-четвертых, повышение капитализации за счет накопления и использования новых финансовых данных и использования блокчейн-технологии.

Таким образом, обозначенные эффекты приводят к изменению подходов в оценке эффективности финансовой политики банков, так как важным становится не только, что создается в виде продукта или услуги, но и какой информационной базой о потребителе они обладают. Следовательно, на повышение эффективности финансовой политики банков влияет использование технологий Big Data и блокчейн, а также продуманная автоматизация учетных процессов.

Литература

- Анисимов и др. 2024 – *Анисимов А.Ю., Плеханова М.А., Сулова М.А., Скрябин О.О.* Особенности влияния цифровой трансформации экономики на управление стратегией банков // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2024. Т. 21. № 1 (133). С. 96–104.
- Артеменко, Зинченко 2021 – *Артеменко Д.А., Зинченко С.В.* Цифровые технологии в финансовой сфере: эволюция и основные тренды развития в России и за рубежом // Финансы: теория и практика. 2021. № 3. С. 90–101.
- Горда 2023 – *Горда А.С.* Fintech и цифровые трансформации на мировом финансовом рынке // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. 2023. № 2. С. 106–116.
- Зеленева 2024 – *Зеленева Е.С.* Влияние цифровизации финансовой сферы на процентный канал трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики Банка России // Креативная экономика. 2024. Т. 18. № 6. С. 1413–1430.
- Крылова 2021 – *Крылова Л.В.* Трансформации мировой валютно-финансовой системы в направлении полицентризма и регионализации // Экономика. Налоги. Право. 2021. № 14 (5). С. 39–50.
- Кузнецов, Анисимов 2023 – *Кузнецов Г.А., Анисимов А.Ю.* Разработка дорожной карты внедрения банковской информационной системы в условиях цифровизации экономики // Проблемы управления социально-экономическим развитием регионов России в новых реалиях: Материалы Всерос. научно-практич. конф. Орел, 30–31 мая 2023 г. Орел: Орловский гос. ун-т им. И.С. Тургенева, 2023. С. 252–258.
- Кузора, Натаров 2022 – *Кузора С.С., Натаров И.П.* Цифровая трансформация и большие данные // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2022. Т. 9. № 2. С. 150–161. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-i-bolshie-dannye> (дата обращения 19 апреля 2025).
- Лукашенко 2021 – *Лукашенко Т.Р.* Применение блокчейн-технологий в банковском секторе // Прогрессивная экономика. 2021. № 5. С. 5–19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-blokchei-n-tehnologii-v-bankovskom-sektore> (дата обращения 19 апреля 2025).
- Малых и др. 2024 – *Малых С.Г., Синцова Е.А., Попова М.И., Черепица А.Д.* Цифровая трансформация финансового контроля: инструменты, риски и возможности // Фундаментальные исследования. 2024. № 4. С. 54–59.
- Нобатов, Мямиев 2023 – *Нобатов А.М., Мямиев А.Х.* Большие данные в экономике их значение // Вестник науки. 2023. № 2 (59). С. 46–50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolshie-dannye-v-ekonomike-ih-znachenie> (дата обращения: 19.04.2025).
- Петрова и др. 2020 – *Петрова Л.А., Кузнецова Т.Е.* Цифровизация банковской системы: цифровая трансформация среды и бизнес-процессов // Финансовый журнал. 2020. № 3. С. 91–101. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-bankovskoy-sistemy-tsifrovaya-transformatsiya-sredy-i-biznes-protsessov> (дата обращения 19 апреля 2025).

- Подругина, Табах 2020 – *Подругина А.В., Табах А.В.* Финансовые рынки: от «трагедии общин» к сбалансированному регулированию // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. № 2. С. 173–190.
- Чернышов, Анисимов 2024 – *Чернышов Д.А., Анисимов А.Ю.* Методические основы цифровой трансформации бизнеса // Вестник Академии знаний. 2024. № 1 (60). С. 636–641.
- Шелепов, Колмар 2024 – *Шелепов А.В., Колмар О.И.* Регулирование цифровых платформ в России // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2024. № 2. С. 110–126. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-tsifrovyyh-platform-v-rossii> (дата обращения: 16 апреля 2025).
- Bellens, Mastropietro 2023 – *Bellens J., Mastropietro F.* Five ways to commit to customer centricity in banking transformation // Ernst & Young. 2023. URL: https://www.ey.com/en_pl/banking-capital-markets/customer-centricity-in-banking-transformation (дата обращения: 19.04.2025).
- Minges 2016 – *Minges M.* Exploring the Relationship Between Broadband and Economic Growth, Background Paper Digital Dividends // Worldbank, 2016. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/zh/178701467988875888/pdf/102955-WP-Box394845B-PUBLIC-WDR16-BP-Exploring-the-Relationship-between-Broadband-and-Economic-Growth-Minges.pdf> (дата обращения 19 апреля 2025).

References

- Anisimov, A.Yu., Plakhotnikova, M.A., Suslova, M.A. and Skryabin, O.O. (2024), “Specific impact of digital transformation in economy on bank strategy administration”, *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, vol. 21, no. 1 (133), pp. 96-104.
- Artemenko, D.A. and Zenchenko S.V. (2021), “Digital technologies in the financial sector: evolution and major development trends in Russia and abroad”, *Finance: Theory and Practice*, no. 3, pp. 90-101.
- Bellens, J. and Mastropietro, F. (2023), “Five ways to commit to customer centricity in banking transformation” *Ernst & Young*, available at: https://www.ey.com/en_pl/banking-capital-markets/customer-centricity-in-banking-transformation (Accessed 19 April 2025).
- Chernyshov, D.A. and Anisimov, A.Yu. (2024), “Methodological basics of digital business transformation”, *Bulletin of the Academy of Knowledge*, no. 1 (60), pp. 636-641.
- Gorda, A.S. (2023), “Fintech and digital transformations in the world financial market”, *Scientific Bulletin: Finance, banks, investments*, no. 2, pp. 106-116.
- Krylova, L.V. (2021), “Transformations of the world monetary and financial system in the direction of polycentrism and regionalization”, *Economics. Taxes & Law*, no. 14 (5), pp. 39-50.
- Kuznetsov, G.A. and Anisimov, A.Yu. (2023), “Development of a roadmap for the introduction of a banking information system in the context of digitalization of the economy”, *Problemy upravleniya sotsial'no-ehkonomicheskim razvitiem regionov Rossii v novykh realiyakh: Materialy Vseros. nauchno-praktich. konf. Orel*,

- 30–31 мая 2023 г. [Issues of managing the socio-economic development of Russian regions in new realities. Proceedings of the All-Russian scientific-practical conference, Orel, May 30–31, 2023], Orlovskii gos. un-t im. I.S. Turgeneva, Orel, Russia, pp. 252-258.
- Kuzora, S.S. and Natarov, I.P. (2022), “Digital transformation and big data”, *RUDN Journal of Public Administration*, vol. 9, no. 2, pp. 150-161, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-i-bolshie-dannye> (Accessed 19 April 2025).
- Lukashenok, T.R. (2021), “Application of blockchain technologies in the banking sector”, *Progressive Economics*, no. 5, pp. 5-19, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-blokchei-n-tehnologii-v-bankovskom-sektore> (Accessed 19 April 2025).
- Malykh, S.G., Sintsova, E.A., Popova, M.I. and Cherepitsa, A.D. (2024), “Digital transformation of financial control: tools, risks and opportunities”, *Fundamental Research*, no. 4, pp. 54-59.
- Minges, M. (2016), “Exploring the Relationship Between Broadband and Economic Growth, Background Paper Digital Dividends”, *Worldbank*, available at: <https://documents1.worldbank.org/curated/zh/178701467988875888/pdf/102955-WP-Box394845B-PUBLIC-WDR16-BP-Exploring-the-Relationship-between-Broadband-and-Economic-Growth-Minges.pdf> (Accessed 19 April 2024).
- Nobatov, A.M. and Myamiev, A.Kh. (2023), “Big data in economics and their significance”, *Bulletin of Science*, no. 2 (59), pp. 46-50, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolshie-dannye-v-ekonomike-ih-znachenie> (Accessed 19 April 2025).
- Petrova, L.A. and Kuznetsova, T.E. (2020), “Digitalization of the banking system: digital transformation of the environment and business processes”, *Financial Journal*, no. 3, pp. 91-101, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-bankovskoy-sistemy-tsifrovaya-transformatsiya-sredy-i-biznes-protsessov> (Accessed 19 April 2025).
- Petrova L.A. Kuznetsova T.E. Digitalization in the Banking Industry: Digital Transformation of Environment and Business Processes. *Financial Journal*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 91–101 (In Russ.). DOI: 10.31107/2075-1990-2020-3-91-101.
- Petrova L.A. Kuznetsova T.E. Digitalization in the Banking Industry: Digital Transformation of Environment and Business Processes. *Financial Journal*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 91–101 (In Russ.). DOI: 10.31107/2075-1990-2020-3-91-101.
- Podrugina, A.V. and Tabakh, A.V. (2020), “Financial markets: from the ‘tragedy of commons’ to balanced regulation”, *International Organisations Research Journal*, vol. 15, no. 2, pp. 173-190.
- Shelepov, A.V. Kolmar, O.I. (2024), “Regulation of digital platforms in Russia”, *International Organisations Research Journal*, no. 2, pp. 110-126, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-tsifrovyyh-platform-v-rossii> (Accessed 19 April 2025).
- Zeleneva, E.S. (2024), “The impact of the digitalization of the financial sector on the interest rate of the transmission mechanism of the monetary policy of the Bank of Russia”, *Creative Economy*, vol. 18, no. 6, pp. 1413-1430.

Информация об авторах

Георгий А. Кузнецов, аспирант, Университет «Синергия», Москва, Россия; 125190, Россия, Москва, Ленинградский пр., д. 80; gkuznetsov106@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-5260-450X>

Александр Ю. Анисимов, кандидат экономических наук, доцент, Университет «Синергия», Москва, Россия; 125190, Россия, Москва, Ленинградский пр., д. 80; anisimov_au@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8113-4523>

Information about the authors

Georgy A. Kuznetsov, postgraduate student, Synergy University, Moscow, Russia; bld. 80, Leningradskii Avenue, Moscow, Russia, 125190; gkuznetsov106@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-5260-450X>

Aleksandr Yu. Anisimov, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Synergy University, Moscow, Russia; bld. 80, Leningradskii Avenue, Moscow, Russia, 125190; anisimov_au@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8113-4523>

Особенности правового мышления в Германии 1930–1940-х гг.: представление о ценностях с позиции Карла Шмитта и Карла Ларенца

Борис А. Антонов

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, heidel@rambler.ru*

Аннотация. Под влиянием исторических изменений, происходящих в Германии в период национал-социализма и в послевоенный период, немецкие правоведы Карл Шмитт и Карл Ларенц неоднократно возвращались к теме правового мышления: Шмитт – в таких работах по теории права и политической теории, как «Диктатура» (1921), «Политическая теология» (1922), «О трех видах юридического мышления» (1934), «Номос земли» (1950) и «Тирания ценностей» (1960), Ларенц – в исследованиях более узкой правовой направленности: «Юридическое лицо и субъективное право – поворот к основным правовым понятиям» (1935), «К логике конкретного понятия» (1940) и «Методология юриспруденции» (1960). Для выявления способа и типа правового мышления Шмитт разработал учение о мышлении в категориях конкретного порядка, Ларенц – теорию о конкретно-всеобщих понятиях. Для обеих интеллектуальных конструкций характерна высокая степень их адаптивности к правовым ценностям, представление о которых были выявлены Шмиттом и Ларенцем в связи с процессом конституционализации Основного закона ФРГ и придания основным правам ценностного статуса.

Статья посвящена концептуальному анализу правового мышления в Германии периода 30–40-х гг. XX в. с позиций Шмитта и Ларенца и сравнению их представлений о правовых ценностях, закрепленных в Основном законе ФРГ. Актуальность такого анализа объясняется (а) недостатком отечественных трудов, посвященных сравнительному анализу взглядов Шмитта и его современников – специалистов в области права и (б) недостатком трудов Ларенца, переведенных на русский язык¹. Что касается работ зарубежных теоретиков права на заявленную тему, то наиболее подробно сравнительным анализом научных взглядов Шмитта и Ларенца занимался немецкий правовед Бернд Рютерс (1930–2023) [Rüthers et al. 2018], к трудам которого будет неоднократно обращаться автор предлагаемой статьи.

© Антонов Б.А., 2025

¹ Достаточно сказать, что в России его «Методология юриспруденции» (1960) была переведена лишь в 2024 г.

Ключевые слова: правовое мышление, мышление в категориях конкретного порядка, конкретно-всеобщие понятия, законодатель, судья, объективно-телеологическое толкование (закона), тип, (конституционные) ценности

Для цитирования: Антонов Б.А. Особенности правового мышления в Германии 1930–1940-х гг.: представление о ценностях с позиции Карла Шмитта и Карла Ларенца // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2025. № 3. С. 207–224. DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-207-224

Specifics of legal thinking in Germany (1930–1940s): Carl Schmitt's and Carl Larenz's reflections on values

Boris A. Antonov

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, heidel@rambler.ru*

Abstract. Under the influence of historical changes that took place in Germany during the period of national socialism and after the WW2, German legal scholars C. Schmitt and C. Larenz repeatedly returned to the topic of legal thinking: Schmitt – in such works on the theory of law and political theory as “Dictatorship” (1921), “Political Theology” (1922), “On Three Types of Legal Thinking” (1934), “Nomos of the Earth” (1950) and “Tyranny of Values” (1960). Larenz did his research on legal thinking in “Legal Entity and Subjective Law as a Turn to Basic Legal Concepts” (1935), “On the Logic of a Concrete Concept” (1940) and “Methodology of Jurisprudence” (1960), all of them being of narrower than Schmitt’s focus. In order to identify the method and type of legal thinking, Schmitt developed a doctrine of thinking in categories of a concrete order, Larenz – a study of concrete-universal concepts. Both intellectual constructs are characterized by a high degree of their adaptability to legal values, the idea of which was revealed by Schmitt and Larenz in the process of constitutionalization of the Basic Law of the Federal Republic of Germany when constitutional rights were granted a value status.

The paper deals with the conceptual analysis of legal thinking in Germany of the 30–40s of the 20th century from the position of Carl Schmitt and Carl Larenz and the comparison of their ideas about legal values enshrined in the Basic Law of the Federal Republic of Germany. The relevance of such an analysis is explained by (a) the lack of Russian research devoted to a comparative analysis of views shared by Schmitt and his contemporaries and (b) the lack of Larenz’s books translated into Russian. As for the works of foreign legal theorists on the stated theme, the most detailed comparative analysis undertaken by Schmitt and Larenz was carried out by Bernd Rüthers (1930–2023), a German legal scholar, whose works the author of the paper will repeatedly refer to.

Keywords: legal mentality, thinking (in categories) of a concrete order, concrete-universal concepts, legislator, judge, objective-teleological interpretation of law, type, (constitutional) values

For citation: Antonov, B.A. (2025), “Specifics of legal thinking in Germany (1930–1940-s): Carl Schmitt’s and Carl Larenz’s reflections on values”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 3, pp. 207–224, DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-207-224

Введение

Предлагаемая статья не претендует на сколько-нибудь исчерпывающее исследование *правового мышления* в связи с двумя объективными обстоятельствами. *Первое* связано со сложностью и неоднозначностью самого понятия правового мышления:

Правовое мышление следует рассматривать как *сложную объемную* полиструктуру, базирующуюся на определенных формах и способах юридической логики, юридического языка и мировоззренческих основаниях... [Боруленков 2017, с. 6].

Будучи верным по своей сути, приведенное определение правового мышления только в очень приблизительных чертах соответствует тому смыслу (а вернее тем смыслам), который вкладывали в него юристы Германии 20–40-х гг. XX в. Наиболее известные и в то же время спорные теории о правовом мышлении того периода принадлежат Карлу Шмитту (1888–1985) и Карлу Ларенцу (1903–1993).

Второе обстоятельство кроется в содержательной и формальной сложности текстов Шмитта и Ларенца, отличающихся мощным интерпретативным ресурсом². Причину того, что тек-

² Для раскрытия интерпретативного потенциала шмиттовских текстов традиционно предлагается использование как минимум двух стратегий. В своей статье «Читая Шмитта» О.В. Кильдюшов называет фундаментальную стадию, направленную на более-менее точное воспроизведение тех проблем и вопросов, которые поднимает исследователь, и вольно-интерпретативную, предполагающую свободное обращение с классическим текстом [Кильдюшов 2010]. В случае использования фундаментальной стратегии существуют риски – и не малые! – получить «на выходе» текст, репродуцирующий идеи Шмитта и допускающий пробелы и упрощения и игнорирующий их интерпретативный потенциал. «Интерпретативное» прочтение Шмитта чревато не меньшими рисками, связанными с высокой долей вероятности некорректного толкования и невольного искажения интерпретативно богатых идей и понятий, введенных Шмиттом в дискурсивный оборот современной политики и юриспруденции.

сты Шмитта могут быть интерпретированы по-разному, объясняет в «Понятии политического» сам Шмитт: «все политические понятия, представления и слова имеют *полемический смысл*» [Шмитт 2016а, с. 305]. Контекст употребления большого количества понятий, используемых Шмиттом, значительно шире, чем у Ларенца, и предполагает «выход» в историческую, географическую, политическую сферы, которые расширяются у Шмитта и за счет апелляции к большому количеству референтных авторов, которых Р. Меринг объединяет как членов одного «зеркального кабинета» и которых Шмитт использует в качестве аргументов и отождествляет с собой в различных ситуативно-биографических и концептуальных ситуациях. При этом, пишет Меринг

...он всегда воспринимал авторов очень селективно... т. е. не следовал ни за одним из них буквально, а прочитывал их произведения с точки зрения современности [Меринг 2018, с. 46–47].

Опыт исследования текстов Шмитта и Ларенца демонстрирует правоту Шмитта в его определении большинства *политических* понятий как понятий *полемических*. И хотя правовое мышление – понятие, прежде всего, юридическое, Шмитт, как правило, «погружал» его в историко-философский контекст, рассматривая ценность порядка, в основе которого заложено правовое мышление, ценностью вообще, а не ценностью нацистского государства, коей была на тот момент Германия [Филиппов 2000]. В отличие от Шмитта, Ларенц считал нацистский режим наиболее востребованным именно для Германии 30-х гг. и свою задачу видел не в создании новых законов, а в интерпретировании и адаптации существующих правовых норм под политические решения Третьего рейха [Антонов 2023]. Как бы то ни было, но и Ларенц, и Шмитт создавали свои теории о правовом мышлении, которые были обусловлены политикой той Германии, в которой им доводилось жить.

В этой связи автор статьи счел необходимым коснуться тех ситуативно-биографических аспектов жизни Карла Шмитта и Карла Ларенца, которые могут если не сейчас, то впоследствии и при более детальном рассмотрении пролить свет на концептуальные позиции известных немецких правоведов:

Минимальное знание биографии необходимо для чтения Шмитта, столь обостренно чувствовавшего актуальность происходящего, творящегося здесь и сейчас. Но важны не только временные соответствия... Важна и более широкая ретроспектива [Филиппов 2000, с. 260].

Остается сожалеть, что автор статьи не смог найти биографии Карла Ларенца, которая была бы написана в столь же широкой ретроспективе, которая присутствует в биографии Шмитта, написанной профессором А.Ф. Филипповым. Но несколько временных, географических и «карьерных» соответствий между ними будут выявлены автором в следующем разделе статьи.

Точки соприкосновения двух биографий

Шмитт и Ларенц прошли долгий, богатый на события и во многом идентичный жизненный путь, который, тем не менее, закончился для каждого из них по-разному.

Почти одногодки, они получили юридическое образование в престижных университетах Германии (Шмитт – в трех, начав в Берлине, продолжив в Мюнхене и закончив в Страсбурге, а Ларенц – в пяти, начав в Берлине, продолжив в Марбурге, затем снова в Берлине и наконец в Геттингене и Целле).

Оба члены НСДАП: Шмитт с 1933 г. и Ларенц – по одним источникам с 1933 г., по другим – с 1937 г.

Оба познали лавры «коронованных юристов Третьего рейха», и, если быть более точным, Ларенц был назван «коронованным адвокатом (а не юристом!) Третьего рейха», что предполагает некоторое изначальное отличие его отношения к национал-социализму от отношения Шмитта.

Оба сделали превосходную карьеру: в 30-е гг. Ларенц преподавал, а впоследствии заведовал кафедрой философии права в Кильском университете, был одним из разработчиков нацистского проекта военной миссии гуманитарных наук, был отмечен Крестом военных заслуг 2-й степени и, дослужившись до одного из ведущих представителей *Кильской школы нацистского права*, переехал в Мюнхен (1960), где и работал до выхода на пенсию.

Шмитт, начинавший свою карьеру в то же время, что и Ларенц, в 1933 г. принимал участие в выработке нового права, позднее стал прусским советником и, наконец, получил место профессора на «главной» юридической кафедре страны в Берлинском университете.

После окончания войны оба испытали опалу в виде запрета на преподавательскую деятельность из-за своих связей с национал-социалистами. Но, если Ларенц благополучно избежал ареста, а тем более – тюрьмы, то Шмитт в период с 1945 по 1947 г. был арестован, интернирован в американской оккупационной зоне в Берлине, освобожден, снова арестован, переправлен в Нюрнберг, где и провел еще несколько месяцев в камере для свидетелей...

Есть основания предполагать, что карьерные амбиции Шмитта были ничуть не меньше карьерных амбиций Ларенца, и успех, пришедший к Шмитту в начале 30-х, был гораздо более выразительным, чем успех Ларенца. Однако карьерные планы Шмитта и их первоначальная успешная реализация закончились «полным поражением» уже в 1936 г., т. е. намного раньше, чем у Ларенца. Шмитт лишился всех руководящих постов, оставаясь лишь профессором Берлинского университета.

В поисках причины столь стабильной профессиональной позиции Ларенца и столь скоропостижного карьерного краха Шмитта, профессор Филиппов приходит к выводу о том, что Шмитт не был безоговорочным приверженцем нацизма [Филиппов 2000]. Шмитт пришел к национал-социализму значительно позже Ларенца, и это свидетельствует о том, что исследуемый им тип мышления в категориях конкретного порядка он долгое время не считал средством адаптации права к политике национал-социализма. Однако в соответствии с целым рядом других параметров, мышление конкретного порядка Шмитта и теория конкретно-всеобщих понятий Ларенца были подвергнуты самой серьезной критике со стороны целого ряда исследователей их трудов периода 30–40-х гг. Основное обвинение в их адрес было выдвинуто профессором Б. Рютерсом:

Конкретно-всеобщие понятия Гегеля, которые К. Ларенц счел продуктивными для обновления права нацистского режима, продолжали использоваться (и в послевоенной Германии. – Б. А.). Также мышление в «конкретных порядках», из которого К. Шмитт извлек основные ценности, сформированные нацистской идеологией (этническое правовое мышление, расовая идеология и т. д.), после краха (режима) стало инструментом их «изобретателей (Ларенца и Шмитта)»... [Рютерс 2020, с. 223].

В продолжении темы критики *мышления в категориях конкретного порядка* Шмитта приведем выдержку из статьи О.В. Кильдюшова:

Эта формула... никоим образом не ограничивала новых властителей в их понимании права и просто выражала готовность ориентироваться на произошедшее, *на новый порядок*, оставляя открытой возможность признания любых форм, которые он породит в будущем... [Кильдюшов 2013, с. 17].

Если считать, что новыми властителями могут быть названы не только представители политической власти, но и теоретики права, имеющие цель обосновать и таким образом оправдать новый порядок, сделав его легальным, то приблизительно равная ответственность за «признание любых форм, которые он (порядок) породит в будущем», лежит на политической власти и на тех, кого в период национал-социализма именовали «коронованными юристами Третьего рейха».

Об избирательности правоприменения в эпоху политических перемен

Очевидно, что отношение Шмитта и Ларенца к правовому мышлению менялось под влиянием тех исторических событий, которые происходили в Германии того периода.

В послевоенной Германии позитивное право, действовавшее там в период нацистского режима, должно было смениться новой «правовой» идеей (которая бы полагала новые политико-правовые ценности):

Осуждение гитлеровского режима стало насущной необходимостью, тогда как позитивное право не давало для этого никакой возможности, ведь действия нацистских преступников в момент совершения были по большей части вполне легальны [Кондуров 2023b, с. 100].

Необходимость замены вынудила Шмитта и Ларенца – и не только их – вернуться к идее естественно-правовой формы права (т. е. к естественному праву), тем более что после окончания Второй мировой войны и теория Ларенца о конкретно-всеобщих понятиях, и учение Шмитта о мышлении в категориях конкретного порядка были подвергнуты самой серьезной критике.

Адаптация своих юридических теорий к эпохе политических перемен (и в частности, к тем переменам, которые происходили в Германии после краха национал-социализма) теоретик права М. Антонов называет *избирательностью правоприменения*:

Если закон кажется устаревшим (его применение не отвечает «потребностям времени»), судья может уклониться от его применения, не испытывая неблагоприятных последствий со стороны властей, а, возможно, и получая некоторую выгоду – как минимум, демонстрируя тем самым лояльность новым властям [Антонов 2021, с. 134].

Для Шмитта способом такого «уклонения» стало обращение к теории о мышлении в категориях конкретного порядка, подчинявшая процессы создания и применения права конкретным задачам политики, а для Ларенца – апелляция к высшим *над-нормативным источникам права* (дух времени, дух закона, интуиция судьи, групповые интересы, справедливость и т. д.).

Став во время войны одним из неофициальных руководителей Кильской школы, Ларенц получил возможность использовать *неогегельянскую философию права*, адаптируя ее под основные установки национал-социализма и лоббируя таким образом свою теорию о конкретно-всеобщих понятиях.

У Шмитта не было официальной возможности продвигать идеи о конкретном порядке, однако символично в данном случае, что четыре года спустя после того, как Ларенц издает свое эссе «Юридическое лицо и субъективное право», а именно в 1939 г., Шмитт пишет свой «Порядок больших пространств», в которой обвиняет юристов еврейского происхождения в «неправильном» понимании большого пространства, предлагая в качестве не требующего доказательства основания для такого обвинения следующее положение: не имея собственной почвы, невозможно осознать связь между ней и тем, кто на ней живет.

Шмитт vs Ларенц: представление о правовой норме, понятии и типе

По Шмитту норма может быть определена как норма только в том случае, если ей присущ имманентный для нее признак *значимости*:

Нормальность конкретной ситуации, регулируемой нормой, и конкретного типа, предполагаемого ею в качестве нормального, это не просто внешняя, юридически незначимая предпосылка нормы, но и внутренний юридически сущностный признак значимости и нормативное определение самой нормы [Шмитт 2013, с. 325].

Отличие децизионизма от нормативизма Шмитт видит в конечных основаниях значимости первого и второго. Если нормативистский тип мышления предполагает представление о конкретной ситуации, конкретной правовой жизни и конкретной правовой мысли как о типичных, а значит – нормальных, возникающих непосредственно из конкретных предпосылок этой ситуации, конкретных обстоятельств этой правовой жизни и

конкретных характеристик этой правовой мысли, то значимость нормативизма предполагает способность нормы обеспечить нормальность ситуации и порядка в целом. Другими словами, конечное основание значимости нормы можно обнаружить в нормальности конкретной ситуации, и для законодателя, обладающего нормативным типом мышления, значимость нормы будет определяться ее способностью регулировать нормальную типичную ситуацию.

Для децизиониста конечным основанием значимости Шмитт считает волевое решение, «впервые создающее право». И правовая значимость этого решения обнаруживается не в самом приказе (языком которого может быть выражено решение) и не в правовой силе правил, выводимых из этого решения, а «в суверенитете и авторитете конкретного личного решения» [Кондуров 2023а, с. 103]. Словосочетание «*конкретное решение*» предполагает такую ситуацию, к которой более не применимо понятие «типичной» или «нормальной», поскольку необходимость принятия конкретного решения объясняется наступлением нетипичной и ненормальной ситуации, и ее урегулирование возможно лишь посредством принятия такого решения, которое бы, проигнорировав устаревшую правовую норму, установило новый порядок, во главе которого появляется легитимный суверен (отсюда – личный порядок. – Прим. Б. А.). Другими словами, суверен – не тот, источником власти которого является закон, а тот, кто гарантирует и обеспечивает порядок и делает это посредством чрезвычайных и беспредельных полномочий: «Суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении» [Шмитт 2016b с. 8]. Правовое мышление, таким образом, редуцируется Шмиттом до тех юридических границ, которые самим Шмиттом оцениваются как *политические* и в случае «вхождения» в которые

...суд оказывается в сфере политической борьбы, где невозможны независимость, нейтральность и объективность, а следовательно и юстиция [Кондуров 2018, с. 79].

Ларенц преодолевает абстрактность нормы через нормативистское различие *понятия* и *типа*. Если понятие характеризуется обязательным присутствием всех характеристик в конкретной ситуации, то далеко не все, а лишь часть характеристик – косвенных или взаимозаменяемых, имеющих разную степень значимости для применения в конкретной ситуации, – необходимы для типа. Критерием для определения у типового

понятия (или типа) тех черт, которые необходимы для их соотношения с конкретными обстоятельствами, выступает отнюдь не фактическое присутствие в конкретной ситуации «обычно предполагаемых признаков данного типа», а то,

...присутствуют ли черты, считающиеся «типичными», в таком количестве и силе, чтобы фактические обстоятельства «в целом» соответствовали смыслу и сути типа [Ларенц, Канарис 2024, с. 51].

Отвечая на вопрос о том, как определяется роль типа в его взаимосвязи с *оценочным мышлением*, Ларенц ссылается на Ленеена, который доказывает наличие данной взаимосвязи на той стадии формирования *законодателем* типа, когда в поле его рассмотрения неизбежно попадают *последствия*, связанные с этим типом. При этом сама типизация понятий, а значит и оценка последствий как результат этой типизации, как считает Ларенц, находится в сфере ответственности *судьи* (а не законодателя) [Ларенц, Канарис 2024].

Для преодоления абстрактности правовых норм Ларенц предлагает их *типизацию* в соответствии с уровнем их значимости, однако то, что он подразумевает под значимостью, не совпадает с тем смыслом значимости, который вкладывает в это понятие Шмитт.

Вслед за Дитцем Ларенц полагает наличие норм разного уровня: более высокому уровню соответствует общая норма (Конституция как основной закон государства), более низкому – специальный (простой закон). Используя логический критерий, Дитц отдает приоритет той норме, состав которой

...помимо всех тех элементов, которые имеет общая норма, имеет по крайней мере какой-то еще один дополнительный элемент³.

Исходя из этой логики, Дитц считает, что в случае совпадения составов обеих норм приоритет применения остается за общей нормой. В остальных случаях «пальма первенства» переходит к специальной норме в связи с «более узкой областью ее применения»⁴. Возражая Дитцу, Ларенц исходит из того, что последствия конкуренции правовых норм далеко не всегда сводятся к применению одной нормы вместо другой: не исключено и их соотноше-

³ Цит. по: Ларенц К., Канарис К.-В. Методология юриспруденции / Пер. К.В. Нама. М.: М-Логос, 2024. С. 107.

⁴ Там же.

ние в виде дополнения или замены. Очевидно, что речь в данном случае идет не о самой норме (ср: Дитц), а о правовых последствиях ее применения, которые Ларенц определяет с помощью *метода объективно-телеологического толкования*.

И еще. Чтобы редуцировать «расстояние» между нормой и объектом (ситуацией, преступником и т. д.) с целью применения к нему (к ним) соответствующей нормы, Ларенц предлагает «расположить» между нормой и объектом фигуру законодателя (судьи), который призван предпринимать определенные интеллектуальные шаги, имеющие целью интерпретировать понятия, актуализированные в норме, с помощью оценочного мышления:

Оценочность со стороны законодателя неизбежна, т. к. закон может в большей степени защищать одни права, в меньшей степени или вообще оставлять без защиты..., предоставлять права или отказывать в них. <...> Применение нормы требует, чтобы подлежащая регулированию ситуация оценивалась в соответствии с оценочными критериями данной нормы [Ларенц, Канарис 2024, с. 43].

В качестве такого критерия Ларенц выбирает критерий объективно-телеологического толкования нормы или закона.

Таким образом, с целью преодолеть абстрактность, статичность и замкнутость используемых в правовых нормах понятий, Ларенц, с помощью объективно-телеологического толкования, стремится к их конкретизации, в результате которой и само понятие, используемое в правовой норме, и сама правовая норма приобретают *открытый динамичный характер* [Ларенц, Канарис 2024]. Опасность такой «открытости» не осознается самим Ларенцем, хотя очевидно, что объективно-телеологическое толкование предполагает *наделение судей слишком широкими полномочиями конкретизации правовой нормы* (читай: правотворчеством), что ведет к риску искажения ее смысла в угоду политике интересов отдельных групп. Необходимость правотворчества со стороны суда многие современные правоведы оправдывают отсутствием возможности обратиться к историческому законодателю в случае проблем, связанных с *неопределенностью* или *пробельностью* законодательных норм, которые, в свою очередь, возникают в тех случаях, когда за пределами замысла исторического законодателя остается сам смысл закона. В результате граница между толкованием правовой нормы и правотворчеством со стороны судей стирается.

Несколько слов о ценностях

Общей особенностью мышления в конкретно-всеобщих понятиях и мышления в категориях конкретного порядка с позиции Ларенца и Шмитта профессор Рютерс считает открытость и адаптивность их теорий к новым представлениям *о ценностях* [Rüthers et al. 2018].

В «Методологии юриспруденции» Ларенц не единожды приравнивает конституционные права, традиционно и оправданно интерпретируемые как ценности, к правовым нормам, что предполагает догматическую интерпретацию конституции, «любое положение которой в этом случае может подвергаться классическому логическому анализу»:

Предложенная же Федеральным Конституционным судом Германии интерпретация конституционных прав означала, что конституционные положения, закреплявшие основные права, перестали быть нормами в юридическом смысле... <...> ...Шмитт практически полностью опустил юридические аргументы и сосредоточился на критике самой философии ценностей [Кондуров 2023b, с. 96, 100].

Философию ценностей Шмитт определяет как философию точки, отталкиваясь от которой становится возможным их (ценностей) отсчет и градуирование [Шмитт, 2011].

Можно предположить, что, Ларенц, который руководствуется необходимостью законодателя с помощью похожих примеров искать *общий консенсус* для нахождения общей правовой идеи таких, например, ценностей как «добросовестность» или «справедливость», так или иначе также приравнивает его (законодателя) отношение к ценности как *к точке зрения*, которая, по Хайдеггеру, «становится центром перспективы для зрения», которое и утверждает ценности на шкале их убывания и возрастания. Опять же, по Хайдеггеру, «акт утверждения ценности... должен соотноситься с волей к власти». Данное утверждение предполагает не только возрастание или убывание ценности, но и отмену одной и утверждение другой, замещение одной другой и т. д. И все эти изменения степени значимости одной ценности в угоду другой, пишет Хайдеггер, «пропорционально росту власти у полагающего ценности»⁵.

⁵ Цит. по: Тимошина Е.В. «Тирания ценностей» как «воля к власти»: к генеалогии и последствиям ценностного дискурса в правосудии // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22. № 3. С. 134.

Отсюда *ценность* предстает как *определенное количество власти*, утвержденное волей к власти, а шкала ценностей – шкалой степени и силы власти... В этом смысле ценность есть точка зрения роста или умаления этих центров господства⁶.

А для Ларенца ценность или правовая норма (повторяю, что в данном случае он их никак не различает) есть точка зрения их толкования судьей с последующим нахождением общего для судей консенсуса относительно их единого толкования. Но если Хайдеггер соотносит приходящий характер ценностей с волей к власти тех, кто эти ценности полагает, то Ларенц, осознавая неизбежность изменения в толковании правовых норм и ценностей, объясняет все эти изменения потерей их актуальности в связи с «течением (исторического) времени» и *необходимостью нового толкования*, если оно оправдано историческими изменениями:

Законодатель сталкивается с определенными правовыми проблемами, которые, в свою очередь, вытекают из современных ему обстоятельств и условий [Ларенц, Канарис 2024, с. 163].

Что касается толкования (читай: изменения) ценностей, то по Ларенцу оно обязано учитывать (читай: оставлять неизменным) *толкование ценностей*, но только в том случае, если они не противоречат воле *исторического законодателя*. То, что очевидно для Шмитта и Хайдеггера, отнюдь не очевидно для Ларенца: для Ларенца не очевидно соотнесение изменения ценности с волей к власти. При этом он, вслед за Э. Гуссерлем, признает неизбежность исторических изменений и необходимость в связи с этим нового толкования норм права или ценностей.

В данном случае есть основание упрекнуть Ларенца в том, что в различных контекстах он использует разные объекты для толкования (это и нормы права, и закон, и ценности), не отслеживая их разницы с точки зрения возможности их интерпретирования посредством использования одного и того же метода. Для Ларенца это, скорее всего, объективно-телеологический метод толкования, т. е. тот метод, который он полагает возможным использовать при толковании и правовых норм, и ценностного дискурса. Обязательным условием, которое обеспечивает возможность применения именно объективно-телеологического метода толкования, становится для Ларенца то, что он и право-

⁶ Там же.

вой акт, и правовую норму приравнивает к *ценностному дискурсу*, в процессе интерпретации которых законодатель пользуется «оценочными суждениями».

В «Методологии» Ларенц пишет:

Толкование не должно игнорировать ценности, из которых исходил исторический законодатель, если они не противоречат сегодняшним конституционным принципам. В противном случае следовало бы говорить уже не о толковании закона, а о «вкладывании» (*Einlegung*) в него какого-то смысла [Ларенц, Канарис 2024, с. 163].

Другими словами, ценности, связанные «с сегодняшними конституционными принципами», должны толковаться в соответствии с толкованием исторического законодателя и не подлежат изменению, т. е. новому толкованию. При этом Ларенц допускает такие исторические изменения, которые не могут не повлиять на смысловую сторону ценностного дискурса. Не отвечая напрямую на вопрос о том, что именно необходимо делать в этом случае, но каждый раз определяя закон и правовую норму как защищающие в большей или меньшей степени права граждан, т. е. интерпретируя их как ценности, Ларенц полагает необходимым использование по отношению к любой правовой норме (оценивая ее как ценностную) оценочного мышления. Ответственность за правильность решения, принимаемого посредством использования оценочных суждений, Ларенц возлагает на судей. При этом он легко допускает, что для принятия верного решения судье часто требуется не рациональное, оценочное или телеологическое мышление, а интуиция:

Если судья, в случае сомнений в содержании закона, не может ни извлечь указаний из материала закона, ни применить прецедент, то он разрешает дело по собственному внутреннему ощущению права, так, как именно он считает справедливым и верным [Ларенц, Канарис 2024, с. 54].

Что касается Шмитта, то он не может отрицать факт наличия связи между полаганием ценностей и волей к власти, нигде, однако, на эту связь не указывая в «Тирании ценностей»: ведь указать на нее значит признать вечную гарантию на власть *тех, кто полагает ценности*:

Официальный статус тех, кто полагает ценности как способ существования своей власти, подтверждается ее публичностью. А с публичностью своего полагания подтверждается агрессивность ценности [Тимошина 2023, с. 135].

С большой долей вероятности можно предположить, что под *агрессивностью ценностей* Шмитт имеет в виду непреходящий характер ценностного дискурса в связи с непреходящим характером самой власти и выведенным самим Шмиттом понятием политического с вечным разделением на друзей и врагов.

Признание непреходящего характера власти есть признание невозможности скорректировать данную ситуацию в сторону дистанцирования от языка ценностей и ценностного мышления. И напротив, намеренное замалчивание этой ситуации дает Шмитту возможность ответить на вопрос: *кто ответственен за преодоление «тирании ценностей»?* Шмитт, как и Ларенц, считает возможным и необходимым возложить эту ответственность на судей. При этом Шмитт призывает их к тому, чтобы постоянно обновлять и актуализировать ценности, а Ларенц, повторим, пытается выработать алгоритм (называемый объективно-телеологическим толкованием), легко допуская ограниченность и проблемность его использования и обязывая судью в трудных случаях пользоваться интуицией.

Заключение

Вопрос о возможности соотнесения учения Ларенца с учением Шмитта о правовом мышлении не имеет однозначного ответа. С одной стороны, сложно не согласиться с профессором Б. Рютерсом и профессором М. Штолляйсом относительно возможности подобного соотнесения. Последний, в частности, пишет:

Даже цивилисты, размышлявшие об отмене Общей части Гражданского кодекса, отделявшие движимое имущество от собственности на землю и желавшие разбить Гражданский кодекс в целом на отдельные законы, хватались за ключевое (Авт. – шмиттовское) слово «*конкретный порядок*», т. к. это позволяло наводить мосты с «конкретно-всеобщими» терминами цивилистического неогегельянства (К. Ларенц) [Штолляйс 2017, с. 486–487].

Профессор Рютерс, произведя со своей стороны критический анализ мышления в конкретно-всеобщих понятиях и мышления в категориях конкретного порядка, также пришел к выводу о наличии схожих черт в обеих интеллектуальных конструкциях, а именно: адаптивность к новым представлениям о правовых ценностях; значительная степень неопределенности и пробельности

законодательных норм; легитимация тех положений политической власти, цели которых не соответствуют целям исторического законодателя и не урегулированы с точки зрения закона [Rüthers 2018].

С другой стороны, в своем стремлении преодолеть абстрактный характер правовой нормы Шмитт и Ларенц использовали такие средства, которые сложно подвергаются соотнесению. При этом нельзя не признать и то, что интерес к представленным учениям, как и интерес к их создателям, не ослабевает до сих пор, что лишний раз доказывает: не сохранив изначальной цели, полагаемой их авторами, они продолжают оставаться предметом исследовательского интереса наших современников.

Литература

- Антонов 2023 – Антонов Б.А. Правовое мышление с позиции К. Шмитта и К. Ларенца: о понятийно-содержательном переосмыслении немецкого правопорядка в период Третьего рейха // Ленинградский юридический журнал. 2023. № 4 (74). С. 27–54.
- Антонов 2021 – Антонов М. Юридический позитивизм и проблемы развития российского права // Ideology and Politics Journal. 2021. № 2 (18). С. 121–151.
- Боруленков 2017 – Боруленков Ю.П. Правовое мышление как интеллектуальная составляющая юридического познания // Правоведение. 2017. № 2 (331). С. 6–41.
- Кильдюшов 2010 – Кильдюшов О.В. Читая Шмитта // Государство и политическая форма / Пер. с нем. О.В. Кильдюшова. М: Изд. дом Гос. ун-та «Высшая школа экономики», 2010. 272 с.
- Кильдюшов 2013 – Кильдюшов О.В. Между правом и политикой: Карл Шмитт в начале 30-х // Государство. Право и политика. М.: Территория будущего, 2013. С. 7–27.
- Кондуров 2018 – Кондуров В.Е. Основания действительности правопорядка и проблема юстициальности «политического»: К. Шмитт о границах юстиции // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 5. С. 63–91.
- Кондуров 2023а – Кондуров В.Е. Политическая теология Карла Шмитта: теоретико-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2023. 225 с.
- Кондуров 2023б – Кондуров В.Е. «Тирания ценностей» Карла Шмитта в контексте спора о природе конституционных прав // Российское социологическое обозрение. 2023. Т. 22. № 3. С. 96–124.
- Ларенц, Канарис 2024 – Ларенц К., Канарис К-В. Методология юриспруденции / Пер. К.В. Нама. М.: М-Логос, 2024. 357 с.
- Меринг 2018 – Меринг Р. Работа Карла Шмитта «Состояние европейской юриспруденции» / Пер. О. Кильдюшова // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 1. С. 30–54.

- Рютерс 2020 – *Рютерс Б.* Философия права в руинах послевоенного периода: комментарии к докладу Моника Фроммель // Правосудие. 2020. Т. 2. № 3. С. 213–224.
- Тимошина 2023 – *Тимошина Е.В.* «Тирания ценностей» как «воля к власти»: к генеалогии и последствиям ценностного дискурса в правосудии // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22. № 3. С. 125–141.
- Филиппов 2000 – *Филиппов А.Ф.* Карл Шмитт: Расцвет и катастрофа // Шмитт К. Политическая теология: Сборник. М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2000. С. 259–314.
- Шмитт 2011 – *Шмитт К.* Тирания ценностей. 3-е испр. изд. Берлин: Дункер унд Хумблот Ферлаг, 2011. С. 1–22.
- Шмитт 2013 – *Шмитт К.* О трех видах юридического мышления // Шмитт К. Государство: Право и политика: Пер. с нем. / Сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М.: Территория будущего, 2013. С. 307–356.
- Шмитт 2016a – *Шмитт К.* Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 568 с.
- Шмитт 2016b – *Шмитт К.* Политическая теология // Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 5–59.
- Штолляйс 2017 – *Штолляйс М.* История публичного права в Германии: Веймарская республика и национал-социализм / Пер. с нем. О.Г. Субботина. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 663 с.
- Rüthers et al. 2018 – *Rüthers B., Fischer C., Birk A.* Rechtstheorie mit Juristischer Methodenlehre. Lehrbuch/Studienliteratur, C.H. Beck, 10, überarbeitete Auflage. München, 2018. 621 S.

References

- Antonov, B.A. (2023), “Legal Thinking from the Position of K. Schmitt and K. Larenz: on the Conceptual-Content Rethinking of the German Legal Order in the Third Reich”, *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad Legal Journal*, no. 4 (74), pp. 27-54.
- Antonov, M. (2021), “Legal positivism and issues of the development of Russian law”, *Ideology and Politics Journal*, Russia, no. 2 (18), pp. 121-151.
- Borulenkov, Yu.P. (2017), “Legal thinking as an intellectual component of legal knowledge”, *Pravovedenie*, no. 2 (331), pp. 6-41.
- Filippov, A.F. (2000), “Carl Schmitt. Heyday and disaster”, *Karl Shmitt. Politicheskaya teologiya* [Carl Schmitt. Political Theology], Kanon-press-TS, Kuchkovo pole, Moscow, Russia.
- Kil'dyushov, O.V. (2010), *Chitaya Shmitta* [While reading Carl Shmitt], Gosudarstvo i politicheskaya forma, State and political form. Transl. from Germ. by O.V. Kild'yushov. Izd. dom Gos. universiteta, Moscow, Russia.
- Кильдюшов 2010 – *Кильдюшов О.В.* Читая Шмитта // Государство и политическая форма / Пер. с нем. О.В. Кильдюшова. М: Изд. дом Гос. ун-та, 2010. 272 с.
- Kil'dyushov, O.V. (2013), “Between law and politics, Carl Schmitt at the beginning of 30s”, *Gosudarstvo. Pravo i politika* [State. Law and politics.], Territoriya budushchego, Moscow, Russia, pp. 7-27.

- Кильдюшов О.В. Между правом и политикой: Карл Шмитт в начале 30-х // Государство. Право и политика. М.: Территория будущего, 2013. С. 7–27.
- Kondurov, V.E. (2018), “The foundations of the validity of legal order and the problem of the justiciability of the ‘political’: C. Schmitt on the limits of justice”, *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, vol. 13, no 5, pp. 64-91.
- Kondurov, V.E. (2023a), *Carl Schmitt's Political Theology: A Theoretical and Legal Study*, PhD Thesis, Saint Petersburg, Russia.
- Kondurov, V.E. (2023b), “Karl Schmitt's ‘Tyranny of Values’ in the context of the debate on the nature of constitutional rights”, *Russian Sociological Review*, vol. 22, no 3, pp. 96-124.
- Larenz, K. and Kanaris, K-V. (2024), *Metodologiya yurisprudentsii* [Methodology of jurisprudence], M-Logos, Moscow, Russia.
- Mering, R. (2018), “‘The state of European Jurisprudence’ by Carl Schmitt”, *Russian Sociological Review*, vol. 17, no 1, pp. 30-54.
- Rüthers, B. (2020), “Philosophy of law in the ruins of the post-war period: Commentary on the report of Monica Frommel”, *Justice*, vol. 2, no 3, pp. 213-224.
- Rüthers, B., Fischer, C. and Birk, A. (2018), *Rechtstheorie mit Juristischer Methodenlehre*, Lehrbuch/Studienliteratur, München, Germany.
- Schmitt, K. (2011), *Tiraniya cennostei* [Tyranny of values], 3-d ed., Dunker und Humblot Verlag, Berlin, Germany, pp. 1-22.
- Schmitt, K. (2013), “About three types of legal thinking”, *Gosudarstvo: pravo i politika* [State. Law and Politics], Territoriya budushchego, Moscow, Russia, pp. 307-356.
- Schmitt, K. (2016a), *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political], Nauka, Saint Petersburg, Russia.
- Schmitt, K. (2016b), “Political theology”, *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political], Nauka, Saint Petersburg, Russia.
- Stolleis, M. (2017), *Istoriya publichnogo prava v Germanii: Veimarskaya respublika i natsional-sotsializm* [The history of public law in Germany. The Weimar Republic and National Socialism], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia.
- Timoshina, E.V. (2023), “The ‘Tyranny of Values’ as the ‘WILL to Power’: on the genealogy and effects of value discourse in justice”, *Russian Sociological Review*, vol. 22, no 3, pp. 125-141.

Информация об авторе

Борис А. Антонов, кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; heidel@rambler.ru

Information about the author

Boris A. Antonov, Cand. of Sci. (Law), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; heidel@rambler.ru

Проблемы заключения наследственного договора

Ирина А. Беляева

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, albatros101@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию некоторых проблем, возникающих в процессе заключения наследственного договора, который выступает эффективным инструментом наследственного планирования. В статье проанализированы условия, подлежащие согласованию сторонами, заключающими наследственный договор, рассмотрены требования, предъявляемые к его субъектному составу, форме и порядку нотариального удостоверения. В статье также показаны особенности заключения наследственных договоров с участием супругов. Выявлены существующие в нормах действующего законодательства о наследственном договоре проблемы, которые создают сложности в процессе его заключения. На основе анализа теоретических положений и правоприменительной практики предложен ряд изменений и дополнений в положения Гражданского кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: наследственный договор, категория наследственное планирование, инструменты наследственного планирования, заключение наследственного договора, существенные условия наследственного договора, форма наследственного договора, нотариальное удостоверение наследственного договора, наследодатель, наследники

Для цитирования: Беляева И.А. Проблемы заключения наследственного договора // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2025. № 3. С. 225–237. DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-225-237

Issues of concluding of the inheritance contract

Irina A. Belyaeva

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, albatros101@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the study of some issues that arise in the process of concluding the inheritance contract, which acts as an effective tool for hereditary planning. The article analyzes the conditions to be agreed by the parties concluding the inheritance contract, considers the requirements for

its subject composition, form and procedure for notarization. The article also shows the specifics of concluding inheritance contracts with the participation of spouses. The author identified gaps existing in the norms of the current legislation on the inheritance contract, which create difficulties in the process of its conclusion. Based on the analysis of theoretical provisions and law enforcement practice, a number of amendments and additions to the norms of the Civil Code of the Russian Federation are proposed.

Keywords: inheritance contract, category of hereditary planning, hereditary planning tools, conclusion of inheritance contract, essential terms of the inheritance contract, form of inheritance contract, notarial certification of inheritance contract, testator, heirs

For citation: Belyaeva, I.A. (2025), "Issues of concluding of the inheritance contract", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no 3, pp. 225-237, DOI: 10.28995/2073-6304-2025-3-225-237

Введение

Пристальный интерес к наследственному планированию, существенно возросший в последние годы и обусловленный желанием наследодателей сохранить в целостности после перехода к наследникам принадлежащие им дорогостоящие или требующие управления активы (недвижимость, доли в уставном (складочном) капитале корпораций, ценные бумаги, предприятия, цифровые активы и др.), вызывает необходимость создания законодателем соответствующих таким запросам инструментов и их надежного правового оформления. В числе прочих в фокусе особого внимания находится наследственный договор, в рамках которого возможно согласование наследодателем с его потенциальными наследниками особенностей и условий перехода к ним по наследству принадлежащего ему имущества. Заключение такого договора позволяет решить ряд проблем, которые нередко возникают в процессе наследования: предотвратить возможные споры относительно прав на наследство и его распределения, обеспечить сохранность наследственной массы, защитить интересы несовершеннолетних и недееспособных наследников и др.

Наследственный договор, несмотря на относительно новизну этого инструмента наследственного планирования и нерешенность ряда вопросов по его законодательной конструкции, сегодня пользуется все большим спросом у россиян. Так, на ежегодной пресс-конференции президента Федеральной нотариальной палаты, приуроченной ко Дню нотариата, которая состоялась

21 апреля 2025 г., была озвучена статистика, демонстрирующая рост спроса на новые инструменты наследственного планирования, включая и рассматриваемый договор, что свидетельствует об ответственном подходе россиян к распоряжению имуществом на случай смерти. Так, в 2024 г. на 13% вырос спрос на совместные завещания супругов и на 8% – на наследственные договоры¹.

Вместе с тем процедурные особенности заключения таких договоров определены законодателем в статье 1140¹ Гражданского кодекса Российской Федерации² недостаточно полно и четко, что вызывает сложности в процессе ее применении нотариусами и требует дополнительного уточнения. Положения ГК РФ о завещаниях, применяемые к регулированию рассматриваемых договоров в субсидиарном порядке с учетом характерных для них особенностей, отмеченного пробела не восполняют, что обуславливает необходимость совершенствования процедуры заключения договора и пересмотра ряда законодательных положений.

Результаты исследования

Итак, равно как и любой другой, наследственный договор считается заключенным при достижении его сторонами – наследодателем (или супругами-наследодателями) и потенциальными наследниками либо одним из них – соглашения по всем его существенным условиям, облаченного в требуемую законодателем форму, что следует из предписания общей нормы пункта 1 статьи 432 ГК РФ³.

В связи с отмеченным прежде всего остановимся на детальном рассмотрении статуса заключающих наследственный договор сторон. Требования относительно объема их дееспособно-

¹ Подробнее об этом см.: Достижения и планы развития нотариата – тема ежегодной пресс-конференции президента ФНП (дата публикации: 22.04.2025). URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/dostizheniya-i-plany-razvitiya-notariata-tema-ezhegodnoj-press-konferencii-prezidenta-fnp-2504> (дата обращения 7 мая 2025).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552; 2024. № 33 (Ч. I). Ст. 4933 (далее – ГК РФ).

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г., с изм. от 31 октября 2024 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2024. № 33 (Ч. I). Ст. 4933; № 46. Ст. 7029.

сти, а также возможности использования института представительства при заключении такого договора статьей 1140¹ ГК РФ не определены, что вызывает вопросы в нотариальной практике.

В отношении наследодателя вопрос решается следующим образом. Учитывая возможность применения по аналогии закона к наследственному договору в части, непротиворечащей его существу, норм главы 62 ГК РФ о завещании, при определении статуса наследодателя применяются положения о завещателе. Таким образом, согласно пункту 2 статьи 1118 ГК РФ таковым может выступать любой дееспособный гражданин. Во исполнение данного предписания в рамках процедуры заключения наследственного договора нотариусом должна осуществляться проверка соответствующей информации о дееспособности лица, изъявившего желание его заключить⁴. Как и в случае с завещанием, использование института представительства здесь, согласно прямому предписанию пункта 3 статьи 1118 ГК РФ, также не допускается – наследодатель заключает договор исключительно лично. Наличие положений, устанавливающих требования относительно неограниченной (полной) дееспособности и необходимости личного заключения наследственных договоров, характерно и для законодательств государств, где давно известен рассматриваемый институт. Такие требования предусмотрены, в частности § 2274–2275 Германского гражданского уложения⁵.

Приведенные положения ГК РФ о завещателе в полной мере распространяются и на те случаи, когда на стороне наследодателя выступают супруги с той лишь дополнительной особенностью, что факт регистрации брака подлежит проверке нотариусом⁶. Однако все указанные правила не применяются в отноше-

⁴ Проверка дееспособности осуществляется в соответствии с пунктом 1.7.1 Методических рекомендаций по удостоверению завещаний и наследственных договоров, утв. решением Правления ФНП от 2 марта 2021 г., протокол № 03/21). Документ опубликован не был // Консультант плюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=1-1&req=doc&cacheid=FA385705B8EAF3D3A1F28D8A4EB2AA4&mode=searchcard&base=LAW&n=414568&rnd=zFQdXg#ttSJtkUqFWgnOZvJ> (дата обращения 7 мая 2025). (далее – Методические рекомендации).

⁵ Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). URL: <https://docs.yandex.ru/docs/> (дата обращения 7 мая 2025) (далее – ГГУ).

⁶ Проверка наличия зарегистрированного брака производится нотариусом в порядке, предусмотренном пунктом 8.7 Методических рекомендаций по удостоверению завещаний и наследственных договоров, утв. решением Правления ФНП от 2 марта 2021 г., протокол № 03/21.

нии другой стороны договора, с которой наследодатель его хочет заключить.

Существующее законодательное решение этого вопроса на данный момент выглядит следующим образом. В пункте 1 статьи 1140¹ ГК РФ законодатель оперирует категориями «наследники», «стороны договора» и «третьи лица», разделяя их. Стороны, заключающие с наследодателем договор, согласно его условиям, могут сами выступать в качестве наследников, а могут и не быть таковыми. В последнем случае договор заключается в пользу лиц, которые, сами не участвуя в формировании условий, будут наследниками, то есть третьих лиц. Такая ситуация предпочтительна, когда наследник не обладает дееспособностью в полном объеме и, следовательно, не способен самостоятельно участвовать в формировании условий договора, хотя на сегодняшний день нет законодательных ограничений и на выступлении таких лиц и в качестве контрагентов наследодателя.

Требования к статусу стороны, заключающей с наследодателем договор, сформулированы в статье 1140¹ ГК РФ крайне размыто: в таком качестве выступает любое из лиц, которые могут призываться к наследованию исходя из смысла статьи 1116 ГК РФ (если участники – супруги, то за каждым из них).

Таким образом, законодатель допускает заключение договора с наследодателем любых физических и юридических лиц, а также публично-правовых образований. Такой подход законодателя создает правовую неопределенность и вызывает много вопросов относительно возможности участия в качестве контрагента наследодателя тех или иных лиц. Обусловлено это тем, что заключение любого договора, включая и наследственный, предполагает прежде всего участие в формировании договорных условий, то есть наличие осознанного волеизъявления, а статья 1116 ГК РФ лишь определяет круг потенциальных наследников, совсем не учитывая этого аспекта.

Критическая оценка сложившейся ситуации дается в научной литературе. Так, в частности, Н.Е. Сосипатрова, анализируя субъектный состав договора, отмечает, что буквальное толкование нормы создает возможность для участия в качестве стороны такого договора недееспособного, только что родившегося и даже не родившегося еще ребенка, но зачатого к моменту его заключения (последний случай указанному автору представляется абсурдным, первые два – теоретически допустимыми при возможности применения института представительства) [Сосипатрова 2021, с. 32]. Сложности, связанные с участием в качестве сторон указанных субъектов отмечается и другими авто-

рами. Так, в частности, Д.В. Лоренц, указывая на возможность выступления насчитуруса в качестве стороны или третьего лица в таком договоре, отмечает проблемы, связанные с техническим оформлением таких отношений [Лоренц 2020, с. 113].

В условиях действующего регулирования участие в наследственном договоре несовершеннолетних, ограниченных в дееспособности и недееспособных лиц, действительно возможно. Пункт 1.6 Методических рекомендаций допускает заключение рассматриваемого договора представителем наследника, включая законного представителя недееспособного наследника, а также представителя юридического лица и др. При этом частично дееспособные наследники в возрасте от 14 до 18 лет наделены возможностью заключения договора с согласия своих законных представителей⁷.

Вместе с тем наследственный договор, конструируемый по модели возмездного договора, предусматривает исполнение определенных в нем обязанностей его сторонами в пользу наследодателя или иных лиц. Часто в такой договор включается блок обязанностей по содержанию наследодателя либо указанных им лиц. В таких случаях, полагаю, необходимым условием заключения наследственного договора должно быть наличие у заключающей его стороны полной дееспособности, что позволяет в полной мере оценивать правовые последствия участия в нем. Заключение наследственного договора законными представителями лиц, которые недееспособны или не обладают дееспособностью в полном объеме, допустимо лишь в тех случаях, когда такой договор совершается к их выгоде и не предусматривает исполнения каких-либо обязанностей. Во всех остальных случаях, полагаю, это недопустимо, поскольку влечет нарушение их интересов. Отмеченное обуславливает необходимость соответствующей конкретизации статьи 1140¹ ГК РФ путем установления запрета на заключение наследственных договоров, предусматривающих исполнение обязанностей, законными представителями от имени недееспособных и не обладающих дееспособностью в полном объеме лиц.

Важно также отметить, что ГК РФ не ограничивает наследодателя в количестве заключаемых наследственных договоров, что установлено пунктом 8 статьи 1140¹. При этом предметом таких договоров может стать одно и то же имущество, хотя это

⁷ Методические рекомендации по удостоверению завещаний и наследственных договоров, утв. решением Правления ФНП от 2 марта 2021 г., протокол № 03/21...

достаточно редкая ситуация. Приоритет, в отличие от ситуации с двумя завещаниями, будет иметь заключенный ранее договор, что подчеркивает необходимость соблюдения возложенных контрагентами договорных обязательств.

Далее, характеризуя процедуру заключения договора, важно определить, какие именно условия договора являются существенными и должны быть согласованы сторонами для того, чтобы договор считался заключенным. По смыслу пункта 1 статьи 1140¹, учитывая содержащееся в нем предписание, к таковым законодателем отнесены: условия об определении круга наследников и порядке перехода прав на наследуемое имущество к пережившим наследодателя сторонам договора или третьим лицам. Их согласование – наиболее важная часть процесса заключения наследственного договора, хотя и здесь наблюдается некоторая неопределенность положения, учитывая то, как оно сформулировано.

В рамках согласования первого условия должен быть установлен действительный круг наследников, в чем, собственно, и заключается конечная цель заключения рассматриваемого договора как акта распоряжения имуществом на случай смерти. Что же касается второго, то, надо полагать, исходя из приведенных положений ГК РФ, речь идет о согласовании порядка распределения принадлежащего наследодателю имущества между наследниками, права на которое к ним перейдут после его смерти. Во избежание возможных споров в договоре при его заключении целесообразно конкретизировать переходящее в порядке наследственного правопреемства имущество, четко определив кому из наследников оно перейдет, либо определив доли каждого из них в таком имуществе.

Наследственным договором могут быть определены условия перехода принадлежащего наследодателю имущества к наследникам. Эти условия могут носить потестативный характер, то есть в договор могут быть введены условия, которые полностью будут зависеть от поведения его сторон, что определено абзацем 2 пункта 1 статьи 1140¹. Так, опираясь на указанные положения, а также положения статьи 327¹ ГК РФ, наследодатель может поставить предусмотренные договором последствия в зависимость от совершения его контрагентами определенных в нем действий, исполнения ими обязанностей либо наступления обстоятельств, которые были согласованы ими при заключении договора и относительно которых на тот момент было не понятно, наступят они или нет (например, пожизненное содержание наследодателя или оплата его расходов, связанных с уходом, лечением и пр.).

При установлении в договоре таких условий важно при его заключении четко определить, какие именно доказательства будут подтверждать их исполнение или наступление (например, перечень документов, подтверждающих расходы контрагента), что позволит устранить неясность относительно подтверждения факта наступления того или иного обстоятельства.

Важно также уточнить, что, помимо согласуемых сторонами при заключении договорных условий, конструкция рассматриваемого договора допускает включение в него всех видов завещательных распоряжений (о назначении душеприказчика, выполнении завещательных отказов/возложений и др.). Таким образом, конкретный договор может содержать различные по своей природе обязанности – договорные и завещательные, которые важно четко разграничивать, поскольку первые начинают исполняться сторонами сразу после его заключения, в то время как последние – после открытия наследства. Объяснение этих различий контрагентам – неотъемлемая часть процедуры заключения договора и обязанность нотариуса⁸.

Согласованные при заключении наследственного договора условия действуют в части, не противоречащей положениям об обязательной доле (пункт 6 статьи 1140¹). Если это право появится после заключения договора, это внесет в него ряд корректив – обязательства наследников должны будут уменьшиться соразмерно уменьшению части причитающегося им имущества. Сама же возможность призвания к наследованию обязательного наследника, если, конечно, это произошло после заключения наследственного договора, признана пунктом 9 статьи 1140¹ ГК РФ существенным изменением обстоятельств и может стать причиной изменения или расторжения договора.

И, наконец, как уже было отмечено, важнейшей составляющей процедуры заключения договора выступает необходимость правильного его оформления. В отношении самой формы наследственного договора законодательно предусмотрены некоторые особенности.

Наследственный договор прежде всего акт согласованного волеизъявления сторон, что, как правомерно утверждается в научной литературе, способствует снижению случаев оспаривания договора по такому достаточно часто встречающемуся в правоприменительной практике основанию, как наличие признаков

⁸ См. пункт 9.7 Методических рекомендаций по удостоверению завещаний и наследственных договоров, утв. решением Правления ФНП от 2 марта 2021 г., протокол № 03/21.

порока воли [Путилина 2018, с. 103]. В связи с этим пункт 7 статьи 1140¹ ГК РФ требует подписания его каждой из его сторон.

Равно как и завещание, наследственный договор требует нотариального удостоверения. В силу прямого указания пункта 7 статьи 1140¹ ГК РФ в случае уклонения одной из сторон от такого удостоверения положения статьи 165 ГК РФ, допускающие возможность признания судом такой сделки действительной, если одна из сторон полностью или частично ее исполнила, здесь не применяются.

Целесообразно проиллюстрировать изложенное примером из практики Свердловского районного суда города Перми, которым было отказано в удовлетворении исковых требований «ФИО 1» (далее – истец) к «ФИО 2» (далее – ответчик) о признании заключенного наследственного договора, признании права собственности на принадлежащую наследодателю жилую недвижимость, а также признании ответчика недостойным наследником⁹. Из материалов дела следует, что наследодатель после перенесенного инсульта, нуждаясь в дополнительном уходе, заключил с истцом наследственный договор, по условиям которого в случае его смерти истец получает принадлежащую ему квартиру. Согласно п. 2, 2.1 заключенного договора приобретение имущества наследодателя возможно при исполнении истцом следующих условий: обязательство осуществлять пожизненное его содержание, а также полноценный уход за его здоровьем. Данный договор нотариально удостоверен не был (судом установлено, что стороны не обращались к нотариусу для его удостоверения). Истец во исполнение условий договора осуществляла уход за наследодателем, который заключался в проведении ежедневных гигиенических процедур, помощь в повседневных делах (приеме пищи, уборке, приобретении лекарств, посещении врачей и др.). После смерти наследодателя его брат (ответчик) обратился к нотариусу с заявлением о принятии наследства. Истец также подала соответствующее заявление нотариусу. Препятствием к оформлению ее наследственных прав явилось отсутствие нотариального удостоверения наследственного договора, поскольку на момент его заключения наследодатель был нетранспортабелен. О наличии у наследодателя сводного брата истица не знала. Ответчик не общался с наследодателем, не ин-

⁹ Решение № 2-155/2024 2-155/2024(2-4478/2023;)-М-2104/2023 2-4478/2023 М-2104/2023 от 14 февраля 2024 г. по делу № 2-155/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XSYbzbblrS15/?regular-txt=Наследственный+договор+> (дата обращения 7 мая 2025).

тересовался его здоровьем и не поддерживал его. Истец считала, что ответчик не может претендовать на наследственное имущество, так как злобно уклонялся от выполнения обязанности по содержанию наследодателя. Суд, исследовав материалы дела, констатировал, что действующим законодательством предъявляются особые требования к форме наследственного договора, требующей нотариального удостоверения, в случае несоблюдения которой признание его действительным исключается даже несмотря на наличие обстоятельств, предусмотренных статьей 165 ГК РФ. Самого факта подписания наследственного договора сторонами, как отмечено судом, недостаточно для констатации его действительности. При таких обстоятельствах суд счел невозможным удовлетворение требований истца о признании наследственного договора заключенным, и, как следствие, отклонил требования о признании права собственности на спорное жилое помещение. Суд также не усмотрел оснований для удовлетворения требования истца о признании ответчика недостойным наследником¹⁰.

Следующей важной особенностью процедуры заключения наследственного договора выступает необходимость ее видеофиксации, которая согласно пункту 7 статьи 1140¹ ГК РФ должна осуществляться в обязательном порядке. Данное требование призвано защищать права тех, кто заключил наследственный договор от возможных рисков его оспаривания. В литературе высказывается мнение, что такое несоблюдение должно приводить к ничтожности наследственного договора [Наследственное право 2018, с. 618]. И хотя на законодательном уровне соответствующих последствий не установлено, это явно следует из положений ГК РФ, поэтому с данным мнением можно согласиться.

Однако рассматриваемое требование исполняется лишь при отсутствии возражений сторон договора, в чем нотариус, удостоверяя договор, должен убедиться. Если же возражения последовали, то видеофиксации не требуется¹¹.

¹⁰ Там же.

¹¹ Подробнее об использовании программно-технических средств видеофиксации в целях объективного фиксирования фактов при совершении нотариальных действий см.: Порядок использования нотариусами средств видеофиксации и хранения материалов видеофиксации (утв. решением Правления ФНП, протокол от 17.11.2015 № 15/15). Документ опубликован не был // Консультант Плюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=1-1&req=doc&cacheid=FB7E191FAEF7C1C19E075F5C8C3BE357&mode=searchcard&base=LAW&n=189430&rnd=zFQdXg#CYTYdkUucik2NDaA> (дата обращения 7 мая 2025).

Некоторыми особенностями обладает процедура заключения наследственного договора с участием супругов. ГК РФ предусматривает возможность выступления на стороне наследодателя супругов, брак которых зарегистрирован в органах записи актов гражданского состояния, что, как уже было отмечено, подлежит проверке. Здесь, как и в случае с совместным завещанием, сторона наследодателя представлена двумя участниками – супругами.

Примечательно, что законодательство некоторых зарубежных стран, где наследственный договор получил широкое распространение, допускает выступление на стороне наследодателя не состоящих в браке лиц. Так, в частности, Германское гражданское уложение допускает заключение такого договора лицами, только собирающимися вступить в брак и заключившими брачный договор (§ 2276)¹². Целесообразно предусмотреть аналогичную возможность для лиц, вступающих в брак и в ГК РФ, предусмотрев, что такой договор вступит в силу с момента регистрации брака в органах записи актов гражданского состояния.

Важной особенностью супружеского наследственного договора выступает следующее обстоятельство: его заключение отменяет действие совершенного ими ранее совместного завещания супругов (пункт 5 статьи 1140¹ ГК РФ), то есть такой договор обладает большей юридической силой. Примечательно, что в отношении соотношения отдельных наследственных договоров и завещаний законодатель подобных правил не устанавливает, что создает неопределенную ситуацию, способах решения которой приведены в другой работе [Беляева 2022, с. 139–140].

Вообще сам факт заключения наследственного договора никак не связывает наследодателя в возможности распоряжения принадлежащим ему имуществом, выступающим его предметом. Пункт 12 статьи 1140¹ ГК РФ наделяет его правом совершения с ним любых сделок, несмотря на то, что такие действия лишат наследников возможности его унаследовать, а любые препятствующие этому соглашения, будут признаны ничтожными. Единственное, на что можно рассчитывать его контрагентам в такой ситуации, это своевременный отказ наследодателя от наследственного договора с возмещением причиненных им убытков.

¹² Bürgerliches Gesetzbuch (BGB).

Заключение

В заключение следует отметить, что процесс наследственного планирования предполагает прежде всего выбор обеспечивающих его инструментов, в наибольшей степени соответствующих интересам наследодателей и отвечающих их запросам, который требует особой тщательности. Наследственный договор, в сравнении с другими инструментами, открывает наследодателям многие возможности при минимальных рисках с их стороны, что и делает его привлекательным. Как было показано, несмотря на меньший спрос, по сравнению с завещаниями, число заключаемых договоров постепенно растет. Уточнение положений законодательства о наследственном договоре в части определения требований к статусу его сторон, конкретизации в договоре условий, которые требуют согласования, а также некоторых других аспектов, о которых говорилось в статье, позволят устранить правовую неопределенность, возникающую при заключении таких договоров, тем самым повысив защищенность участвующих в них лиц и обеспечив переход к наследникам имущественных активов наследодателя в соответствии с его волей.

Литература

- Беляева 2022 – *Беляева И.А.* Проблемные аспекты правовой конструкции наследственного договора // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. № 4. С. 136–145.
- Лоренц 2020 – *Лоренц Д.В.* Наследственный договор: подход континентального права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2. С. 105–129.
- Наследственное право 2018 – Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. Е.Ю. Петров. М.: Статут, 2018. 510 с.
- Путилина 2018 – *Путилина Е.С.* Наследственный договор как основание наследования: анализ новелл законодательства // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 12 (103). С. 101–104.
- Сосипатрова 2021 – *Сосипатрова Н.Е.* Наследственный договор: критический взгляд на правовую конструкцию // Lex Russica. 2021. № 11 (180). С. 30–37.

References

- Belyaeva, I.A. (2022), "Problematic aspects of the legal construction of the inheritance contract", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 4, pp. 136–145.

- Lorents, D.V. (2020), "The Hereditary Contract: Roman and German Ap-proaches", *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no. 2, pp. 105-129.
- Petrov, E.Yu. (ed.) (2018), *Nasledstvennoe pravo: postateinyi kommentarii k stat'yam 1110–1185, 1224 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [Hereditary law. Article-by-article commentary to Articles 1110-1185, 1224 of the Civil Code of the Russian Federation], Statut, Moscow, Russia.
- Putilina, E.S. (2018), "An Inheritance contract as the basis of inheritance. Analysis of novelties of legislation", *Science and education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*, no. 12 (103), pp. 101-104.
- Sosipatrova, N.E. (2021), "Hereditary contract: a critical look at the legal construction", *Lex Russica*, no. 11 (180), pp. 30-37.

Информация об авторе

Ирина А. Беляева, кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; albatros101@yandex.ru

Information about the author

Irina A. Belyaeva, Cand. of Sci. (Law), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; albatros101@yandex.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Экономика. Управление. Право»
№ 3
2025

Дизайн обложки
Е.В. Амосова
Корректор
Ж.П. Григорьева
Компьютерная верстка
Е.Б. Рагузина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской,
Миусская пл., д. 6, стр. 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73407 от 03.08.2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 13.10.2025
Выход в свет 17.10.2025
Формат 60×90^{1/16}
Уч.-изд. л. 13,0. Усл. печ. л. 14,9
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2245

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
www.rsuh.ru